

ЗВЁЗДЫ СОВЕТСКОЙ ФАНТАСТИКИ

КИР БУЛЫЧЁВ

ДЕТСКИЙ ОСТРОВ

В КУРИНОЙ ШКУРЕ

ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ
ПРОШЛОГО

ПОСЛЕДНИЕ ДРАКОНЫ

Кир Булычев
Детский остров. В куриной
шкуре. Предсказатель
прошлого. Последние
драконы (сборник)
Серия «Звезды советской фантастики»
Серия «ИнтерГпол»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39837749
Детский остров. В куриной шкуре. Предсказатель прошлого. Последние
драконы: АСТ; Москва; 2019
ISBN 978-5-17-111905-8

Аннотация

Кора Орват – агент № 003 Интергалактической полиции. Найдена семимесячным младенцем на планете Зрофилла и воспитана в интернате на Земле («Детский остров»). Один из самых успешных агентов ИнтерГпола. Раскрыла несколько дел межзвездного значения, среди которых – убийство профессора Галь ени на планете Дил-ли («В куриной шкуре») и исчезновение Драконов Лиондора на планете Южная Педанта (Последние драконы»). Внешне – высокая, стройная голубоглазая блондинка,

умеющая быть привлекательной и использовать свое обаяние в интересах дела («Предсказатель прошлого»).

Истории о Коре Орват – один из последних циклов Кира Булычёва.

Содержание

Детский остров

6

Конец ознакомительного фрагмента.

226

Кир Булычев
Детский остров.
В куриной шкуре.
Предсказатель прошлого.
Последние драконы

© Кир Булычёв, текст, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

Детский остров

Зловещий сентябрьский ветер, разбежавшись по взволнованной глади громадного озера, бросался на остров, бился о крутолобые валуны, утопленные в прибрежной гальке, карабкался на песчаный обрыв и принимался гнуть, терзать, вырывать из каменистой почвы изогнутые бурями сосны. Но сосны привыкли к подобным испытаниям и, поддаваясь насилию, склоняясь перед ним, лишь крепче смыкали ряды, и стоило ветру, утомившись, ослабить натиск, как они тут же распрямлялись и весело шумели ветвями, отгоняя уставшего воителя.

Ветер, не славив с соснами, рвался вверх, где легкие облака не могли ему сопротивляться и бежали от него, неслись, порой закрывая узкий серп луны, порой обнажая великолепие звездного неба.

В такие моменты воронам, поднятым яростным порывом ветра из безопасности гнезд, была видна тонкая фигурка в длинном белом одеянии, которая брела по тропинке, перекрытой аркой сосновых ветвей, выставив вперед хрупкие руки, чтобы защитить глаза от сучка или иного опасного предмета.

Казалось, эта фигурка невесома. Порой, когда напор ветра раздвигал очередную сосновую преграду и врывался внутрь леса, девушка была вынуждена замирать и даже отступать

под ударами массы воздуха, но стоило ветру немного стихнуть, как девушка упрямо распрямлялась и возобновляла свое загадочное путешествие, ибо никто по доброй воле не покинул бы в столь поздний и неуютный час надежный уют замка, немые темные башни которого возвышались над лесом, неподвластные бешенству бурь и ливней.

Тропинка, по которой спешила девушка в белом, причудливо вилась между деревьями и скалами; порой девушке приходилось склонять голову в низком тоннеле зелени, а порой она оказывалась на открытом пространстве.

На берегу озера стояла полуразрушенная сторожка, от которой тянулся давно не используемый причал для прогулочных лодок. Причал кое-где провалился, а две или три лодки, что были забыты возле него, погрузились в воду, и лишь цепи, прикрепленные концами к настилу, удерживали на плаву их узкие носы.

Неведомая сила вывела девушку к причалу. Обернувшись, проверяя, нет ли за ней погони, она обратила свой взор к сторожке, за окном которой уловила некое смутное движение. Там мелькнул красный огонек и пропал. Девушка неуверенно ступила на причал. Доски заскрипели под ее легкими шагами, звякнула ржавая цепь, и по замершей, словно ледяной, глади воды разбежалась мелкая рябь.

Глаза, которые следили за девушкой из сторожки, были не единственными, что наблюдали за ее ночным путешествием. Еще в те мгновения, когда девушка в белом спустилась по

лестнице в холл замка и, стараясь не шуметь, открыла тяжелую боковую дверь, что вела из библиотеки к оранжерее, некто, старавшийся остаться невидимым, следил за каждым ее шагом. И когда девушка в белом очутилась в ветреной лесной ночи, следом за ней замок покинул некто. В отличие от первой девушки ее преследовательница была подготовлена к ночному путешествию по лесу и закутана в серый плащ и черный платок, отчего она была почти не видна как в лесу, так и на поляне.

Проследив за движением девушки в белом к берегу, преследовательница замерла на опушке леса, но не покинула сени деревьев, понимая, что девушка в белом уже достигла своей цели.

И на самом деле та остановилась, ступив на причал, и стала оглядываться, будто неожиданно для себя проснулась в неизвестном месте.

– Вероника, – послышался низкий прерывающийся голос. – Вероника, я здесь, я жду тебя, я томлюсь в нетерпении...

– О нет! – воскликнула девушка, и в голосе ее был слышен ужас.

– Ты принадлежишь мне, – прошелестел голос.

– Отпусти меня на свободу, – умоляла девушка в белом. Дверь сторожки распахнулась, за ней стоял мужчина.

– Я ждал тебя, – произнес он. – Меня комары зажали.

Он сделал шаг вперед, и стало видно, что он почти обна-

жен, если не считать шортов, легких туфель и черной маски, скрывавшей верхнюю часть лица.

– Ты – мой сон, – произнесла девушка в белом. – Ты мой кошмар. Я не могу от тебя избавиться.

– Я – твое сладкое видение, – откликнулся молодой человек.

Он раскрыл руки, и девушка в белом, словно притяннутая сильным магнитом, сделала два шага навстречу мужчине, пока не оказалась в досягаемости его рук.

Он привлек ее к своей груди.

– О нет! – повторила девушка в белом.

Молодой человек, прижимая девушку к себе, покрывал ее лицо и шею жаркими лобзаниями. Девушка дрожала от страсти и нетерпения, но в то же время продолжала сопротивляться.

Ее преследовательница в сером плаще стояла неподалеку на краю леса и разрывалась между желанием выбежать на открытое место и помочь девушке в белом или не вмешиваться в сцену и узнать о намерениях ее участников как можно больше. Большой жизненный опыт поведал женщине в сером плаще, что крики и жалобы, которые издает девица, оказавшись в руках молодого мужчины, не следует принимать всерьез. Порой губы девушки шепчут и восклицают одно, тогда как ее истинные чувства означают нечто противоположное.

Вот сильные обнаженные руки молодого человека гладят

длинную шею девушки в белом, опускаются ниже, ласкают высокую грудь, и она негромко умоляет отпустить ее, но сама не предпринимает никаких усилий для того, чтобы вырваться.

– Иди ко мне, – уговаривает свою жертву молодой человек, стараясь увлечь ее в темноту сторожки.

– О нет! – в последнем усилии воскликнула девушка в белом и добавила от всего сердца: – Неужели не найдется ни одной живой души на свете, которая увидела бы мои терзания и пришла бы ко мне на помощь? Ведь я сама бессильна себя спасти!

Но этот возглас пропал в новом напоре дикого ветра, налетевшего с бескрайнего водного пространства. Со страшной зловещей силой ветер ударил в спину девушки и буквально кинул ее в объятия странного человека в маске. Тот сразу же обхватил девушку могучими руками и скрылся с ней в темноте сторожки.

Женщина в сером плаще не сразу нашла в себе силы последовать внутрь домика. Она прижала к груди руки, и ее скуластое бледное лицо, скрытое в тени серого капюшона, исказила гримаса отчаяния.

Изнутри домика доносились стоны и неясные мольбы несчастной девушки в белом. Но когда женщина в сером плаще услышала отчаянный приглушенный крик:

– Только не торопи события, мой мучитель! – она не выдержала.

Она в отчаянии окинула взором берег и увидела валявшийся неподалеку багор, которым некогда подтягивали к причалу прогулочные лодки. Подобрав багор, она ринулась к сторожке, держа его наперевес, и ударила им в дверь сторожки с такой силой, что дверь слетела с петель и упала внутрь помещения.

Грохот и последовавший затем грозный крик:

– Сдавайся, несчастный насильник! – произвели желаемое действие.

Молодой человек в шортах потерял присутствие духа и кинулся в сторону, противоположную той, откуда надвигалась опасность. Тонкая старая дощатая стена не выдержала удара его мощного тела и рассыпалась, отчего вся сторожка опасно накренилась.

Женщина бросила багор и наклонилась над распростертой на деревянном полу бесчувственной девицей в белом пеньюаре.

Ветер, вновь налетевший с водного простора, угрожающе пошатнул сторожку.

– Вероника! – позвала девушку женщина в сером плаще. – Очнись, простудишься! Он не успел надругаться над тобой?

Но ни единая мышца не дрогнула на лице несчастной жертвы насилия.

Еще более грозный порыв бури заставил сторожку содрогнуться.

Не оставалось ни секунды.

Скинув с себя серый плащ, женщина закутала в него Веронику и, перекинув ее через плечо, вынесла на берег.

В следующий момент, не выдержав напора стихии, сторожка сломалась подобно картонному домику. Но, почувствовав приближение катастрофы, женщина отпрыгнула в сторону, уронила на гальку несчастную Веронику и упала рядом с ней на мокрую от водяных брызг траву.

У девушки хватило сил приподняться на локте, чтобы кинуть взгляд в сторону причала, словно она опасалась, что страшный насильник находится где-то поблизости и, придя в себя, может повторить нападение.

И тут она увидела, как из-под причала вырвалась небольшая лодка, снабженная мощным мотором. Обнаженный молодой человек сидел на корме, управляя лодкой.

Сделав широкую дугу, лодка удалилась в сторону открытой воды, вздыбленной крутыми, бешено рвущимися к берегу волнами. Она опасно накренилась, и девушка даже попыталась встать, уже не опасаясь того, что насильник возвратится. Ей хотелось увидеть, куда же уносится открытая лодочка. Но на горизонте, скрытом в тумане водяных брызг и дождя, не было видно ни одного крупного судна, тогда как лишь безумец мог решиться уходить далеко в открытое бурное водное пространство.

И опасность такого рода стала действительностью: не завершив поворота, лодка зачерпнула бортом воды и опрокинулась – скорость ее была столь велика, что молодой чело-

век в маске взлетел высоко в воздух и упал в воду, подняв фонтан брызг.

Женщина в сером стояла у воды, стараясь увидеть среди волн человеческую голову или хотя бы днище лодки... но волнующаяся поверхность воды была чиста от посторонних предметов.

– Вероника, – позвала она громко. – Вероника, очнись!

Вероника отвернулась – ее душа сопротивлялась возвращению в трезвую действительность.

– Вероника, – сказала женщина, – я из-за тебя совсем простужусь. Это бесчеловечно.

И действительно, холодный порывистый ветер заставил дрожать полную немолодую женщину, отдавшую свой плащ несчастной Веронике, которая была облачена лишь в белый шелковый пеньюар и тапочки на босу ногу.

– Что с ним? – прошептали губы Вероники. – Он не утонул?

– Открой глаза, – приказала женщина. Говорить ей было трудно, зуб на зуб не попадал. Ветер застил облаками луну, и на пляже стало темно.

– Это вы, госпожа Аалтонен? – спросила Вероника.

– Да, это я. Ты сможешь подняться?

– Я не знаю, – ответила Вероника, и вновь открывшаяся луна бросила свой холодный свет на ее прелестное лицо, по которому текли прозрачные слезы.

– Немедленно поднимись, Вероника, – приказала госпо-

жа Аалтонен, имевшая привычку вставлять финские слова в русскую речь. — Я не хочу оставлять тебя на баскери. Я не уверена в твоих истинных намерениях. Что может заставить нормальную девицу, которой не исполнилось и семнадцати лет, красться ночью на берег на свидание с незнакомым молодым человеком?

— Только бы он не утонул! — прошептала Вероника.

— Что ты сказала? — спросила госпожа Аалтонен, не слышав слов девушки из-за воя ветра.

— Я сказала... я сказала, что ничего не понимаю. Что ничего не помню.

Она зажмурилась и принялась тереть глаза.

— Вероника, немедленно прекрати притворяться, — рассердилась госпожа Аалтонен. — Ты хочешь сказать, что пришла сюда не по доброй воле?

— Не помню. Честное слово, я ничего не помню, госпожа директриса, — простонала Вероника. — Какая-то неведомая сила подняла меня с постели, и дальше... дальше у меня произошел провал в памяти. Здесь был кто-то еще? Кто?

— К сожалению, Вероника, я не могу тебе поверить. Твоя речь представляется мне обычной девичьей ложью. Ты отлично знала, с кем у тебя свидание ночью на берегу. И скажи спасибо, что я выследила тебя и спасла твою девичью честь.

— Что вы говорите! — воскликнула девица. — Неужели моей чести что-то угрожало? Неужели он хотел воспользоваться моим лунатизмом?

– Чем? – спросила директриса.

– Я думаю, – сказала Вероника, – что в моем случае мы имели дело с припадком лунатизма. Я только сейчас проснулась.

– Я хотела бы поверить тебе, – ответила госпожа Аалтонен, – но весь мой жизненный опыт противится этому. Ты знала, на что идешь. Но я должна тебе сказать, что во вверенном мне детском доме связи несовершеннолетних воспитанниц с мужчинами не поощряются.

– Так вы его не узнали? – спросила Вероника с надеждой в голосе.

– Я его обязательно найду. Хотя ты сама виновата: ты сама прибежала на свидание, то есть соблазняла слабого мужчину.

– Это немыслимо, госпожа директриса, – возразила Вероника. – Я не помню, чтобы мне хоть когда-нибудь в жизни приходила такая дикая мысль – в бурю, ночью отправиться на берег. Это же верное воспаление легких!

– Ты не совсем точна, – ответила директриса. – Воспаление грозит мне, а наказание тебе будет объявлено особо.

– О! – воскликнула Вероника. – Это так несправедливо!

Она попыталась упасть в обморок, но госпожа Аалтонен категорически запретила ей оставаться на берегу. Вероника вынуждена была подняться и, обливаясь слезами, последовать вверх по тропинке.

К счастью, ветер теперь помогал идти, энергично подтал-

кивая сзади так, что порой им приходилось переходить на бег, чтобы удержать равновесие.

Наконец, когда они совсем уже выбились из сил, лес кончился и перед ними открылась широкая поляна, в дальнем конце которой возвышался замок.

* * *

Островок Кууси, мирно спящий в северной части Ладожского озера, имеет в длину около трех километров, в ширину – менее километра. Он покрыт редким сосновым лесом. Сосны поднимаются среди огромных валунов, и от частых ветров, сильных морозов и перепадов температуры они вырастают кряжистыми, корявыми, упрямыми, как старые морские волки. На южной оконечности острова поднимается пологий холм, почти лишенный растительности. Лишь полосы травы и лишайников покрывают низинки между серыми лбами покатых скал. Вершину холма венчает массивный замок, сложенный из грубо отесанных каменных блоков. По углам его поднимаются четыре круглые башни с зубчатыми вершинами. Пятая башня, донжон, квадратная и просторная, поднимается в центре замка, и ее коническая медная крыша, позеленевшая от сурового климата, видна за много километров, словно маяк.

На вершине ее с наступлением темноты зажигают яркий белый огонь, который медленно вращается, бросая сильный

узкий луч света на воды озера, окружающие остров Кууси.

В замок ведут железные ворота, которые закрываются с темнотой. Говорят, правда, что из него к берегу, к маленькой подводной пещере, ведет подземный ход. Но весьма возможно, что подземный ход — лишь выдумка романтически настроенных обитателей замка.

Кажется, что замок возвышается здесь вечно, он словно вырос из серых скал и поседел, покрылся лишайниками вместе с ними.

Но когда утренний туман уползает по поверхности холодной ладожской воды, замок, кажущийся причудливой немой скалой, оживает от звуков голосистых труб, играющих бодрящую мелодию. Над одной из башен медленно поднимается голубой с белым флаг Вселенской лиги защиты детей, и вскоре вся местность вокруг оживает от веселых звонких голов.

Широко раскрываются ворота замка, и из него на скалы выбегают легко одетые юноши и девушки. Невзирая на погоду и температуру воздуха, они резвятся на скалах, бегут вниз, окунаются в воду и даже плавают у берега, ныряя, чтобы поднять со дна понравившийся камешек или сорвать волосы водорослей для урока ботаники.

В действительности замок вовсе не стар, он построен на рубеже XX века одним петербургским чудаком, разбогатевшим на изготовлении чудесной ветчины, изменившим фамилию Галкин на фон Грааль и вообразившим себя одним

из рыцарей короля Артура. Он откупил у казны остров, на котором тогда обитали две семьи финских рыбаков, давших острову финское имя Кууси, обозначающее нечто связанное с хвойным лесом, и воздвиг на нем замок Грааль. После чего началась революция 1917 года, и фон Грааль разорился. Скрываясь от большевиков, он убежал на свой заветный остров и при приближении к нему катера Ладужской флотилии под командованием матроса Медника бросился вниз с башни и разбился о камни.

В последующие сто лет замок неоднократно менял хозяев, обитателей и назначение. В истории его были страницы драматические, трагические и потешные, но в конце концов его совсем забросили, и долгие годы он стоял нем и пуст, подобно каменной скале. Лишь во второй половине XXI века он вновь ожил, так как некто в Галактическом центре решил расположить в замке детский дом.

Это был странный детский дом, единственный подобный детский дом на Земле.

Как известно, рождаемость на Земле в течение XXI века неуклонно падала, и потому на каждого ребенка, сданного в детский дом, выстраивалась очередь из родителей. Устраивали даже конкурсы родителей на любовь к детям. И не было смысла создавать детские дома.

Но один детский дом сохранился.

Этот дом состоял в ведении не ведомства Социальной защиты и даже не ведомств Здравоохранения или Просвеще-

ния, а подчинялся ИнтерГполу – то есть судьбами дома и его обитателей распоряжалось управление под именем ИнтерГалактическая полиция.

Нет, вы ошиблись! Там жили не малолетние преступники. Дело обстояло куда хуже: в доме содержались лишь те дети, подростки, юноши и девушки, судьба которых была окутана тайной. А так как на шестьсот восемь миллиардов жителей Галактической Федерации насчитывается немало тысяч различного рода тайн, то и детей, происхождение которых не разгадано, существует немало, по крайней мере, достаточно для того, чтобы организовать специальный детский дом, причем расположенный таким образом, чтобы случайный прохожий не мог туда попасть.

Все эти предосторожности диктовались здравым смыслом и несладким опытом, имевшимся в прошлом детского дома, который и в официальных документах, и в обыденной речи посвященных назывался Детским островом.

Кто эти дети, оказавшиеся без родителей и родственников? Что таинственного в их судьбе?

Можно привести несколько примеров, чтобы пояснить, что имеется в виду.

В спальне номер три, которая расположена в здании, примыкающем изнутри к восточной стене замка, между башнями Птичьей и Кривой, стоят кровати трех девушек. Всем им приблизительно по шестнадцать-семнадцать лет, все они ходят в десятый класс расположенной на Детском острове

школы. Все они ничего не знают о своих родителях, и даже Центральный компьютер в Галактическом центре не может с уверенностью сказать, откуда они родом.

...Девушку по имени Ко обнаружили геологи на планете Зрофилла, населенной мирными зеленоногими дикарями. Однажды утром, выйдя из своего бунгало, геолог Картье де Кутурье увидел на ступеньках завернутого в розовое одеяльце младенца, как потом оказалось, женского пола. Младенец, которому от роду было семь месяцев, был сыт, пребывал в отличном настроении, шевелил пальчиками, норовя сбросить шелковое одеяльце, и гугукал. При обследовании девочки обнаружилось, что она относится к виду гомо сапиенс, белокура, голубоглаза, на правой ножке шесть пальчиков. На одеяльце, простынке и даже пеленке, в которую была завернута девочка, были вышиты буквы К и О. Отчего впоследствии девочку и стали звать Ко.

Все попытки выяснить у мирных аборигенов планеты, не знавших еще ни одеял, ни грамотности, откуда могла взяться девочка Ко на пороге геологического бунгало, не дали результатов. Когда же девочку привезли на Паталипутру и тщательно генетически обследовали там, то выяснилось, что, вернее всего, родиной ее является планета Земля, там же изготовлены одеяло и пеленки. Известно также, что до геологов ни один земной корабль не причаливал к планете Зрофилла.

Судьба соседки и подруги Ко по спальне десятиклассниц

была не менее загадочна. В двухлетнем возрасте ее нашли на покинутом космическом корабле, который, вернее всего, стартовал с Плутона. Однако этот корабль не был приписан к космопорту этой малопривлекательной планеты и был неизвестен в иных космопортах. На груди малышки на золотой цепочке висел золотой медальон, внутри которого находилась старая почтовая марка с островов Зеленого Мыса.

Девочку условно называли Вероникой, потому что так звали мать капитана патрульного корабля, который наткнулся в космосе на покинутое судно.

Третью девочку в той спальне прозвали Саломеей. У руководителей ИнтерГпола были некоторые подозрения по поводу ее происхождения, но наверняка утверждать что-либо было невозможно. Девочку обнаружили в подвале Института времени в Бейруте. Судя по обрывкам ткани, в которую была завернута трехлетняя девочка, она происходила из древнего финикийского города Библа, однако уверенности в том не было. Высказывались подозрения, что девочку подкинули в машину времени в древней Финикии во время какого-то очередного социального катаклизма. Но как это могло произойти без помощи сотрудников Института времени, непонятно. Ни один сотрудник в таком поступке не признался. Да и некого было подозревать. Девочку называли Саломеей в память героини романа Флобера.

Можно еще долго продолжать рассказ об обитателях других спален и боксов замка на Детском острове, но ничего но-

вого вы не узнаете – имеющих примеров достаточно, чтобы понять, почему место для детского дома было выбрано в исключительно уединенном и отдаленном от человеческих маршрутов месте. И поэтому замок Грааля как нельзя лучше подходил к этой цели.

По здравом размышлении создатели этого необычного детского дома решили как можно тщательнее изолировать несчастных сирот, потому что понимали, какую страшную опасность для Земли и всего человечества могут таить эти дети. Ведь Галактика – это не только полигон, на котором проверяются способности цивилизаций к дружбе и сотрудничеству. Та же Галактика давала, к сожалению, жизнь страшным тиранам и агрессивным замыслам, ставившим под угрозу само существование разумной жизни во Вселенной. И нет никаких гарантий, что рок в будущем не предпримет новых попыток подобного рода. Для того чтобы уменьшить опасность появления и торжества злобных сил, и существует Галактическая служба безопасности, а также соперничающий с ней ИнтерГпол. Если первая взяла на себя охрану Федерации от космических заговоров и вторжений, то ИнтерГпол занимается локальными, большей частью уголовными проблемами, разыскивая и нейтрализуя преступников и преступные замыслы. Но кто может сказать, где проходит черта между вселенским вторжением и его зародышем – одним убийством на отдаленной планете?

ИнтерГпол взял шефство над Детским островом, ибо каж-

дый его обитатель, неся в себе загадку, смысла и значения которой не осознавал и сам, мог в любой момент превратиться в угрозу для людей.

Почему и как – это мог решить лишь ИнтерГпол, если вовремя принимал меры.

А ведь примеры тому уже были...

Поначалу еще маленький, уютный Галактический детский домик построили под Лондоном в поселке Бромли, и сиротки свободно общались со своими сверстниками из окружающих кварталов, играли с ними в крокет и гуляли под замшелыми вязами поселкового парка.

Через некоторое время на окрестных фермах начался падеж домашнего скота. Коровы и овцы были фактически обескровлены. Ветеринары ломали себе головы, что же могло произойти. Но ответа не нашли. И вот случилась настоящая трагедия: в поле, возле изгороди, возведенной еще в пятнадцатом веке, было найдено тело сержанта Бейлиза, ветерана ряда космических экспедиций, отважного воина и доброго прадедушки. Белое, словно из мрамора, тело, облаченное в бархатный ночной халат, лежало навзничь. Широко открытые водянистые глаза ветерана были устремлены к звездам. Ни единой капли крови не осталось в его кровеносной системе.

На этот раз проводившему расследование этой трагедии инспектору бромлеевской полиции У. Э. Хелмсу повезло: возле тела ветерана он обнаружил во влажной почве дренаж-

ной канавы отпечаток маленького детского следа. По слепку со следа был изготовлен башмачок, который У. Э. Хелмс в течение нескольких суток примерял всем детям в окрестностях. Под подозрение попали даже лилипуты из бродячего цирка, который приходил в те дни из Лондона в Брайтон и ночевал в окрестностях Бромли. Паника охватила жителей местечка. Матери боялись выпускать детей в школу, взрослые мужчины вооружались бластерами и лучеметами, выходя ночью на прогулку с собакой. Поиски были безрезультатны до тех пор, пока интуиция не привела инспектора к тихому детскому дому. И оказалось, что миниатюрный башмачок как раз пришелся по ноге девчужке по имени Мисс, трехлетнему карапузу, которая таинственным образом была обнаружена в мешке с морковью на военном космическом тральщике «Орион», что особенно удивительно, потому что команда тральщика состояла исключительно из мужчин, ненавидевших морковь.

В детском доме девочка Мисс вела себя тихо, скромно, улыбчиво, постепенно научилась говорить по-английски, лишь ночной сон ее вызывал опасения у лечащего врача: порой целую ночь девочка могла провести сидя на кровати, обхватив коленки тонкими ручонками и мерно раскачиваясь. Глазки девочки загорались зловещим оранжевым пламенем, которое, правда, гасло, стоило подойти воспитателю или врачу. Соседки по комнате боялись ее и отказывались с ней жить.

Когда оказалось, что башмачок точно подходит девочке Мисс, инспектор У. Э. Хелмс был в полной растерянности. Как могла такая малютка совершить злодейское преступление, да и ряд других, которые ей приписывали?

Пока суд да дело, крошку поместили в отдельную палату психиатрической больницы, а общество защиты детей подало в суд на инспектора У. Э. Хелмса за особую жестокость по отношению к сиротке.

На третий день сиротка исчезла из палаты. Зато сторож психиатрической больницы был обнаружен под столом в своей сторожке, совершенно обескровленный, со следами укусов на шее.

Только тогда за дело взялись всерьез. Инспектора У. Э. Хелмса заменили комиссар Милодар из ИнтерГпола и несколько экспертов по переселению тел и душ. Малютку Мисс удалось отыскать в брянских лесах, а когда ее подвергли тщательному обследованию, то оказалось, что в ее теле находится переселившийся туда опасный шпион империи Кражадале, он же жестокий вампир, просыпавшийся по ночам и питавшийся кровью своих жертв.

Разумеется, при таком кратком пересказе многие яркие детали выпадают. Можно было бы подробнее и драматичнее поведать о хроническом малокровии, которое обнаружилось у половины обитателей детского дома, и о крови, запекшейся на устах маленькой хрупкой девочки. Когда ее отыскивали, она досасывала жизненные силы заповедного зубробизона. Важ-

но, чтобы читатель понял, насколько опасными могли быть воспитанники детского дома, если позволить им свободно общаться со сверстниками. И надеюсь, достаточно сказать, что случай с девочкой Мисс оказался не единственным в истории Особого детского дома.

Непросто было превратить гуманное учреждение, центр любви и заботы о неизвестных сиротках, в заведение высокой секретности. Порой, как говорил комиссар Милодар, ему так хотелось махнуть рукой на это предприятие и вообще закрыть детский дом для космических сирот, раздать их по желающим, и пускай малютки взрывают кого и когда хотят. А ведь это тоже были не пустые слова: среди воспитанников как-то обнаружился подросток, зараженный редчайшим вирусом пиромании, который, прежде чем его смогли спрятать в особую асбестовую больницу, умудрился сжечь половину города Цинциннати, так как этот вирус позволяет без вреда для его носителя поднимать температуру пальцев до семисот градусов. А вы представляете, что случится с вашим домом, если его погладить пальцем, раскаленным, как расплавленный свинец?

Наконец после долгих споров, в основном негласных, после возмущенных статей в газетах, которые большей частью оставались без ответа, решено было перевести Детский дом на выбранный для этой цели остров Кууси, лежащий в стороне от туристических маршрутов и населенных пунктов. Остров облегчал охрану Детского дома, замок давал возмож-

ность обороняться, если кому-то вздумается похитить или уничтожить кого-то из воспитанников, не допускать к детям людей, которые могли бы принести им вред.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что вскоре после завтрака над башнями замка сделал круг личный вертолет командующего силами ИнтерГпола в Северном полушарии комиссара Милодара. Комиссар, почитавший Детский остров своим подопечным хозяйством, примчался туда, бросив все дела, как только получил известия о ночном происшествии на причале.

Комиссар Милодар любил детей. У комиссара Милодара было сильно развито чувство долга. Комиссар Милодар считал Детский остров своим детищем, которое он обязан защищать от всех злодеев Галактики и от которого он обязан был защищать саму Галактику.

Вертолет комиссара Милодара опустился на площадке перед входом в замок. Ворота тут же гостеприимно раскрылись. В них стояла доктор наук Роза Аалтонен, полная, скуластая, добродушная дама с золотым лорнетом, который ей достался от дедушки.

– О, комиссари! – воскликнула финка, выбегая из железных ворот замка. – Какой кауху!

– Да, я с вами согласен, – устало ответил комиссар, который не спал три ночи подряд, выслеживая межпланетную банду, спекулировавшую мамонтовыми бивнями. Лишь таинственное происшествие на Детском острове смогло вы-

рвать его из редких и долгожданных объятий Морфея.

Директриса Аалтонен смахнула набежавшую слезу.

– Вероника... очень войн пахойн, понимаешь?

– Плохо себя чувствует? Ну хорошо, я все равно должен буду поговорить с ней.

Комиссар Милодар почти не знал финского языка, директриса Аалтонен в стрессовые минуты забывала все остальные языки, кроме финского.

Милодар быстрыми шагами направился внутрь замка. Директриса гулко шагала сзади и громко переживала на смеси финского и прочих языков.

Уверенными шагами комиссар пересек двор замка и вошел в учебный корпус, который примыкал к восточной стене. По узкой лестнице (ее ступени были выточены из гранита) Милодар взбежал на второй этаж, проследовал узким коридором к кабинету директрисы и возле него замер, словно налетел на препятствие, и вытянулся как матадор, пропуская вперед величественную даму.

Затем быстро обернулся – конечно же, все двери из классов в коридор были приоткрыты и в них замерли многочисленные любопытные детские рожицы. Комиссар Милодар отдал честь сиротам, и все двери в классы тут же захлопнулись.

Директриса уже уселась за свой стол, на котором стояло лишь пресс-папье в виде бронзового медведя, придавившее стопку листков и фотографий. Она указала Милодару на

удобное кресло. Затем по просьбе высокого гостя повела ему такую странную историю.

Некоторое время назад директриса обратила внимание на то, что воспитанница Вероника ведет себя нервно, плохо спит, видит во сне кошмары. Она стала невнимательной на уроках и даже начала грубить преподавателям и своим подругам. Налицо был тяжелый клинический случай влюбленности, возможно, неудачной. Следовало проверить, в кого влюбилась Вероника. Сначала директриса спросила об этом соседок Вероники по комнате. Правда, она не ожидала, что те легко сознаются и выдадут сердечные тайны подруги товарки. Но иритис – не пытка. Так что директриса под разными предложениями вызвала к себе всех трех девушек. Первой Ко, потому что она была ближе других к Веронике. К удивлению директрисы, Ко не стала отрицать влюбленности Вероники, но уклонилась от ответа на вопрос, кто объект ее страсти. «Подумай, – говорила директриса, – это может быть опасной болезнью. Вдруг молодой человек не может ответить взаимностью? Вдруг у него уже есть семья?» После этих провокационных слов директриса замерла, ожидая, что, возражая, Ко проговорится. Но Ко совершенно спокойно ответила, что Веронике ничего подобного не угрожает. Ее возлюбленный доступен только ей одной и ни с кем ее не делит. «Как его зовут?» – спросила директриса, не надеясь на положительный ответ. Но Ко спокойно ответила, что зовут его Джон Грибкофф. Такого персонажа на острове и даже

среди тех людей, которые время от времени по делам посещали остров, директриса не обнаружила и сочла ответ Ко лукавством. Несколько расстроенная таким поведением Ко, директриса вызвала к себе другую соседку Вероники – Саломею.

– Саломея, друг мой, – обратилась к девушке директриса. – Скажи мне, не влюбилась ли в кого-нибудь Вероника?

– О да, – сразу согласилась Саломея. – И это прекрасно!

– Как есть его имя? – спросила директриса.

– Его зовут Джон Грибкофф, – ответила Саломея, потупя глаза, потому что она была моложе своих соседок и еще ни разу не влюблялась.

– Где он живет? – спросила директриса.

– Я полагаю, что в своем дворце, – сказала Саломея.

– Далеко ли его дворец от нашего Детского острова? – спросила директриса.

– О да! – искренне откликнулась Саломея.

Но более ничего конкретного ответить директрисе не смогла.

Слушая директрису, Милодар тосковал, потому что время утекало между пальцев, а широколикая директриса рассказывала крайне обстоятельно. В то же время он был убежден в том, что, не прояви директриса такой педагогической активности, вернее всего, роман Вероники и таинственного поклонника не принял бы драматических форм. Но что делать – директриса всегда действовала строго по инструкции.

А инструкция требовала расследовать любое необычное явление в жизни Детского острова.

Убедившись в том, что Вероника влюблена, директриса решилась на разговор с самой ослушницей. По правде говоря, никакого преступления в любви нет, и сама госпожа Аалтонен роковым образом влюблялась, о чем старалась даже не вспоминать. Но память о том трагическом увлечении осталась в ненависти директрисы к сахару, компотам, варенью – всему сладкому. Из-за чего страдали дети, потому что в детдоме даже чай был несладким.

Директриса прямо спросила Веронику, что с ней происходит. И Вероника ответила директрисе, что она влюбилась. «В кого?» – спросила директриса. И Вероника ответила, что она влюбилась в Джона Грибкоффа, вполне достойного человека, холостого и добропорядочного. «Кто же он по специальности?» – спросила директриса, но Вероника отказалась ответить на этот вопрос, заявив, что директриса, наверное, шутит, потому что Веронике кажется странным, что на свете есть человек, незнакомый с Джоном Грибкоффом.

Директриса сделала вид, что удовлетворена объяснениями девушек, но заподозрила, что стала объектом какой-то шутки или даже заговора. Поэтому она тут же направилась в учительскую и спросила там у своих коллег, не слышал ли там кто-нибудь такого имени: Джон Грибкофф.

В большинстве своем преподаватели, воспитатели, охранники Детского острова были молодыми людьми, и все они

воскликнули буквально хором:

– О, несчастный Джон Грибокофф!

После ряда расспросов директрисе удалось выяснить, что Джоном Грибокоффом называли идола молодежи, авангардистского певца и танцора родом из Мелитополя. Его хиты, такие, как «Не казни меня живого» и «Чашка кофе в моем кармане», запали в душу миллионам его почитателей...

– Как он проник на наш саари? – строго спросила директриса.

– Ах, он не проникал, – с сожалением воскликнула преподавательница латыни Ларисочка Катулл. – Он погиб, прыгнув с парашютом на вершину Эвереста, ровно три года назад.

– Погиб? – ахнула директриса.

И, не откликнувшись на удивленные возгласы в учительской, она немедленно покинула комнату и уединилась в своем маленьком кабинете.

Случилось то, чего она боялась все годы своего правления на Детском острове: в его мирную размеренную жизнь вмешалась мистика. Каждый преподаватель понимает, насколько мир живых и мир мертвых близко соприкасаются в сознании ребенка. Ребенок же, заточенный злой волей судьбы на Детском острове, тем более может оказаться игрушкой в лапах злобных сил, которые тянутся с того света. Директриса надеялась, что остров хорошо защищен от гномов, троллей и злых эльфов. Но на деле обнаружилось, что это не так. Вот она, чернокудрая Вероника, – кто мог подумать, что у нее в

семнадцать лет уже наметилась связь с инкубом? Или, может быть, эти полумертвецы зовутся иначе?

Перед директрисой встала задача всерьез разобраться в этой страшной истории. И как ни тяжело было ее деликатной натуре беседовать с воспитанницей о неприятных вещах, долг приказывал ей продолжить беседу.

Директриса подстерегла Веронику, побледневшую, похудевшую и похорошевшую, у входа в столовую и попросила уделить ей несколько минут для секретного разговора.

Для этой цели на Детском острове использовали розарий, разбитый как раз за южной башней.

Вероника покорно пошла за директрисой, ничем не выказывая страха или смущения. И вот, собрав в кулак свою волю и знание русского языка, директриса сказала, глядя на воспитанницу внезапно запотевшими очками:

– Твой роман с одним молодым... киолют...

– С мертвецом, – улыбнувшись, подсказала ей Вероника.

– Вот именно, киолют, – представляет большую тревогу для воспитательского корпуса нашей коулу.

– Получается школа мертвецов, – пошутила Вероника, чем вызвала в глазах доброй директрисы неподдельный ужас.

– О нет! – ахнула директриса. – Я спрашиваю о самом настоящем! Неужели ты полюбила мертвого человека?

– Мне трудно поверить в то, что он мертвый, – произнесла Вероника. – В моей памяти он навсегда останется живым.

Вы знаете, что он разбился вдребезги о вершину Эвереста, но в тот момент он продолжал петь свой последний хит.

– О да! – согласилась директриса. – Но это не есть настоящая раккаус. Это есть игра в любовь?

– О нет! – возмутилась Вероника. – У нас с Джоном все так серьезно! Он обещал на мне жениться. Он поможет мне бежать из вашей проклятой тюрьмы.

– Но что же ты называешь ванкила? – спросила директриса. – Наш родной Детский остров?

– Ах, как он нам всем надоел! – воскликнула Вероника.

– Не может быть!

– Может, госпожа Аалтонен, может.

– Это не ванкила, а место для развития творческих сил...

– Значит, я могу отсюда уехать?

– Ни в коем случае.

– Почему же?

– Потому что твое образование не завершено.

– Ну вот, такая взрослая, а врете, – ответила Вероника. – Просто вы все, люди, нас боитесь. Вам неизвестно, что во мне скрывается. Вы трепещете и бережете от нас свои вещишки. А вот Джон Грибкофф никогда ничего не боится. Он может на мне жениться в любой момент.

– Нельзя!

– Почему же?

– Ты подумала, какие у вас будут дети?

– Наверное, такие же смелые, как мой Джон.

– Но ведь он есть мертвый.

– Это для вас он мертвый, а для меня – совершенно живой, – не сдавалась девушка.

– Это трагедия! Я запрещаю тебе к нему приближаться!

В волнении, охватившем директрису, она даже забыла спросить, каким образом Вероника познакомилась со знаменитым мертвецом и как он проникает на остров. Но за нее эту проблему разрешила сама Вероника.

– Госпожа Аалтонен, – попросила она директрису. – Я предлагаю вам заглянуть к нам в дортуар, и там я вас представлю Джону. Думаю, что он вам понравится, а что вы ему понравитесь – в этом нет никакого сомнения.

– Ах! – сказала директриса. Она была близка к обмороку, ибо как опытный педагог знала, что не имеет права падать в обморок в присутствии своей подопечной. И как ей ни было страшно, она согласилась последовать за Вероникой в каменный флигель, где располагались девичьи спальни.

Когда они пересекли двор замка, начался мелкий холодный дождь – осень постепенно вступала в свои права, и вскоре дни станут совсем короткими и тоскливыми. Возобновятся попытки побегов с острова, заявятся, отдохнув на Гавайских островах и в Каннах, группы психологов и физиков, чтобы изучать и мучить сироток, с целью разгадать их загадки, даже когда этих загадок нет. И эта перспектива наполняла сердце директрисы печалью, потому что она любила своих подопечных и переживала вместе с ними то, что им при-

ходится служить подопытными кроликами.

Вот и сейчас – совершенно очевидно, что придется столкнуться с какой-то патологией и эта милая Вероника из прилежной, правда, не очень яркой ученицы десятого класса превратится в чудище, объект для недобрых психиатров или духоизгонятелей.

Они вошли в просторную комнату, где обитали три девушки. Высокое, частично забранное витражом окно, выходящее на озеро, было приоткрыто – девочек воспитывали в непритязательной суровой обстановке, зато никто из них никогда не простужался и не страдал болезнями дыхательных путей.

Комната была пуста – подруги Вероники были на занятиях.

Разумеется, директриса не раз бывала в дортуаре старшей группы, но обычно она интересовалась лишь, соблюдаются ли там чистота и порядок.

На этот раз она сразу направилась к кровати Вероники, которая стояла в отдалении от других кроватей, – места хватало всем, так что девушки могли создать себе в комнате уголок по вкусу.

В глаза директрисе сразу бросился портрет странного молодого человека, прикрепленный к стене таким образом, что, лежа на узкой девичьей койке, Вероника могла непрерывно им любоваться.

Портрет изображал почти обнаженного мускулистого мо-

лодого человека ярко-лилового цвета с желтыми полосами, нарисованными на животе и груди. Одежда молодого человека состояла из коротких шортов, блестящих черных сапог и черной маски, скрывавшей верхнюю половину лица.

— Это он? — в ужасе воскликнула директриса, которой нравились иные мужчины.

— Да, — просто ответила Вероника. — Это и есть Джон Грибкофф, и я его безумно люблю.

— Но его на самом деле нет? — спросила директриса.

— Но он есть и на самом деле, — ответила Вероника.

— Где же он живет?

— Он живет между миром живых и мертвых, он живет в туманной бесконечности, ему там страшно скучно, и он хочет со мной дружить. Разве это плохо?

— О, эй! — воскликнула директриса. — Пожалуйста, пускай он живет там, где он живет, но только я не хочу, чтобы он беспокоил твои хермо.

— Что? — удивилась Вероника. — Может быть, я вас не точно поняла?

— Напомни мне русское слово для это понятия, — взмолилась директриса. — Это то, за что дергают.

— Хер-мо?

— Да, да! Нервы!

Директриса подошла к портрету. Она была вынуждена признать, что, несмотря на дикую раскраску, Джон Грибкофф производил впечатление гармоничного молодого че-

ловека.

– И как ты с ним познакомилась? – спросила госпожа Аалтонен. – Если это не секрет.

– Тут нет никакого секрета, – ответила Вероника. – Сначала я увидела его снимок в журнале, и мне он понравился. Потом мне попалась видеокассета с его концертом, и я подумала: вот в кого бы мне влюбиться! А потом он стал ко мне приходить.

– Как так? – Директриса, успокоившаяся было, встрепенулась. – Куда приходить?

– Сначала во сне, – ответила Вероника. – Но мне этого было мало. Мне хотелось до него дотронуться.

– Но ты знала, что он мертвый?

– Он не совсем мертвый, – терпеливо разъяснила девушка. – Все, кто попадает на вершину Эвереста, остаются в значительной степени живы.

– Хорошо, – не стала спорить директриса. – Значит, обнаружилось, что твой избранник в значительной степени жив и готов тебя трогать?

– Вы совершенно правы, госпожа Аалтонен, – согласилась девушка.

– И у вас есть... кохтаус?

– Простите, госпожа директриса. Я не совсем поняла, на что вы намекаете, но надеюсь, что вы не имеете в виду ничего неприличного?

– О нет! – Теперь наступила очередь смущаться дирек-

трисе. – Кохтаус – это когда два человека только видят друг друга, но ничего больше не делают.

– Так у нас и было, – согласилась Вероника. – Но, честно говоря, мне хочется, чтобы Джон Грибкофф сделал со мной что-нибудь еще... более энергичное. Мне же семнадцать лет, и одного кохтауса мне недостаточно.

Директриса почувствовала облегчение, потому что происшествие, как оказалось, пребывало в рамках допустимого. Подобные случаи в детском доме уже бывали. Воспитанники и воспитанницы устраивали романы между собой, был даже случай, когда воспитанница соблазнила преподавателя черчения. Что же касается влюбленности в актеров, спортсменов и телевизионных полицейских, то подобные случаи происходили довольно часто.

Директрису смущало только, что возлюбленный Вероники уже умер и никто этому не удивляется. Надо будет проверить с психиатром, не зарождается ли в девушке болезнь некрофилия, то есть любовь к мертвецам.

– И где же вы делаете... кохтаус? То есть встречаетесь? – спросила директриса.

– К сожалению, госпожа Аалтонен, я не смогу вам ответить на этот вопрос, – сказала Вероника. – Потому что вы мне наверняка запретите наш кохтаус.

Вероника уже сомневалась в том, что под словом «кохтаус» скрывается всего-навсего «свидание».

– Но ведь это шутка, игра! – воскликнула директриса,

зная уже, что совершает ошибку. Если ты имеешь дело с человеком, у которого есть мания – какая угодно: любовная, национальная или идейная, – надо с ним если не соглашаться, то по крайней мере не спорить.

– Для вас, может быть, и шутка, – спокойно ответила девушка. – Но для меня переломный момент в жизни. Может быть, я убегу от вас вместе с Джоном. Он уговаривает меня бросить вашу школу.

– И где же вы будете жить?

– У Джона осталось несколько замков и летних домиков. Может быть, мы с ним побудем на Таити.

– Голубушка, – рассердилась директриса. – Какой еще Таити? Твой Джон умер, разбился, ты же сама сказала!

– Что-то разбилось, а что-то для меня осталось, – загадочно произнесла Вероника, взяла с тумбочки небольшую фотографию своего возлюбленного и поцеловала ее. После этого она протянула ее директрисе со словами: – Поглядите.

Поперек фотографии было написано размашистой рукой: «Моей возлюбленной Веронике от верного ей Джона Грибкоффа». И дата: «6 сентября». Две недели назад.

– Ясно, – сказала директриса, возвращая фотографию и тяжело вздыхая. Она не думала раньше, что Вероника – такая лгунишка. Самой подписать себе фотографию – как это пошло!

В то же время маленькая ложь тщеславной девушки чем-то успокоила директрису. Если Вероника идет на такие на-

ивные хитрости, значит, опасности для ее жизни и жизни человечества пока нет. Хотя, конечно, девочка требует к себе повышенного внимания – такой возраст... что поделаешь!

– Вероника, – сказала директриса, – я тебя понимаю. Трудно девушке в таком возрасте находиться в четырех стенах, даже если это золотые стены. Но ты знаешь, что с окончанием школы заканчивается и исследование тебя. Мы будем надеяться, что твои родители будут найдены и откроется тайна твоего происхождения. И ты вернешься в свою семью или, если захочешь, продолжишь свое образование на Земле.

– А вот это никому не известно! – резко возразила Вероника, и ее щеки окрасились ярким румянцем. – Откуда мне знать, что я – обыкновенный человек? А вдруг во мне таится чудовище? Или страшный микроб? Или по достижении совершеннолетия я взорвусь, подняв в воздух весь ваш любимый остров?

– О нет! – воскликнула директриса, которая и сама всегда жила в ужасе от такой возможности. – Это так на тебя не похоже, Вероника! Ведь ты всегда была хорошей пейти!

– Была, да кончилась, – сурово ответила Вероника. Она обратила свой воспаленный взор к большому портрету лилового красавца и воскликнула: – О мой Джон, ты один во всем свете не боишься меня, ты один мне доверяешь! О, как я устала жить в роли потенциального чудовища, быть чужой среди людей, к которым я так стремлюсь всем сердцем. Я хо-

чу быть обыкновенной девушкой, я хочу целоваться с простым сельским парнем, но даже здесь судьба смеется надо мной – из всех возможных поклонников мне достался лишь один – труп, разбившийся вдребезги о вершину Килиманджаро!

– Эвереста, – поправила воспитанницу внимательная директриса.

– Ах, какое мне дело до того, как называется та гора, которая подставила под твоё мягкое тело свои острые скалы! И ты остался лишь видением... Но и этого мне не дано! И это у меня отбирают!

– Никто не отбирает его у тебя, – откликнулась директриса. – Ты вольна любить этого Джона. Только не принимай так близко к сердцу. Учись, гуляй, играй в подвижные игры... никто не будет тебе мешать. Ведь нас беспокоит лишь твоё душевное состояние!

Но Вероника не слушала добрую директрису. Она рухнула на кровать и залилась горькими слезами.

* * *

Комиссар Милодар внимательно слушал рассказ директрисы. Он поднялся, подошел к окну и стал вглядываться в озерную даль, затянутую мелким дождем.

– И что же заставило вас не поверить девушке? – спросил он наконец.

– Как вы догадались, что я не поверила?

– Иначе зачем вам ночью бегать по острову?

– Тьетенкин, – согласилась директриса. – То есть разумно с вашей стороны. Я не до конца поверила девушке. Потому что я просила врача усилить наблюдение за этим ребенком...

– Сколько ребенку лет?

– Семнадцать по земному счету. Но мы не знаем, сколько по ее счету.

– Надо бы раньше выпускать ваших птенчиков на волю! Они застаиваются в гнездышке.

– О, я вас понимаю! Но есть указание ИнтерГпола задерживать пребывание сирот на Детском острове до последней крайности. Сироты должны быть идентифицированы.

– Как? – удивился комиссар.

– Это есть русское слово! – гордо сказала директриса, которой не всегда легко давались очень длинные русские слова.

– Ну да, конечно, – согласился комиссар. – А я уж было решил, что чукотское.

Директриса не оценила юмора и продолжала свой рассказ:

– Рапорт врача сообщил, что душевное состояние Вероники остается напряженным. Что ей свойственны резкие перепады настроений.

– Может быть, это возрастное? – спросил комиссар.

– Нет, доктор полагает, что это связано с активным романом. Что он либо существует, либо почти существует.

– Что говорят воспитанницы?

– Они буквально заморожены тем, что у Вероники происходит роман с самым настоящим таинственным мертвецом.

– Они в это верят?

– Все без исключения!

– И не шокированы этим?

– Наоборот, комиссар. У нас особенный контингент сирот. Они чувствуют себя мизерабль.

– Это по-фински?

– Нет, это название романа французского писателя Виктора Гюго.

– Вы хотите сказать, что они верят Веронике назло вам, госпожа Аалтонен?

– Нет, не мне, – твердо возразила директриса. – А вам, господин комиссар. Всей бесчеловечной системе, которая заточила на острове детей, и без того лишенных родительской ласки.

Директриса смахнула случайную слезинку. Комиссару стало неловко, будто это он придумал такую жуткую долю для детишек.

– Продолжайте, – отрезал он.

Директриса пожала плечами, и комиссар понял, что душой она остается на стороне сироток и потому ее пора менять: при таком эмоциональном состоянии руководителя колонии недолго и до беды. Под грубой, массивной, широкоскулой, белоглазой оболочкой директрисы трепетало слишком чувствительное сердце. Если та же Вероника окажется

опасной, директриса может закрыть на это глаза из жалости к девушке. К сожалению, жалость – это личное чувство, а на директрисе лежит ответственность за судьбы детей и Земли в целом.

Сделав мысленно зарубку в памяти – приговор директрисе, Милодар дослушал рассказ.

Оказывается, вчера ночью дежурная по дортуарам старших групп сообщила ей, что Вероника только что покинула свою спальню и пробирается к выходу из замка. Старшие группы знали все секреты замка и отлично понимали, что его неприступность и древность лишь кажущиеся. На самом деле опытный человек может выбраться из замка и незаметно возвратиться в него в любой момент.

Пока Вероника спускалась на кухню, чтобы оттуда через склад подземным ходом выбраться за ворота, директриса, не поднимая лишнего шума, надела серый плащ и последовала за Вероникой. Директриса понимала, что девушка задумала нечто запретное, но не знала еще, насколько запретное.

Вероника, несмотря на ужасную погоду, одетая лишь в пеньюар, сбежала к причалу, и там, как оказалось, в сторожке возле причалов ее ждал некий молодой человек, показавшийся директрисе весьма темнокожим. И хоть в последующих событиях директриса не имела возможности тщательно рассмотреть охальника, она могла бы поклясться, что молодой человек как две капли воды похож на покойника, чей большой портрет висит над кроватью Вероники. Более то-

го, директриса могла поклясться, что роман Вероники с покойником зашел так далеко, что если бы не своевременное вмешательство госпожи Аалтонен, Вероника наверняка лишилась бы девичьей чести, которую она охраняла совсем не так тщательно, как положено это делать девицам семнадцати лет.

Но вот дальнейшие события директрисе были непонятны и ее пугали.

Насколько она смогла увидеть, моторка, на которой пытался скрыться покойник, перевернулась, и фиолетовый любовник скрылся в волнах Ладожского озера. Утонул ли он в ледяной воде или смог выбраться, оставалось тайной. По крайней мере, после того, как директриса утащила в замок плачущую Веронику, она подняла по тревоге спасательные службы озера. Но ни остатков лодки, ни тела покойника отыскать не удалось. Если Джон Грибкофф погиб вторично, то на этот раз бесследно.

Вся эта история и заставила директрису в тот же день связаться по инструкции с ИнтерГполом и лично с комиссаром Милодаром.

Комиссар Милодар внимательно выслушал сообщение директрисы, которая очень боялась, что комиссар поднимет ее на смех.

Ничего подобного. Милодар бросил все свои дела и немедленно прибыл в детский дом.

– Да, – сказал он, когда директриса завершила рассказ. –

И что же вы думаете?

– Ничего уже не думаю, – призналась госпожа Аалтонен. – Я видела черт знает что, я слышала черт знает что, и мне хочется поскорее уйти на пенсию, уехать на острова Зеленого Мыса и открыть там школы для одаренных детей-акварелистов.

Милодар посмотрел на директрису в изумлении, но промолчал, потому что и сам ловил себя в последнее время на желании бросить все к чертовой бабушке и заняться поисками подводных сокровищ, утерянных испанскими галеонами по пути из Панамы к Барселоне.

– Тогда, – произнес комиссар Милодар, – нам ничего не остается, как побеседовать с потерпевшей.

Директриса понимала, что комиссар прав, и, тяжело вздохнув, повела его через двор во флигель, примыкавший к восточной стене замка, где располагались спальни воспитанников.

* * *

Вероника, пробыв два часа в лазарете, где выяснилось, что ничто в ней не повреждено, возвратилась к себе в комнату. Где и улеглась на постель, потому что была на тот день освобождена от занятий.

Она лежала на постели, закрыв глаза и отказываясь принимать пищу, даже компот из ананасов без сахара, к которо-

му она была весьма равнодушна.

На соседней кровати сидела девушка по имени Ко, читавшая книгу Достоевского «Идиот», что говорило о хорошей постановке образования на Детском острове.

Девушка Ко произвела на комиссара двойственное впечатление. С одной стороны, она была робкой, – даже встав, чтобы поклониться комиссару и госпоже Аалтонен, она не посмела поднять взор. Но когда через несколько минут он перехватил ее взгляд, тот удивил его смелостью и даже некоторой наглостью.

Несмотря на то что девушки КО и Вероника, занимавшие соседние койки в дортуаре, были совершенно различны, опытный взгляд комиссара Милодара уловил близкое между ними сходство. Ко была голубоглазой блондинкой – ее пышные пшеничные тяжелые волосы никогда не знали еще краски или парикмахерских щипцов. Вероника же, лежавшая на кровати с закрытыми глазами, была пышноволосой брюнеткой, и цвет ее глаз был неизвестен. Но размером и фигурами девушки были удивительно схожи.

– Простите, – сказал комиссар Милодар, – простите за вторжение, однако нас привело к вам чувство долга.

– Ой, конечно же, садитесь, – сказала Ко, откладывая Достоевского в сторону. – И вы, госпожа Аалтонен, присаживайтесь. Мы вас ждали.

Говоря так, Ко сквозь опущенные ресницы разглядывала комиссара.

Комиссар Милодар был невелик ростом, отчего многим людям казался схожим с небольшой хищной птицей, допустим, соколом. Этому способствовало и то, что его крупный крепкий нос чуть загибался к концу, создавая впечатление клюва. Небольшую голову комиссара венчала копна черных с проседью курчавых жестких волос. Женщины, которые любили комиссара Милодара, а его любили многие женщины, более всего стремились запустить пальцы в его жесткую шевелюру. На смуглом лице комиссара горели светло-карие, почти желтые, кошачьи, а может, тоже птичьи глаза, которые, казалось, пронзали собеседника и утверждали: «Я вижу тебя насквозь, негодница!»

Ко невольно насторожилась.

Но тут комиссар засмеялся, и лицо его, такое жесткое и даже суровое, удивительным образом преобразилось. Тонкие лучики побежали от уголков глаз, по-клоунски загнулись углы тонких губ, даже нос потянулся кончиком кверху – милее и добрее Ко не приходилось видеть человека.

Осторожнее, приказала себе Ко, которая, несмотря на малый жизненный опыт, отличалась наблюдательностью и недоверчивостью ко взрослым. Сверстники могли быть друзьями, взрослые, почти без исключения, относились к сиротам настороженно, опасливо и неискренне. Даже если при этом мило улыбались.

– Вероника! – воскликнул комиссар, подходя к ее кровати. – Я пришел помочь тебе. Лежи, лежи, не поднимайся, у

тебя нервный срыв. Мой долг тебе помочь.

Вероника открыла синие глаза – они оказались у нее такими же, как у Ко. Только у Ко они были поярче и повеселее.

– Чем же вы мне поможете, господин, имя которого мне забыли сообщить?

– Ах, это мое упущение! – воскликнула добрая госпожа Аалтонен. – Я не представила вам комиссара Милодара, одного из руководителей ИнтерГпола, который расследует дело о нападении на тебя, дорогая Вероника.

– Как приятно, что обо мне беспокоятся такие высокие начальники, – ответила Вероника. – Но я ничем вам не могу помочь. Я находилась в припадке лунатизма, а когда очнулась, то рядом со мной была госпожа Аалтонен. Она вам все и расскажет.

– Она мне все рассказала, – признался комиссар. – Но как вы можете догадаться, ее рассказ меня не удовлетворил. Так что придется выслушать и вашу версию. Гарантирую полную конфиденциальность. То есть тайну исповеди.

– Мне выйти? – спросила Ко.

– Наоборот, мне вы нужны, как лакмусовая бумажка. Я буду слушать, что говорит Вероника, и поглядывать на вас. И по вашему лицу, может, смогу определить, когда Вероника говорит правду, а когда лжет.

– Ну тогда я точно уйду! – Ко отбросила книгу и вскочила.

«Ого, – подумал Милодар. – Сейчас в ней, наверное, метр восемьдесят. И она еще не перестала расти. Чертова акселе-

рация! Когда же она прекратится? Все девушки выше меня ростом!»

– Ты испугалась, что Вероника будет врать мне? – спросил Милодар, не скрывая усмешки сатира.

– Нет, почему вы так решили! – Ко была смущена.

– Оставайся, Ко, они хотят нас запугать, – попросила Вероника.

– Ничего подобного! – возмутилась госпожа Аалтонен.

– Как мне все это надоело! – Вероника не обратила внимания на возглас директрисы. – Сплошные допросы, подозрения, преследования! Не успеешь влюбиться, как вокруг уже начинают принимать меры!

Она была в тот момент удивительно хороша. Синие, как аквамарины, глаза излучали ослепительный гнев, ресницы превратились в стаи черных стрел, нацеленных в сердца обидчиков, черные кудри разметались по плечам, щеки порозовели, а нос побелел.

Милодар терпеливо ждал ответа, а для этого Вероника должна была успокоиться. Когда девушка успокоилась, она сказала:

– Все было бы хорошо, если бы за мной не следили.

– Сомневаюсь, – вдруг вмешалась в разговор Ко. – Ты же сама говорила, что в последнее время Джон стал каким-то нервным, агрессивным.

– Я бы не посмела войти в сторожку, – произнесла директриса, – если бы вы, Вероника, не взывали о помощи изнут-

ри.

– Я взывала о помощи совсем не для того, чтобы мне ее кто-нибудь оказывал. Неужели вы, прожив долгую жизнь, до сих пор об этом не знаете?

– Я знаю, что я должна верить людям, – ответила госпожа Аалтонен со свойственным ей чувством собственного достоинства. – Если мне кричат «помогите!» – я спешу на помощь.

– А если он утонул на самом деле? – спросила Вероника. Глаза ее наполнились хрустальными слезами, высокая грудь нервно вздымалась. – Кто будет нести ответственность?

Директриса была в растерянности. Она лишь захлопала белыми ресницами, развела руками. Но на помощь ей пришел комиссар Милодар.

– Я полагаю, – сказал он, выходя на середину комнаты, чтобы лучше разглядеть портрет Джона Грибкоффа, – что ответственность за его смерть несет гора Эверест. Ладожское озеро тут ни при чем.

– Почему? – удивилась Вероника.

– Потому что, надеюсь, вашего Джона в свое время надежно похоронили. Или вы будете утверждать, что он – привидение?

– Я не знаю...

– Ваши сказки годятся лишь для романтических девиц и доверчивых дам-учительниц. Вы даже толком не продумали свою ложь, – сказал комиссар. – Вы не готовы к допросу. А я сейчас попрошу всех выйти из комнаты и начну допраши-

вать вас одну так, как это принято в ИнтерГполе, когда мы имеем дело с особо опасными инопланетными преступниками.

– Ой, не надо! – взмолилась Вероника.

– Вы не посмеете! – воспротивилась директриса. – Она еще почти ребенок!

– Мы убежим, – заявила Ко. – И будем жить в лесу. Пускай нас сожрут комары.

Милодар с интересом взглянул на подругу Вероники. Помимо того, что у них глаза были одного цвета, они были схожи стройными гибкими фигурами и высоким ростом. Но Милодар никак не мог решить, какое сочетание ему больше нравится: синие глаза и черные локоны Вероники либо пшеничные кудри и васильковые очи Ко.

– Тогда, – сказал Милодар, сменив тон на мирный, – временно мы не будем никого допрашивать, а пойдем гулять. Где у вас тут гуляют?

Женщины смотрели на комиссара, широко открыв глаза. Предложение было по крайней мере неожиданным.

– Может быть, мы посмотрим на ваш причал? – спросил Милодар.

– И на сторожку, которая разрушилась от ветра, – сказала Ко, которая была сообразительнее остальных.

– Только одевайтесь потеплее, – сказал Милодар, – и возьмите с собой зонтики. Собирается дождик.

Через несколько минут мирная группа гуляющих покину-

ла замок.

Дождик не собрался, облака разогнало ветром – над Ладогой погода неустойчивая, порой за полчаса может измениться три раза.

На поляне, расчищенной от валунов перед входом в замок, несколько мальчишек из младшей группы под наблюдением высокого, в очках, физкультурника гоняли мячик. Молодой человек поклонился директрисе и Милодару. Его движения выдавали в нем хорошего спортсмена, а манеры – воспитанного джентльмена.

– Это наш тренер Артем Тер-Акопян, – сказала директриса. – Бывший вице-чемпион мира по серфингу. Он пишет поэму о спорте и потому нуждается в тихом уютном месте для творчества. Мы предложили ему место физкультурника вместо перешедшей в балет Людмилы Георгиевны.

Физкультурник исподтишка бросил выразительный взгляд на девушек, те потупили глаза.

Милодар отстал на три шага от остальных, поднес к губам браслет часов и произнес шепотом:

– Вернисаж. Вызываю Узкое.

– Узкое на связи, – шепнул в ответ браслет.

– Проверьте, насколько лоялен преподаватель физкультуры на Детском острове по имени Артем Тер-Акопян.

– Проверен по форме шестнадцать, – ответил браслет.

– Вы свободны, – сообщил браслету Милодар. Он был разочарован, потому что предпочел бы разоблачить галакти-

ческого шпиона. Так проверяли разведчиков, засылая их в Черную империю. И ни один еще не был разоблачен.

Миновав футбольную лужайку, процессия направилась вниз, к причалу.

– Рассказывайте по мере того, как мы будем спускаться, – приказал Милодар.

– Я спускалась здесь, – произнесла Вероника, – потому что в моей спящей душе звучал приказ спешить к причалу. Он увлекал меня. Я была бессильна ему сопротивляться...

– Она была в белой ночной рубашке, – сказала директриса. – Это ужасно!

– Как? – удивился комиссар. – На свидание в таком виде?

– А что поделаешь, если мертвец вытаскивает тебя из постели, забыв разбудить? – вмешалась Ко. – Я бы умерла от страха.

Они шли с Вероникой рядом, держась за руки, и так как были облачены в одинаковую детдомовскую одежду – серые платья в талию со строгими белыми воротничками, – то различались только цветом волос, во всем остальном казались близняшками.

– Я не помню, в чем была, – призналась Вероника. – Я шла как во сне.

– Вам было неприятно подчиняться воле этого чудовища? – спросил Милодар.

– Но я же не знала, что он – чудовище! – удивилась Вероника.

– Разумеется, чудовище. Ты бы слышала свой испуганный голос, моя крошка, – подтвердила директриса.

– И к тому же ты бежала босиком, – сказал Милодар, будто был свидетелем той сцены.

– Вы откуда знаете? – спросила директриса.

– Судя по старинным легендам, если девица становится жертвой страшного мертвеца, она бежит к нему на свидания босиком и даже не чувствует, как острые камни уродуют ее ноги!

– О да, – согласилась Вероника. – Я была его рабой. Я не могла сопротивляться. И мои нежные ноги не чувствовали острых камней. Его голос проникал в мое незащищенное сознание. Это был типичный мертвец. Фиолетового цвета!

– Ах! – Ко вырвала руку у своей подруги. Ей стало страшно, директриса закрыла ладонями лицо, но тут же споткнулась о корень сосны и полетела вперед. Комиссар Милодар не сделал и попытки поймать директрису, и этот подвиг выпал на долю Ко, которая успела обернуться, сообразить, что же происходит, прыгнуть рыбкой и принять госпожу Аалто-нен на грудь. Чудом массивная директриса не переломила пополам свою тоненькую воспитанницу.

– Простите, – сказал комиссар Милодар, – что я не участвовал в этой сцене, однако для тех, кто еще мало меня знает, я должен сообщить, что перед вами находится не тело комиссара Милодара, а лишь его искусно сделанная голограмма, то есть объемное изображение. Такие меры мне прихо-

дится принимать, спасаясь от международного терроризма и некоторых коррумпированных режимов. Я слишком много знаю и слишком многим опасен.

– Мы и не рассчитывали на вашу помощь, комиссар, – ответила госпожа Аалтонен, и они продолжили путь вниз.

Между сосен голубела гладкая поверхность озера. Чудесный прохладный день распростерся над Ладогой.

Вот и берег.

Сосновый бор остался позади. Все было залито скромным светом северного солнца. Справа лежала повалившаяся набок сторожка. Прямо – страшно запущенный причал.

– Вот здесь все и произошло, – сказала директриса.

Девушки послушно остановились в двух шагах от сторожки. Ни страха, ни вины Милодар в них не ощущал, и это его смущало.

– Когда я подошла к сторожке, – сообщила директриса, – Вероника уже была увлечена ее... спутником... соблазнителем внутрь. Ракастайя – это будет приличное выражение?

– Любовник – это всегда неприлично, – ответила Ко, но в ее синих глазах комиссар Милодар уловил веселый блеск.

Вся эта история ему совершенно не нравилась. Нет, не нравилась, потому что была лживой. Он еще не добрался до сути этой лжи, но весь его гигантский опыт по выявлению личной и организованной преступности тревожно предупреждал его: «Милодар, будь крайне осторожен. Возможна ловушка космического масштаба!»

– Я остановилась, – сказала директриса, – и думала, что надо постучать. Но куда стучать?

– И стали подслушивать. Фу, как это некрасиво! – воскликнула Ко.

– Я директриса и обязана слушать для блага Вероники. Если бы я не слушала, ты уже была бы без чести.

– Но я вас не звала.

– Ты кричала и билась, как птичка в сетке!

– Но я не для вас кричала, – обиделась Вероника. – Я для него кричала.

– И все это время вы знали, что он мертвый? – спросил Милодар.

– Разумеется, – после недолгой паузы согласилась Вероника.

– И никаких возражений против поцелуев с мертвецом у вас не было?

– А чем он хуже живых? – агрессивно спросила Вероника.

– И от него этим самым... разложением, тухлятиной не пахло?

– Почему?

– От мертвецов всегда тухлятиной пахнет.

– Только не от Джона Грибкоффа! – заявила девушка. – От него пахло одеколоном «Тореадор»!

– Бывают же исключения, – пришла на помощь подруге Ко.

– Нет, – мягко возразил Милодар. – Исключений, к сча-

стью, не бывает. Но вы продолжайте, продолжайте. Значит, вы вошли внутрь сторожки, а он вас уже поджидал.

– Да, – подтвердила директриса, – он тянул к ней темные руки!

– Фиолетовые руки, – поправила директрису Вероника. – Чудесные фиолетовые руки.

– Как бы боевая раскраска, как говаривали ирокезы, – пояснил Милодар, хотя никто его об этом не просил.

– Он всегда такой.

– Мертвецам этот цвет идет, – согласился Милодар. – И значит, запах от него шел несильный?

– Не было запаха! – возмутилась Вероника.

– А я не спору. Значит, вы проснулись и приняхались...

– Я не приняхивалась!

– И он заключил вас в объятия?

– Да, да, да! Я уже говорила!

– А объятия были холодные?

– Почему? – не поняла Вероника. – Самые обыкновенные горячие объятия.

– У мертвеца? Он что у вас, с подогревом?

– Но он же не совсем мертвый. Для меня он – как Ленин для коммунистов – вечно живой.

– Но коммунисты с Лениным не обнимаются.

– Не знаю, – сказала Вероника. – Но нам с ним было приятно обниматься. Я имею в виду Джона.

– Спасибо за пояснение, – сказал Милодар. – Значит, нам

повезло с мертвецом. Пахнет одеколоном и еще с подогревом.

– Замолчите, какой вы гадкий!

– И что он с вами стал делать в сторожке?

– Он взошел со мной на ложе, – официально заявила девица, – и намеревался меня любить.

– И при этом совершенно не вонял.

– Да что вы с этой вонью к ней пристали! – воскликнула Ко. – Если ей показалось, что не пахнет, значит, это не играет роли.

– Еще какую роль играет! Представьте себе, госпожа Аалтонен не успела бы откликнуться на крики несчастной жертвы...

– Я тихо кричала, – буркнула Вероника. – Я кричала, потому что в таких случаях положено кричать. Знала бы, что вы подслушиваете, взяла бы себя в руки и промолчала.

– Разумно, разумно, – задумчиво произнес комиссар. Он пошел вокруг сторожки, остальные последовали за ним. С дальней стороны находилась полуразрушенная стена.

– Здесь привидение выскакивало наружу? – спросил Милодар.

– О да! – подтвердила его версию мадам Аалтонен. – Он ударил, как будто бульдозер. Есть такое русское слово?

– Еще как есть! – подтвердил комиссар.

– Могли вполне меня и погубить, – добавила Вероника.

– Удивительное привидение, – сказал Милодар. – Не во-

няет, горячее, как печка, убегает из сторожки, выломав половину стены. А потом?

– Потом он побежал вон туда, – показала директриса. – Там была привязана лодка.

– И привидение, ко всем своим бедам, еще вынуждено было управлять лодкой.

– И притом неудачно, – сказала директриса.

– Он утонул? – спросил комиссар.

– Я надеюсь, что он выплыл, – сказала Вероника. – Вообще-то говоря, он отлично плавает. Мне приходилось видеть, как он плавает.

– И он вернулся к себе в могилу... – завершил беседу Милодар. Затем он обратился к директрисе: – А как вы думаете, где прячутся мертвецы на день?

– Наверно, в земле, – сказала директриса. – Или, может быть, в морге, если его не успели похоронить.

– Вы так себя ведете, словно вы нам не верите, – с осуждением заявила Ко.

– А вы себя ведете так, – ответил Милодар, – будто верите во всю эту чепуху.

– Это не есть чепуха! – неожиданно обиделась директриса. – Я сама его почти поймала. Такой страшный.

– Страшный? – спросил Милодар у Вероники.

– Когда как, – уклончиво ответила девушка.

– Тогда все свободны, – заявил комиссар Милодар.

– Как так свободны? – не поняла директриса. – Вы хоти-

те сказать, что желали произвести наш арест, а затем передумали?

– Все правильно, за исключением ареста, – ответил комиссар. – Девушкам пора приступать к занятиям, вам, госпожа Аалтонен, надо бы вернуться в свой кабинет и подхватить бразды управления Детским островом. А я пойду гулять.

– Но почему? Вы же расследуете очень серьезное дело! – воскликнула директриса.

– Но я же буду очень серьезно гулять, – ответил Миллодар. – И очень серьезно думать, как мне разгадать это дело.

Он кинул быстрый взгляд на Веронику. Та наморщила круглый лобик. Решение комиссара ее встревожило. Ко стояла рядом и внимательно смотрела на комиссара. Она, судя по всему, ему не поверила. Ну что ж, сами придумали, сами и расхлебывайте, подумал комиссар.

И, приказав женщинам оставить его одного, комиссар Миллодар стоял на месте до тех пор, пока они не скрылись за стволами сосен, сопровождаемые громким карканьем вороны, сидевшей на низкой ветке сосны.

Тогда он и начал свое расследование.

* * *

Комиссар был сторонником классической криминалистики. Подобно деревенскому знахарю или старенькому сельскому доктору, он верил в интуицию и лечил общество с по-

мощью жизненного опыта, знания человеческой натуры, а если надо было – твердости характера и пренебрежения к риску и воплям больного.

Убедившись в том, что никого поблизости не осталось, комиссар осторожно вошел в сторожку. Так как он был голограммой, физическая опасность ему не угрожала, но психологически трудно ползти под упавшими палками, бревнами, досками, которые могут рухнуть в любой момент.

Если бы вы задали комиссару вопрос, что же он ищет, комиссар пожал бы голографическими плечами и ничего не ответил. Он сам не знал. Он искал то, что попадется. А уж из этого он сделает нужные выводы.

В развалинах сторожки было темно, шуршали мыши-полевки. На опрокинутой широкой скамье обнаружился клочок белой шелковой одежды. Это был след любви. Он ничего не давал расследованию, лишь подтверждал то, что свидетели говорили правду.

Милодар повторил путь бегства мертвеца из сторожки в сторону причала, для этого ему пришлось проникнуть сквозь доски, дико проломанные телом Джона Грибкоффа. На одном из изломов Милодар обнаружил следы крови с помощью специального малозаметного манипулятора, который, в отличие от комиссара, не был голографическим. Он сложил образец в мешочек у пояса: определение группы крови мертвеца могло помочь следствию и, главное, доказать со всей очевидностью, был ли это мертвец либо вполне живой

охотник за телами юных воспитанниц.

Милодар выбрался на причал. Дождь и роса смыли следы на досках, и молекулярная собака Милодара не взяла следа. Впрочем – а что его брать, если ясно, что подозреваемое лицо скрылось на лодке. Что было, впрочем, странным решением для мертвеца. Привидениям лодка обычно не требуется, так как любое привидение может пройти по поверхности воды. Да и лодка... Как же он забыл!

Милодар нажал на кнопку браслета часов и попросил дать ему связь с кабинетом директрисы.

– Госпожа Аалтонен, надеюсь, я вам не помешал? – спросил он.

– О нет, вы еще не успели помешать. Я только вернулась. А что у вас есть за вопрос?

– Вы не можете описать мне лодку, на которой скрылся тот человек?..

– О, вене! То есть лодка... Это была голубая вене. У нас такая была для прогулок... я не знаю, теперь не сезон для прогулки...

– У вас лодки с номерами?

– Вы задали правильный вопрос, комиссар! – откликнулась директриса. – Каждая наша вене имеет свой номер. Большая цифра, вам понятно?

– Какой номер был на той лодке? Я понимаю, было темно, но все же...

– Номеро есть очень нехороший.

– Тринадцать?

– Как вы догадались?

– Жизненный опыт, – скромно отозвался комиссар.

Он выключил связь и, внимательно осмотрев причал, легкомысленно прыгнул на берег, усыпанный галькой, затем пошел вдоль воды.

Путь по берегу острова местами был легкий, подобно прогулке по Черноморскому побережью, но иногда комиссару приходилось преодолевать немалые препятствия. «Какое счастье, – думал он в таких случаях, – что я всего-навсего голограмма».

В легких местах неширокий пляж, серый от гальки, был ровным, и если на нем попадались коряги, выброшенные штормом, их легко было обойти. Хуже приходилось в тех случаях, когда к самой воде подходили скалы. Порой Милодар брел по колено, а то и по пояс в ледяной воде, а иногда взбирался на крутой откос.

На узкой оконечности острова сосновый бор сбегал к озеру, так что исковерканные тяжелой жизнью корни громадных деревьев касались воды. Некоторые деревья уже упали, не выдержав испытания ветром и водой. Сюда сверху, от замка, вела узкая заросшая тропинка, которую скорее можно было угадать, нежели увидеть. Пожалуй, подумал Милодар, воспитанники и воспитанницы приюта приходили сюда, чтобы выяснить сложные отношения, а то и помечтать в тишине и одиночестве.

Милодар задержался в этом месте и принялся лазить между перепутанных сосновых корней. Поиски его были не напрасны и вскоре увенчались результатом, к которому Милодар стремился.

Заглядывая в темные ямы между корней и обвалившихся в озеро стволов, под обломками скал и мшистыми валунами, достигающими размеров паровоза, Милодар в тени коряги увидел голубую полосу. Зайдя по пояс в воду, Милодар потянул на себя нос небольшой спасательной лодки, которую кто-то притопил под корягой, полагая, что этим надежно спрятал ее от постороннего взора. На носу была выведена число 13.

Милодар не стал вытаскивать лодку на поверхность и вычерпывать из нее воду – ему было достаточно убедиться в ее существовании. И в том, что ее не могло загнать под колоду случайной штормовой волной. Это могли сделать лишь сильные человеческие руки.

Затем Милодар, подобно куперовскому следопыту, принялся обыскивать окрестности, стараясь не наступить невзначай на сучок или листочек, чтобы не погубить вещественное доказательство, что ему, как голограмме, было нетрудно сделать.

Поиски вскоре дали свои плоды.

Отвалив камень, на поверхности которого острый взгляд комиссара заметил свежие отпечатки человеческих пальцев, он увидел небольшую банку фиолетовой краски с надписью

на ней: «Краска маскарадная, употреблять только для раскраски чертей и духов подземелья. Беречь от детей, так как, принятая внутрь, она может вызвать несварение желудка».

– Так, – произнес Милодар вслух. – Страшный мертвец обретает плоть.

Сдвинув сухие листья, под тем же камнем Милодар обнаружил черную матерчатую маску. Теперь от туалета мертвеца Джона Грибкоффа не хватало только шортов. Но их Милодар найти и не рассчитывал. Таким образом, была обнаружена база таинственного мертвеца и даже следы его переодевания. Можно было предположить, что после бегства из сторожки, спугнутый директрисой, мертвец инсценировал кораблекрушение, а затем, пользуясь плохой погодой и волнами, скрытно подогнал перевернутую лодочку к своему убежищу. А раз убежище мертвеца было на Детском острове, то весьма вероятно, что он относился к числу его обитателей. А раз он относился к числу обитателей острова, то любопытно было бы его отыскать и с ним побеседовать. Милодару еще никогда не приходилось беседовать с настоящим мертвецом.

Внимательно осмотревшись и не найдя больше ничего подозрительного, Милодар двинулся в глубь острова по незаметной тропинке. Обыкновенному человеку этот лес ничего бы не рассказал, но комиссар сразу увидел сломанную сосновую иголку, прижатую к листку кислицы песчинку... Слишком громко и недружно перекликались над головой две вороны, и на это комиссар тоже обратил внимание.

На открытом участке скалы прилип листок, на нем и без лупы виден отпечаток подошвы. Ага, подумал Милодар, значит, наш мертвец смог обуться и, наверное, переодеться в своем тайнике – любопытная деталь.

Тропинка привела Милодара к площадке, заросшей орешником, – над ней возвышалась задняя стена замка.

– Ну, вот мы и ближе к дому, – заметил вслух Милодар, и вороны, передразнивая его, зловеще закаркали.

Незаметная тропинка сквозь орешник вывела Милодара к потайной двери в задней стене замка. Перед дверью зеленел небольшой водоем, по берегам которого, скрываясь в осоке и болотной зелени, сидели сонные лягушки. Одна из ворон спикировала и схватила лягушку пожирнее. Остальные с громким плеском ухнули в воду. Вода в прудике закачалась, и Милодар пошел по краю к дверце.

Дверца со скрипом приоткрылась, обнаружив слабо освещенное помещение.

Столб мутной воды вырвался из двери, ударил Милодара в лицо и опрокинул в водоем. Только то, что Милодар был голограммой, спасло его если не от смерти, то от больших неприятностей.

На его крик из двери высунулись две прачки, которые только что опорожнили бадью с мыльной водой.

– Господи, нам еще такого чудища не хватало! – воскликнула одна из них.

– А что, я не первое чудище? – сразу среагировал комис-

сар, сбрасывая с себя водоросли, лягушек и стебли осоки. Одна крупная кувшинка осталась у него на голове и придавала комиссару несколько лукавый и легкомысленный вид.

— Бывают, — неопределенно ответила прачка. — А вы откуда к нам крадетесь?

— Да так, вот проходил леском, — простодушно откликнулся Милодар, — вижу прудик, только собрался на берегу видом полюбоваться, как вы в меня водой плеснули.

— Значит, вы гуляли? — спросила прачка.

— И увидели прудик, — добавила вторая прачка.

Обе они были молоденькие, краснощекие. Здоровая жизнь на свежем воздухе превратила их в простушек-красавиц — кровь с молоком.

— А если вокруг посмотреть, — заметила первая прачка, вся в веснушках, — то увидишь, что попал на помойку, вон и баки помойные стоят. Самое лучшее место, чтобы гулять...

Говоря так, прачки медленно, не смывая с лиц улыбок, приблизились с обеих сторон к комиссару, железными захватами постарались вывернуть ему назад руки, резкими подножками постарались сбить его с ног и обезвредить.

Но с комиссаром Милодаром, как известно, такие приемы не проходят.

Руки прачек прошли сквозь бицепсы Милодара, как сквозь воздух. Ноги прачек пролетели по пустому месту, и в результате прачки сами потеряли равновесие и благополучно опустились точно в середину прудика, который и на самом

деле наполнялся водой от стирки и некоторых хозяйственных сбросов.

Милодар отошел на несколько шагов и, опершись о ручку двери, ждал, пока прачки вылезут на сухое место.

– Пароль – Флоренция, – сказал он, как только прачки, попрыгав, вытрясли из ушей воду.

– Отзыв – Микеланджело, – откликнулись хором прачки.

– Надо смотреть, на кого кидаетесь, – сказал Милодар.

– А когда же смотреть – мы сначала действовали, господин комиссар, – ответила веснушчатая прачка.

Прачки, как и многие другие работники обслуживающего персонала, находились на службе в ИнтерГполе и даже имели чины. Прачки, например, обыскивали сданное им белье на предмет обнаружения в нем забытых предметов или надписей, затем проводили химический анализ белья, старались, к примеру, обнаружить, не содержится ли чего-нибудь подозрительного в слезах сироток, которыми они орошали свои наволочки.

Кроме того, прачки оберегали все ходы и выходы замка, и потому Милодар, не сказавший пароля заранее, стал жертвой их бдительности.

Но все закончилось благополучно, никто из прачек не пострадал, голограмма Милодара также избежала повреждения.

Поэтому комиссар сразу же приступил к допросу.

– Давно здесь дежурите? – спросил он.

Первая прачка ответила, что с утра.

– Кто проходил?

– А этим ходом никто не пользуется, – ответила вторая прачка. – Только те сотрудники, которые имеют допуск.

– А ночью?

– А ночью дверь запираем и идем спать.

– Значит, ночью можно ходить через эту дверь сколько тебе пожелается?

– Никак нет, – ответила первая прачка. – Особый патентованный замок прошел проверку в управлении секретности. Никто не сможет его открыть.

– Ясно, – ответил Милодар. Он внимательно осмотрел замок и саму дверь, затем приказал прачкам отступить на шаг внутрь замка. Когда дверь за прачками захлопнулась, он велел им запереть ее на замок. Что они и сделали. Милодар прислушивался к тому, как щелкнул замок.

– Готово? – спросил он.

– Готово.

Тогда Милодар, несмотря на то что был голограммой самого себя, начал ковырять в замке ногтем указательного пальца, который сохранял твердость и упругость. Через минуту замок щелкнул и дверь медленно распахнулась.

– Этого не может быть! – воскликнула вторая прачка.

Милодар мысленно уволил прачку из ИнтерГпола и, отстранив подчиненных, уверенно поднялся по узкой винтовой лестнице на второй этаж.

Он попал в служебный коридор. Комната с надписью на двери «Канцелярия» попала ему одной из первых, что он считал благоприятным знаком.

В канцелярии сидела лишь сама директриса, которая проверяла классные журналы. Желтые с проседью волосы толстухи были собраны в кукиш на затылке.

– Попрошу вас дать мне списки всех сотрудников Детского острова мужского пола, – попросил Милодар.

– Молодых, сильных, высокого роста, лилового цвета? – спросила директриса.

– Последнее необязательно, – оборвал Милодар слишком догадливую госпожу Аалтонен.

– Вы заблуждаетесь, – сказала директриса. – Среди сотрудников моего заведения нет ни одного киоллют. То есть мертвого человека.

– Проверка этого вопроса находится в моей компетенции, – произнес Милодар устало. Разгаданные истории для него не представляли интереса – как бывшие жены. Он даже забывал посылать им алименты.

Директриса пробежала толстыми пальцами по клавиатуре компьютера и протянула Милодару распечатку. Но на острове, не считая воспитанников, среди которых, правда, не нашлось ни одного отвечающего богатырским параметрам покойного Джона Грибкоффа, отыскалось лишь три могучих молодых человека. Один из них был капитаном катера, который осуществлял связь острова с материком. Каждый день

он совершал рейсы на своем небольшом грузовом судне на воздушной подушке, привозя продукты и увозя что надо. Второй молодой богатырь, стоматолог, мог бы попасть под подозрение, тем более что был негром, который вполне мог избрать лиловую краску как подходящий камуфляж, но уже вторую неделю, как знали на острове, стоматолог мучился воспалением надкостницы, щеку ему раздуло так, что он задевал ею при ходьбе за стены домов, и о любви стоматолог думать был не в состоянии.

Оставался третий и наиболее подозрительный.

Преподаватель физкультуры, кумир детдомовских мальчишек, милый и очаровательный Артем Тер-Акопян.

Что ж, он еще на пути к причалу показался Милодару подозрительным. А интуиция – основное достоинство сыщика.

– Будьте любезны, – произнес Милодар ледяным тоном, – личное дело преподавателя физкультуры Артема Тер-Акопяна!

– А я его как раз просматриваю, – ответила директриса. – Я очень заинтересовалась личными делами наших новых сотрудников.

– Какое удивительное совпадение, – заметил Милодар и не сдержал смеха. – Вам он тоже показался подходящим кандидатом в мертвецы?

– О да! – ответила директриса. – Но я не смела отвлекать господина комиссара от серьезных мыслей.

Милодар подошел к директрисе и взял у нее распечатки

компьютерного дела физкультурника и спортсмена, которого никак нельзя было заподозрить в том, что он и мертвец Джон Грибкофф – одно лицо.

Но тут же Милодар отбросил распечатки в сторону.

– Нет, тут что-то неверно! – воскликнул он. – Я должен с ним поговорить. Где он сейчас?

– Он сейчас должен быть в своей комнате, отдыхает после обеда, – сказала директриса. – Разрешите, я вас провожу.

Директриса осталась возле двери в комнату с табличкой «А. Тер-Акопян».

Милодар постучал в дверь.

Никто не откликнулся.

Милодар постучал сильнее.

– О! – прошептала директриса, которую, видно, мучили тяжелые предчувствия.

Так как ответа и на этот раз не последовало, Милодар толкнул дверь. Дверь открылась. Внутри никого не оказалось.

Директриса громко вздохнула от дверей, видно, полагая, что в страхе перед разоблачением молодой человек бросился с башни на камни. Но Милодар был настроен не так трагически.

Он огляделся. Освещенная тусклым дневным светом через единственное узкое окно, комната была спартански пуста и неуютна.

Узкая, так называемая девичья кровать была аккуратно

застелена серым одеялом. На полу лежали гантели, в угол закатился футбольный мяч. На тумбочке у кровати лежало несколько книжек лирической поэзии, в основном русских и армянских поэтов.

Тонкими пальцами Милодар, несмотря на то что был всего-навсего голограммой, перелистал книжки, задерживая на секунду взгляд на страницах, уголки которых были загнуты. Но страницы эти отличались от остальных лишь частотой употребления слов «любовь» и «кровь».

Затем Милодар попытался произвести в комнате Артема обыск, но директриса запретила это делать в отсутствие хозяина помещения.

– Нет, нет и еще раз нет! – воскликнула мадам Аалтонен. – Вы будете ждать возвращения хозяина комнаты, а потом обыскивать по санкции прокурора!

– У меня нет на это ни секунды.

– Тем не менее! – отрезала директриса.

Милодар пожал плечами и ответил:

– Поздно будет, когда вы пожалеете.

– Я никогда не пожалею о соблюдении правил, – не сдавалась директриса, и тогда сдался Милодар. Ничего не трогая, он обошел комнату, словно гулял по ней как по бульвару, и в этом директриса не могла ему помешать. Он стрелял искрами из глаз, освещая темные углы, благо их было немного, и даже заглядывал в щели между тесно пригнанными глыбами кладки.

– А вот и свидетель обвинения! – торжественно воскликнул Милодар и вытащил из тонкой щели между камнями небольшую любительскую цветную мобильную фотографию Вероники. Такие делают на ярмарках и на карнавалах. Фотография улыбалась, шептала одними губами: «Я люблю тебя!», делала серьезное лицо, томно закатывала глаза, затем все начиналось сначала. Для влюбленного такие фотографии не казались произведением дурного вкуса. Милодар уже проверял этот эффект на себе. Как-то у него начался роман с русалкой-амазонкой, руководительницей делегации этого народа, который населяет океан на Эврипиде. Русалки-амазонки носятся там по океану, оседлав дельфинов или даже акул. Руководство ИнтерГпола было категорически против романа Милодара с русалкой-амазонкой, к тому же ее родственники объявили, что забросят десант террористок в наши водоемы, если Милодар посмеет дотронуться своими отвратительными сухими пальцами до их влажной красавицы. Так что у Милодара от этого неудачного романа остался лишь фотопортрет русалки. Она улыбалась, шептала ему на трех языках «Я люблю тебя», закрывала глаза, загадочно улыбалась, и единственная слеза скатывалась у нее по зеленоватой прекрасной щеке...

– Где он может скрываться? – спросил Милодар директоршу.

– Может быть, он в библиотеке? – ответила вопросом директриса. Наивность ее могла сравниться лишь с ее скром-

ностью.

– Хорошо, – вздохнул Милодар. – Тогда вы поищите его в библиотеке, а я кое с кем поговорю.

– С кем? – строго спросила директриса.

– Вот об этом я вам пока не скажу, потому что вы немедленно захотите присутствовать при беседе, а мне хотелось бы сохранить ее в тайне...

– Ни в коем случае! Никаких интимных встреч! – воскликнула госпожа Аалтонен.

Но тут терпение комиссара лопнуло.

– Госпожа Аалтонен, – сказал он сухо и спрятал в карман своего голографического костюма фотографию Вероники. – Вы совершенно забыли, что директорствуете не в обыкновенной школе и даже не в обыкновенном детском доме, а в тюрьме повышенной опасности для малолетних преступников.

– О нет! Так не смеее говорить! – закричала директриса и замахала толстыми руками, словно индейка крыльями. – Это дети, несчастные крошки...

– Не надо дискуссий, – ответил кратко Милодар. – Идите в библиотеку и проверьте, надежна ли охрана острова. А я объявлю положение особой опасности.

И Милодар быстрыми шагами покинул комнату физкультурника и поспешил прочь по коридору к комнатам девочек, оставив директрису в растерянности посреди коридора.

В комнате девочек была лишь одна Ко.

– А где Вероника? – спросил Милодар от двери.

– Она гуляет, – ответила Ко.

– Ты мне покажешь, где она гуляет? – спросил Милодар.

– Наверное, на причале, – ответила Ко. – Она тоскует.

– Ты меня проводишь к ней? – спросил Милодар.

– Вы отлично знаете туда дорогу, – сказала девушка.

Милодар любовался девушкой со странным именем Ко. Он любил высоких женщин, а Ко в свои семнадцать лет уже вытянулась на шесть футов и обещала подрасти еще. У нее были тяжелые гладкие светло-русые волосы, синие, как у Вероники, глаза, пухлые светло-розовые, не знавшие помады губы и крепкий круглый подбородок.

– И тем не менее я прошу, чтобы вы меня проводили. Я объясню вам почему, – заявил Милодар. – С одной стороны, мне не хочется оставлять вас одну, потому что вы уже много знаете, а с другой стороны – я продолжаю беспокоиться за судьбу Вероники, и мне хотелось бы, чтобы в эти тяжелые для нее минуты рядом с ней находилась ее лучшая подруга.

– Спасибо за доверие, – улыбнулась Ко, и Милодару показалось, что она услышала в его монологе больше, чем он хотел ей сообщить, и куда больше, чем он на то рассчитывал.

Ко накинула на себя серую куртку и легко вскочила с по-

стели, лежа на которой она только что читала.

Милодар острым взглядом окинул комнату, словно надеялся отыскать еще одну фотографию, но ничего, конечно, не увидел, потому что, если даже в комнате и были фотографии или любовные письма, их уже надежно спрятали.

Комиссар с Ко спустились вниз и пошли по тропинке к озеру.

– Что ж, давайте спрашивайте, – попросила Ко.

– Почему я должен вас спрашивать?

– Потому что иначе зачем вам тащить меня к озеру? – сказала Ко. – Вам хочется, чтобы я говорила с вами откровенно и никто нас не слушал.

«Черт побери, – подумал Милодар. – Если бы у меня все агенты были такими сообразительными, организованная преступность в Галактике была бы изжита».

– Тогда напомните мне, почему у вас такое странное имя.

– Вы это знаете.

– Я забыл! Я не могу помнить всякие пустяки! – рассердился Милодар. – Не делайте из меня гения – я просто талантливый руководитель полиции.

– Простите. Я вам напомню, господин комиссар. Когда меня нашли у дверей геологической станции, на моем платочке и пеленках были вышиты две буквы – К и О. Вот меня и стали звать Ко, ожидая того момента, когда мое настоящее имя будет обнаружено.

– На каком языке? – спросил Милодар.

– Что?

– Буквы были на каком языке?

– Неизвестно, – ответила Ко, совсем не удивившись такому вопросу. – Алфавит был либо латинским, либо кириллицей. Иначе кто-нибудь бы удивился.

– А почему вы не приняли условное имя?

– Это очень странно, комиссар, – ответила Ко голосом, который выдавал в ней открытую и доброжелательную натуру, – но мне несколько раз пытались дать условное имя и фамилию, обычно начинающиеся с этих букв. В детском приемнике я была Катей Осколковой, потом в обыкновенном детдоме меня называли Кэтт и Кэтрин Осборн, а здесь пытались переименовать в Кристину Оннеллинен.

– Перевод, попрошу!

– Кристина Счастливая.

– Молодцы. И не прижилось?

– Что-то во мне сопротивляется. Отчаянно сопротивляется. Будто в глубине моей памяти живет мое настоящее имя. И пока я его не вспомню, мне суждено обходиться двумя буквами.

– И сколько же тебе было, когда тебя нашли?

– Несколько месяцев.

– Хорошая у тебя должна быть память!

– Господин комиссар, – ответила на это девушка. – Не надо во всех нас видеть только опасных для Земли чудовищ. Вы полицейский, вам по чину положено подозревать. Но ес-

ли бы вы были добрее, всем было бы лучше.

– Я не имею права быть добрее, – возразил Милодар. – Вот ты, например, говоришь, что с рождения знаешь, как тебя зовут.

– Подсознательно.

– А по мне хоть подсознательно или надсознательно – все равно! Где гарантия, что ты не носишь в себе бомбу замедленного действия или вирус?

– Меня уже столько раз обследовали и изучали, что еще удивительно, как во мне что-то осталось.

– Все же пока карантин не кончится, вы все – пленники и пленницы.

– Но он уже скоро кончается. По закону в восемнадцать лет живое существо в Галактике получает галактическое гражданство и полную свободу передвижений. Остался всего год.

– Этот год мы должны провести особенно осторожно и исследовать вас втрое интенсивнее, – твердо заявил Милодар.

– Ну ладно, ладно, потерпим! Но не надо из-за ваших страхов и подозрений портить жизнь моей лучшей подруге, чудесной и тонкой Веронике.

Милодар остановился посреди тропинки и посмотрел на Ко снизу вверх.

– Значит, ты так рассуждаешь! Значит, тебя не удивляет, что твоя подруга затеяла роман с мужчиной фиолетового цвета, который погиб уже много лет назад, разбившись о

вершину Эвереста?

– Вы имеете в виду Джона Грибкоффа? – засмеялась Ко.

– Что в этом смешного! Я никогда еще не сталкивался с девушками, которые так бурно вели бы романы с мертвецами.

– Дорогой мой комиссар, – сказала Ко, – неужели вы думаете, что наш замок и весь наш Детский остров настолько велики, что каждый ваш шаг мгновенно не становится известен любому первоклашке? Неужели никто не знает, что вы бежали на оконечность острова и нашли там притопленную лодку номер тринадцать?

– Вы знаете об этом? – Комиссар, специалист по конспирации, был поражен.

– Неужели вы думаете, что никто не знает о том, что вы обыскивали комнату физкультурника Артема, а директриса просила вас этого не делать?

– Черт побери! – рассердился Милодар. – Я не могу работать, когда происходит такая утечка информации!

– Вы не отрицаете? – спросила Ко.

– Я ничего не отрицаю, но и не подтверждаю. Что вы еще узнали?

– Есть мнение, что в комнате физкультурника, нашего обожаемого Артемчика, вы нашли фотографию Вероники.

– Нашел.

– И обо всем догадались!

– Догадался.

– А теперь хотите услышать всю историю из уст Вероники.

– Может, сначала из ваших?

– Неужели я похожа на сплетницу и доносчицу?

– Я еще в жизни не встречал ни одной сплетницы и доносчицы, которая была бы похожа на сплетницу и доносчицу, – парировал Милодар.

– Тогда потерпите – осталось сто метров.

Девушка была права, и потому Милодар предпочел миновать последние метры до озера, наслаждаясь вечерним воздухом, ароматом сосен, свежим запахом озерного ветра и легким ароматом французских духов, строго запрещенных на Детском острове, отчего обладание духами было делом престижным.

Вероника сидела пригорюнившись на краю причала, свесив босые ножки, и болтала ими в холодной воде. Неподалеку от причала бродила крупная ворона, выклеывая что-то из щелей между досок.

– Вы же простудитесь! – воскликнул Милодар, выйдя на открытое место.

– Ну и пусть, – ответила девушка, ожегши его синим светом глаз. – Мне вовсе не хочется жить после того, как вы погубили моего мертвого друга.

– Ах, Вероника, – откликнулся на это Милодар, ступая на заскрипевшие доски причала, – ну зачем же лгать мне, старому сыскному волку. Передо мной склонялись разведки злобных планет, и мне сдавались банды космических пира-

тов. А ты полагала, что сможешь меня провести? Я же не директриса Аалтонен, которая готова поверить в любого ходячего мертвеца.

– Не в любого! – не сдавалась Вероника. – А в Джона Грибофффа, о котором знает каждый.

Милодар присел на корточки рядом с Вероникой. Ко разулась и, держа туфли в руке, пошла по прибрежной гальке к выдававшейся в воду скале. Предвечерний воздух был так тих, что слышно было, как выплескивает вода от каждого ее шага.

– Я провел небольшое расследование, – произнес Милодар, глядя вдаль. Плеснула крупная рыба. Небо было бесцветным. – И мне не составило труда определить, что твоего мертвеца зовут Артемом Тер-Акопяном, служит он здесь физкультурником, лодку свою прячет вон там, под корнями сосен, маску и краску – у той скалы... В замок входит по ночам через дверцу, которая ведет в прачечную.

Подобно молнии Вероника вскочила на ноги.

– Как ты посмела! – закричала она, гневно глядя на подругу. – Зачем ты все ему рассказала?

– Какая глупость! – Ко даже не обиделась. – Я даже и не подозревала, что Артемчик прятал здесь лодку. Зачем мне знать?

– Нет! – упорствовала Вероника. – Это был мертвец! Я не знаю никакого Артема.

Стоя в отдалении, Ко заметила:

– Когда тебя поймали, лучше сознаться. Может, комиссар подберет.

– А я добрый, – сообщил Милодар, не вставая с корточек, и кинул в воду монетку. Все следили за тем, как она, подпрыгивая блинчиком, унеслась в закатную даль. – Мне почти все ясно, и потому я не намерен сердиться. Конечно, если вы будете говорить правду и только правду.

– Ну что вы ко мне пристали! – Вероника вскочила и побежала к концу причала. Никто не мешал ей, не останавливал. Так что ей пришлось остановиться самой. – А что вы узнали? – спросила она у комиссара.

Комиссар кинул еще одну монетку. На этот раз неудачно. Подпрыгнув раза три, она утонула.

– А я рассудил, причем без всякой помощи со стороны вашей подруги, что все таинственные явления имеют самые обычные объяснения. И только если обычное объяснение ничего не объясняет, тогда следует обратиться к необычным объяснениям. Как правило, это заводит в тупик.

– И вы догадались?

– С моим опытом и способностями – мне не стоило большого труда...

– Даже я бы догадалась на месте комиссара! Тоже мне – конспираторы! – заявила Ко.

– Как все было сделано – ясно, а вот зачем – попрошу объяснений, – потребовал комиссар.

– Чтобы не догадались, – вякнула Вероника. – Спросите

Ко.

– Это я для них придумала, – заявила Ко. – И на нашем месте вы бы сделали то же самое.

– Говорите!

– Если бы директриса или кто-нибудь из доносчиков выследил Веронику и Артема – начались бы скандалы, разборки и Артема бы в два счета выгнали бы с острова.

– А быстро бы выследили? – деловито спросил комиссар.

– В два счета. Островок наш невелик, а за морем материк, – ответила в рифму Ко. – Директриса имеет не только штатных осведомителей – поваров, прачек, медсестер и уборщиц, но и добровольных доносчиков из числа заключенных нашего острова.

– Как вы сказали?

– Я сказала – заключенных!

– Это несправедливо, – обиделся Милодар. – Вы должны быть благодарны правительству и ИнтерГполу, которые идут на все, чтобы обеспечить вам счастливое детство.

– Погодите, комиссар! – возмутилась Вероника. – А если бы я захотела сегодня слетать на Гималаи! Возможно ли это?

– Зачем вам на Гималаи? – удивился комиссар.

– Вам задали вопрос, – строго сказала Ко, – отвечайте на него, не виляйте хвостом.

– Не смейте так разговаривать с комиссаром ИнтерГпола!

– Значит, нельзя?

– Напишите заявку, соберите группу, – быстро сказал Ми-

лодар, – и отправляйтесь на ваши Гавайские острова. Хоть завтра!

– Если, конечно, ваши сотрудники, которые будут обеспечивать контроль и охрану окружающей среды от нас с Вероникой, не будут на пикнике или в отпуске. В ином случае нам посоветуют подождать до следующих каникул.

– Девушки, девушки, вы же знаете, что все делается ради вашего блага! Земля опасна, на ней сохранилось еще немало хищников и вредных насекомых!

– Вероника, комиссар боится, что нас задушит анаконда, – сказала Ко.

– Одна на двоих, – подтвердила с язвительной улыбкой Вероника.

– Нет, – возразила Ко, и лицо ее стало серьезным. – За нас комиссар не боится. Но он ужасно боится за судьбу несчастной беззащитной Земли, для которой мы с тобой представляем страшную угрозу.

– Девушки, девушки, не так громко...

– А почему мы должны молчать? Мы и без того такие опасные!

Ворона, опустившись на нижнюю ветку сосны, громко каркнула, будто выражала поддержку девушкам.

– И давно у вас тут вороны каркают? – спросил Милодар.

– Он пытается нам зубы заговорить! – злым голосом воскликнула Вероника. – Ему не хочется признавать, что его милая лавочка держит нас здесь взаперти, словно мы уже со-

вершили страшные преступления.

– А что, если так случится?

– Даже самого страшного убийцу на Земле не считают убийцей, пока его не осудит суд. А нас, детей, можно считать заведомыми убийцами? – сказала Ко. – Почему мы должны, и без того наказанные судьбой, раз лишены папочек и мамочек, еще лишиться свободы?

– А если...

– Только не надо вашей занудной пропаганды! – возразила Ко. – Не надо нам талдычить про страшных чудовищ, которые заключены в нас, про вирусы и убийственные наклонности, которые в нас проснутся. Вы, комиссар, в своей жизни побывали на разных планетах. Вы имели куда больше шансов, чем мы, маленькие дети, подхватить вирус или внедрить в свое тело паразита. Но мы-то вас не держим на острове.

– Не я придумал эти правила, не мне их отменять, – сказал комиссар. – Сейчас мы говорим о другом.

– Сейчас мы говорим именно об этом, – зло сказала Ко. – Поставьте себя на наше место. Мы-то знаем, что мы обыкновенные, и мы хотим всего, чего хотят наши сверстницы на воле. Но нам ничего нельзя. И потому мы понимаем, что наш единственный шанс – воспользоваться слабостью наших тюремщиков...

Комиссар поморщился. Слова «тюремщики», «лагерь», «воля» вызывали у него желудочные спазмы.

– Мы уговорили Артема, который безумно влюбился в Ве-

ронику, – сказала Ко, – последовать идиотским правилам игры. Если бы мы сказали, что у Вероники роман с учителем физкультуры, – объект ее страсти немедленно бы вылетел с острова. Но что случится, если мы с Вероникой на всех углах будем кричать, что ее преследует мертвец Джон Грибкофф? Это будет шок, за которым, вернее всего, не последует выводов, потому что мертвец – самая подходящая пара для Угрозы мира!

– Так... вы решили, что если Вероника начнет рассказывать совершенную чепуху, ей никто не поверит, никто не станет ее выслеживать и, уж конечно, никто не заподозрит физкультурника Артема в попытках обесчестить воспитанницу детского дома, несовершеннолетнюю притом, – понял ситуацию Милодар.

– А если кто-то и заметит нашу парочку, – завершила рассказ Ко, – то рассказывать другим постыдится. Кому хочется, чтобы про него говорили, что он верит во всякую мистическую чепуху и повторяет бредни полоумных девчонок.

– Ну что ж, остроумно. Даже слишком остроумно для подростков, – произнес Милодар.

– Мы не подростки, – сурово ответила Вероника. – Мы уже девушки.

– И может быть, в зловещем вертепе, откуда мы все родом, совершеннолетие наступает в шестнадцать, – сказала Ко.

– А может, и в четырнадцать, – высказала предположение Вероника.

– Ну что ж, ловко! – вынужден был признаться Милодар. – Все знали, что у Вероники роман с мертвецом. И отворачивались, когда случайно видели мертвеца на вашем острове.

Тут Вероника вздохнула и добавила:

– Все было бы хорошо, если бы не наша госпожа Аалтонен. Она не ест сахар и нам не дает. Она такая глупая, что у нее даже фантазии нет, – сказала Вероника. – Она пошла проверять. А у Артема не такие уж крепкие нервы...

– Как Веронике бы хотелось, – добавила Ко.

– Не перебивай!

– Тебе хотелось, чтобы он тебя украл! Ты на все была готова, чтобы он тебя украл! Но он не решался потерять такое хорошее место.

– Теперь поздно о нем говорить! – вздохнула Вероника. – Мне не хочется больше встречаться с героем, который с такой скоростью убегает со свидания при виде госпожи Аалтонен.

– Не будь к нему так строга. Ведь он такой красивый! – пропела Ко, и Милодар с подозрением поглядел на лучшую подругу Вероники. Тут могла таиться опасность для девушки. Нет людей более опасных, чем лучшие подруги!

– Где он теперь? – спросил Милодар.

– Наверное, у себя, – ответила Вероника. – Ко мне он – ни ногой... Трусливое ничтожество!

– А есть ли у него укромное место... скажем, где вы встречались, чтобы поцеловаться без свидетелей?

Наступила пауза. Если Вероника и знала о таком месте, гнев ее против возлюбленного был не настолько силен, чтобы выдать его и лишиться навсегда.

Милодар поднялся и громко вздохнул.

– Вы усугубляете, – сообщил он.

– Вы не правы, – ответила резкая Ко. – Если бы речь шла только о таких чудовищах, как мы с Вероникой, я бы первая кинулась искать нас по помойкам и подвалам, чтобы уничтожить. Но когда от вас скрывается трижды перепроверенный учитель физкультуры из детского дома, то Земле, пожалуй, ничего не угрожает. Ведь признайтесь, комиссар, у физкультурника Артема есть чин лейтенанта полиции?

– Ничего подобного! – рассердился правильной догадке Милодар. – Я в первый раз о нем здесь услышал.

Ко нагло усмехнулась, и Милодар понял, что никогда в жизни не приблизит к себе это существо. Ко слишком изобретательна и хитра, именно она придумала глупую на первый взгляд, но психологически верную версию с мертвецом Джоном.

– Сейчас же говорите, где вы его прячете! – воскликнул Милодар. – Или я весь остров переверну, а вам... – тут Милодар спохватился, что грозить девочкам, сиротам, неэтично, и закончил фразу так: – ...больше никогда не увидеть этого мерзавца Артема. Который воспользовался вашей невинностью и несовершеннолетием для того, чтобы над вами надругаться.

– Во-первых, не над обеими, – возразила Ко, – о чем я сожалею.

– Во-вторых, он не успел надругаться, потому что прибежала директриса, – добавила Вероника.

– В-третьих, Вероника сама пришла к нему на свидание, – произнесла Ко.

– В-четвертых, – закончила Вероника, – я не имела ничего против того, чтобы надо мной надругался именно Артем. Это, наверное, очень приятно.

– Проклятие! – возмутился комиссар. – Я вас всех разгону.

Вероника посмотрела на комиссара с жалостью, и вдруг он с ужасом понял причину этого взгляда. Вероятно, она думает, что маленькому комиссару ни разу не удавалось никого обесчестить. И, возмущившись этим подозрением, он вскричал:

– Еще чего не хватало! У меня было три жены, и сейчас я снова намереваюсь жениться!

– Это сексуальный маньяк, вот в чем дело, – сказала Вероника своей подруге, та молчаливо склонила голову, соглашаясь, и обе на всю жизнь заработали себе смертельного врага в лице комиссара Милодара.

Над островом прозвенел колокол – звук этот был приятен и разнесся далеко над озером.

– Нас зовут к ужину, – сказала Ко, – мы можем продолжить разговор после ужина, но опаздывать на него мы не

имеем права – служба безопасности строго следит, чтобы мы, чудовища, не отбивались от рук. Но после ужина мы можем продолжить интервью, – сказала Ко.

– Никто вас не считает чудовищами! – в который уже раз воскликнул комиссар, но девушки не ждали ответа. Обе поспешили по тропинке к замку.

От первых сосен Вероника обернулась и сказала:

– Я попрошу Артемчика выйти из укрытия и поговорить с вами. Какое время вам удобнее? После отбоя? В девять?

– Только не позже, – мрачно ответил комиссар. – Мне пора улетать. Неужели вы думаете, что ваш островок – центр Вселенной?

– Для нас, чудовищ, без сомнения, – ответила Ко, и девушки довольно громко захохотали. Милодар был даже близок к тому, чтобы принять этот издевательский хохот за чистую монету. Но взял себя в руки.

– Девять часов. У вас в комнате, – сказал он.

* * *

У комиссара Милодара в замке была своя комната. Она называлась инспекторской. Но обычные инспектора и дежурные останавливались, как правило, не на самом острове, а на материке и прилетали сюда, когда надо, на флаерах или вертолетах. Инспекторская была снабжена космической связью, компьютером, небольшой библиотекой и специальным

ящиком с видеокассетами эротического содержания, которые любил перед сном просматривать комиссар Милодар и о чем ни в коем случае не должны были догадываться сиротки.

Войдя в инспекторскую, Милодар внимательно осмотрел и обнюхал комнату. Именно чужой запах смущал его: кто-то недавно побывал здесь. Милодар достал из сейфа детектор запахов и без труда определил, что без спроса заглядывала в комнату сама директриса госпожа Аалтонен. Но зачем? Она ведь даже не состояла на службе ИнтерГпола, а была сотрудницей Ведомства просвещения.

Милодар проверил все точки в комнате, которых касались пальцы директрисы. Сильнее всего запах концентрировался именно на кассетах и на видеомагнитофоне. Это было невероятно. Директриса не могла интересоваться такими предметами.

Разумеется, по правилам ИнтерГпола, сотрудник, узнавший нечто о подозреваемом, должен скрыть это знание, а потом использовать его на допросе. Но так как допрашивать директрису Милодар не намеревался, то он не выдержал и включил видеосвязь с кабинетом госпожи Аалтонен. И застал ее в неудачный момент. Директриса поднимала штангу.

– Простите, что беспокою, – заметил Милодар, сделав вид, что ничуть не удивлен.

– Ах, это вы меня простите, что я делаю так в рабочее время!

Директриса пошла красными пятнами от смущения. Но

Милодар, в отличие от многих других людей, был лишен чувства такта и жалости – иначе бы ему никогда не достичь командных высот в ИнтерГполе.

– Вы правы, – сказал Милодар. – Для этого есть специальный зал или лес.

– Но подумайте, как неладно видеть директора, который поднимает штангу на глазах у детей. Они подумают, что я – жестокая учительница, – директриса осторожно опустила штангу на пол и закатила под стол.

– Отлично. Я вас побеспокоил по другой причине, – сообщил Милодар. – Я хочу знать, зачем вы смотрели эротические пленки в моей инспекторской.

– Ой, что вы...

Но лгать директриса за долгую жизнь вроде бы не научилась.

– Говорите, мне, к сожалению, некогда ждать, пока вы придумаете подходящую версию!

– О нет, – ответила директриса. – Но я руковожу коллективом, в котором подрастают юноши и девушки. Я должна оберегать их от всяких эксцессов... К сожалению, я очень давно... простите меня, комиссар, – очень давно не делала этого с мужчиной. И я опасалась, что очень отстала и могу неправильно понять некоторые жесты и слова моих воспитанников. И при уборке – я никого не пускаю в вашу комнату, но пыль же нужно иногда стирать! – при уборке я увидела видеокассеты. Они вызвали мое любопытство картинками,

которые на них изображены...

«Черт побери! – мысленно обругал себя Милодар. – Как же я не догадался убрать с обложек голые груди и попки героинь фильмов!»

– И я пришла к выводу, что вы обеспокоены, господин комиссар, той же проблемой, что и я. Вы тоже хотите узнать, что же делают современные мальчики с девочками, когда остаются наедине. И изучаете эту проблему как педагог.

Комиссар чуть было не крикнул, что у него шесть любовниц...

Но слова застряли в его глотке. Зачем разочаровывать ее?

Пусть директриса останется в убеждении, что они с комиссаром – два столпа современной педагогики и смотрят сомнительные для иных людей фильмы исключительно в интересах сбережения невинности сироток.

– Пусть будет по-вашему, – сказал Милодар. И выключил связь.

«Никогда не знаешь, в какой очередной лабиринт загонит тебя жизнь», – подумал он.

Он подошел к окну. Уже совсем стемнело. Крупная ворона пролетела перед самым окном. Надо возвращаться. Вся история оказалась пустой, банальной, выеденного яйца не стоит. Хотя, впрочем, надо признать, что комиссар познакомился с любопытными девушками... Теперь осталось провести воспитательную беседу с физкультурником Артемом. В результате ее физкультурника либо оставят здесь, что ма-

ловоятно, либо переведут в другую школу, что возможно, либо вообще выгонят из системы просвещения, что более всего похоже на истину.

Где же искать этого трусливого охотника за девичьими ласками?

Милодар отошел от окна. Может, спросить директрису?.. Нет. Отыщем его без ее помощи. У нас есть искатель запахов.

Но для того чтобы задействовать искатель, следовало идти в комнату физкультурника и там брать какую-нибудь его вещь. А идти было лень – сейчас бы включить эротическую пленку и поглядеть на молоденьких распутниц...

Рассуждая так, Милодар подошел к видео и машинально сунул в щель тоненькую кассету.

И увлекся.

Любил он девушек. Любил женщин. Любил самую любовь...

Через десять минут, когда совершенно раздетая лань неслась по лесу от бешеного сатира, постучали в дверь. Милодар с трудом отвлекся.

– Минуту! – воскликнул он. – Сейчас схватит!

Но, как профессионал, сумел взять себя в руки, выключить видео, захлопнуть бар, замаскированный под пишущую машинку, и нажать на кнопку дистанционного управления дверью.

Дверь открылась. Опершись о косяк, изможденный и за-

гнанный, там стоял физкультурник Артем.

Он нервно оглянулся, нырнул внутрь инспекторской и прошептал:

– Спасите меня, комиссар!

– Сначала заходите, – посоветовал ему Милодар, – и зайдите за собой дверь.

За вошедшим физкультурником дверь плотно закрылась. На окна опустились титановые жалюзи, неслышно щелкнули замки из керамзитникеля.

– Садитесь, – сказал Милодар, – на вас лица нет.

Физкультурник рухнул на стул. Он не смотрел вокруг, даже если бы видео продолжало крутиться, он бы наверняка ничего не заметил.

– Я пришел к вам, – сообщил он хриплым голосом, – потому что осознал всю наивность и опасность моих увлечений.

– Давно пора, – проворчал в ответ Милодар. – Из-за вас мне приходится сидеть здесь, тогда как неотложные галактические дела ждут меня в иных местах.

– Простите, – сказал физкультурник. – Я опасался вашего гнева.

– И что же вас привело ко мне? Раскаяние? Страх? Нечистая совесть? Вы не стесняйтесь, берите в шкафчике виски, пейте.

– Спасибо, я не пью.

– Прискорбно. В ваши годы я пил, как извозчик. Без этого не наладишь достойных связей. Значит, вы во всем призна-

етесь?

Милодар подошел поближе к физкультурнику и обратил внимание на красные точки на его шее и щеках.

– Что это? – спросил он. – Комары заели?

– Вы догадались?

– Разумеется, я догадлив. Вы нашли какое-то убежище и намеревались просидеть там, пока я не улечу, в надежде на то, что ваша роль в происходящем безобразии не будет замечена. Но ничего не вышло. Так?

– Это были не комары... – прохрипел физкультурник. – Это живые шприцы, это клещи и гвозди. Они беспощадны. Они задались целью убить меня...

– Не стоит так преувеличивать, юноша, – усмехнулся Милодар. – Вы слишком долго просидели неподвижно в комарином месте. Но меня не интересует само место – меня интересует, кто придумал трюк с переодеванием в мертвеца Грибкоффа.

– Я, – виновато и неубедительно произнес Артем.

– Ложь! Кто придумал? Говорите, если не хотите, чтобы я рассердился.

– Это придумали девушки...

– Ко?

– Сначала она...

Молодому человеку не хотелось выдавать девушку, но он вынужден был признаться – такова была сила взгляда комиссара Милодара.

– Очень перспективная девица, – заметил комиссар. – Я бы на вашем месте трижды подумал, прежде чем заводить интрижку с Вероникой. Вероника куда менее интересна.

– Я люблю Веронику! – взвыл физкультурник. – Я ее люблю и не предам этого чувства!

– Ну и не предавайте, бог с вами, – согласился Милодар. – Но какого черта вам потребовалось устраивать роман на месте, где вы работаете, да еще с воспитанницей особой категории опасности? Вы нормальный?

– Во-первых, – заявил физкультурник, – я не преподаю в старших группах и Вероника – не моя ученица.

– Во-вторых, – закончил за физкультурника Милодар, – вы не ощущаете никакой опасности от этой девицы.

– Вот именно!

– Если бы эта опасность ощущалась, – Милодар расхаживал по комнате, заложив руки со сплетенными пальцами назад, – тогда бы не надо было принимать таких мер предосторожности. Проблема заключается в том, что опасность порой неуловима и прозрачна, как ядовитый пар...

– Вероника – замечательная девушка.

– Не уверен, не уверен!

– Я ненавижу вас, комиссар! Вы погубили нашу любовь.

– Вот уж чем не занимался, – искренне возразил комиссар. – Гонялась за вами директриса, и то из чувства долга. Меня даже и не было. А если бы вы вели себя умнее и осторожнее – до сих пор бы себе целовались.

– Нет, – возразил физкультурник. – Мы были окружены вашими шпионами и клеветами. И директриса никогда бы нас не выследила, если бы ей не донесли прачки и уборщицы.

– Молодцы, девочки! – обрадовался Милодар. – А то уж я собирался менять местный обслуживающий персонал и всех ссылатъ на различные острова. Но что мне делать с вами – не представляю.

– Я хочу на ней жениться, – сказал физкультурник.

– Замечательная идея, и вы ее обязательно осуществите, как только Вероника достигнет совершеннолетия – то есть через год. Тогда как раз закончатся физиологические исследования и она будет признана полноценной гражданкой Галактики, а не...

– Не монстром!

– Вот именно.

– Но я женюсь на ней! – упорно настаивал молодой человек.

– Я приеду к вам на свадьбу, – сказал Милодар. – А сейчас идите и отдыхайте. У вас выдался трудный и нервный день.

Он выпроводил физкультурника, но возвращаться к эротическим фильмам уже не хотелось. И настроение испортилось. Милодару были порой свойственны странные движения души. Он знал уже, что завтра физкультурника подведут под сокращение штатов и переведут тренировать пенсионеров в Австралию. И к тому же, несмотря на то что он – полноправный гражданин Галактики, поставят под гласный

надзор безопасности. Что делать, риск слишком велик. Милодар знал, что сам отдаст приказ о разлуке возлюбленных, о бесславном завершении романа Ромео и Джульетты, но как ему вдруг стало их жалко! И будь его воля, он бы сейчас запер их в одной спальне до утра – ведь даже шекспировским героям это было дано судьбой...

Милодар чуть было не бросился в коридор, чтобы посоветовать юноше соединиться с любимой и не обращать внимания на присутствие комиссара. Но затем комиссар взял себя в руки и лег спать. Будь что будет! Как распорядится судьба... А вот насчет Ко следует подумать. Скоро у нее совершеннолетие – надо узнать, что она собралась делать дальше.

С этими словами Милодар выключил свет, набрал на браслете свой личный код, и его голограмма, превратившись в легкое, едва светящееся облачко, поднялась над замком, сделала круг и понеслась домой, в подмосковный санаторий «Узкое», где на дне пруда находился секретный вход в Московское отделение ИнтерГпола.

В замке наконец-то воцарилась тишина.

* * *

С утра Милодар, приняв душ и потратив десять минут на гимнастику, вышел к завтраку. Был он облачен в пестрый шелковый китайский халат, подарок старого друга, великого иглоукалывателя Боровкова-сан.

На круглом столике стоял запотевший бокал с апельсиновым соком, омлет из двух яиц с беконом, булочка, кофейник... а по ту сторону стола светился экран, который выдавал сводку ночных новостей.

Новости были обычные: война в Боснии и в туманности Гончих Псов, конфликт в Карабахе и очередной раунд переговоров о судьбе морского флота Аргентины, недавно разделившейся на собственно Аргентину и Окраину Аргентины. И вдруг: «Для сведения работников служб безопасности сообщаем, что сегодня ночью совершен побег с Детского острова – специального приюта для космических найденышей».

Милодар замер, не донеся до рта бутерброда с беконом.

– Ночью исчезли физкультурник острова, бывший вице-чемпион мира по серфингу Артем Тер-Акопян, и его возлюбленная, ученица старшей группы Вероника. Особенность состоит в том, что на Детском острове содержатся найденыши, судьба и происхождение которых пока не выяснены. В некоторых случаях под сомнение ставится их антропoidная сущность. Известно, что роман между воспитателем и воспитанницей начался несколько недель назад и был разоблачен вчера, когда на остров специально для расследования прилетал комиссар Милодар.

– Дураки, – сказал Милодар телевизору, – это была моя голограмма!

– Очевидно, бегство влюбленных связано с этим визитом комиссара и мерами, которых они закономерно опасались.

лись, потому что комиссар славится в Галактике как наиболее коварный, жестокий и неподкупный сотрудник ИнтерГ-пола. Степень опасности такого побега неизвестна, всех сотрудников спецслужб просят сохранять спокойствие и бдительность.

У Милодара пропал аппетит.

Он вскочил из-за стола и кинулся к компьютеру.

Вид у дежурного по Детскому острову был виноватый. Он даже не снял халата прачки, парик съехал набок, руки дрожали. Видно, у него было развито воображение, и он представлял, что сделает с ним комиссар Милодар, когда до него доберется.

– Как это случилось? – спросил Милодар, стараясь сдержать свой вулканический темперамент.

– Девушка находилась под постоянным наблюдением, – произнес дежурный-прачка. – Один из сотрудников постоянно находился под дверью, а к постели были притянуты датчики. Кроме того, за девушкой наблюдала камера ночного видения.

– Где находился физкультурник?

– Он был у себя. За ним также наблюдали...

На этот раз в голосе дежурного не было уверенности, и Милодар понял, что физкультурника оберегали не так строго, как Веронику.

– Дальше, дальше... каждая минута дорога.

– В три сорок три Вероника направилась в туалет.

– У нее обычно ночное недержание мочи?

– Откуда мне знать, комиссар?

– Вот именно – не знаете элементарных вещей, от знания которых зависит, ведет ли себя подозреваемый естественно либо водит вас за нос! Продолжайте!

– Она вошла в туалет...

– И не вышла?

– Мы подняли всех по тревоге.

– А физкультурник тем временем тоже исчез.

– Так точно! – В голосе прачки булькали слезы.

– И сколько времени вы скрывали эту информацию от вышестоящих органов?

– Мы не скрывали...

– Через какое время после обнаружения пропажи вы доложили об этом?

– Через полтора часа. Мы искали их по острову, мы обшарили весь замок, мы думали, что они укрываются в подвале... Мы допрашивали ее соседок по комнате...

– И безрезультатно?

– Безрезультатно.

– Я вылетаю, – сказал Милодар. – Вы уволены.

Через шесть минут, оставшись без завтрака, комиссар Милодар перешел к себе в подземный бункер, снабженный всеми возможными видами связи, а его голограмма поднялась на борт служебного вертолета, который немедленно взял курс к Ладожскому озеру.

Путешествие на север заняло не меньше часа.

За это время все без исключения на проснувшемся острове знали о бегстве влюбленных. И надо сказать, что сочувствие всех, за исключением агентов комиссара, было на стороне местных Ромео и Джульетты. Все годы существования приюта его обитатели чувствовали себя оскорбленными родной планетой – ведь у кого, как не у Земли, просить защиты и поддержки? Но тебя сажают в холодную, богатую клюквой, опятами, подосиновиками и комарами каменную пустынь и начинают исследовать в надежде отыскать в тебе нечто столь ужасное, о чем они сами не имеют представления. О, как приятно отомстить вам, всемогущие экспериментаторы!

Так Ко и сказала комиссару Милодару, когда тот ворвался в спальню и набросился на нее с упреками и обвинениями.

– А почему я должна вам сочувствовать? Вы думаете, что я желаю помочь вам сохранить ваше начальственное место? – жестко спросила девушка. – Да пускай вас гонят! Может быть, вместо вас придет человек с нормальным горячим сердцем, а не мороженой сосиской в груди.

– Вы забыли, – холодно ответил комиссар. – У меня в груди сейчас ничего нет, потому что я – только голограмма комиссара. А сам я сейчас сижу в подземном бункере и управляю всей операцией.

– Ах, как это на вас похоже! – воскликнула Ко и резким движением головы откинула назад длинные русые волосы.

Она схватила себя сильными тонкими пальцами за локти, как бы обнявши свой стан. Плечи под утренним халатиком были такими хрупкими, будто норовили прорезать косточками материю. Милодару даже стало жалко девушку. Но он тут же отогнал это лишнее чувство.

– Итак, – произнес комиссар, осматривая постель Вероники, сложенную в лучших традициях так, чтобы заглянувшему проверщику казалось, что обитательница ее спит, накрывшись с головой. – Не умеем работать, не умеем...

Он обернулся к Ко и спросил ее мягко, по-товарищески:

– Давай, чего уж тут, рассказывай, как и куда они смылись.

– Неужели их еще не поймали? – удивилась Ко.

– Их еще не поймали, Ко. Поэтому ты сейчас мне честно расскажешь все, что тебе известно.

– Это угроза?

– Клянусь тебе – ничего подобного! Я сам предпочел бы, чтобы влюбленные удачно убежали и скрылись на Марсе. Но скажи, веришь ли ты в это? Веришь ли ты в любовь в шалаше?

– Пускай попробуют, – ответила Ко. – Каждый человек имеет право попробовать свое счастье на зуб.

– Ну что ж... Ладно, Ко, крики и угрозы я поберегу для тех идиотов, которые по долгу службы должны были беречь Веронику. Ты же расскажи мне то, что считаешь нужным рассказать.

– Что бы я ни рассказала, – ответила Ко, – вы повернете

так, что Веронике будет плохо.

– Девочка моя, ты не совсем представляешь себе, что происходит. Ведь бегство Вероники и Артема – событие чрезвычайной важности. По нашей, полицейской, терминологии – событие третьего-б разряда. На уровне землетрясения. Помимо этого, побег – плевок в лицо службе безопасности, для которой его подготовка была известна заранее.

Ко не глядела на Милодара, она все крепче сжимала себя пальцами, словно хотела заглушить боль.

– Ты не можешь даже нечаянно повредить подруге.

– Не только это, – сказала Ко.

– Что же, если не секрет?

– Вы будете смеяться надо мной.

– Нет, я не буду смеяться. Я редко смеюсь.

– Мне некому признаться, кроме вас...

– Признавайся.

Ко подняла голову и широко раскрыла синие глаза.

– Комиссар, – сказала она. – Я ужасно люблю Артема. Я так влюблена в него, что готова ради него прыгнуть с обрыва.

– И как тебе удастся это скрыть?

– Он любит Веронику, – твердо сказала Ко. – Даже если бы он сейчас изменил свое мнение, я бы отвернулась от него.

– Для меня это слишком сложно, – ответил комиссар. – Если я кого-нибудь полюблю, то выцарапаю из чужих рук!

– Даже если это будет ваш брат?

– Разумеется! Зачем же моей возлюбленной всю жизнь

мучиться с братом, когда она может любить меня?!

– И если это будет ваш друг?

– Даже если друг... – Голос Милодара дрогнул.

Глаза заволокло воспоминанием. Чутким сердцем Ко поняла, что прошлое комиссара омрачено какой-то историей такого рода.

– А впрочем, – произнес комиссар, – каждый живет как может, и никогда нельзя сказать заранее, что принесет дивиденды, а что тебя разорит.

Ко промолчала.

Комиссар сказал:

– И все же расскажи мне, что произошло здесь вчера вечером.

– Ничего. Она мне ничего не сказала.

– Неужели ты благополучно проспала побег? И не помогла?

– Зачем ей моя помощь?

– Как же он утащил ее, если мои люди клянутся, что следили за ней до двери туалета?

– Значит, надо проверить окно туалета.

– Я там был. Туалет на третьем этаже.

– Даже тысячу лет назад были веревочные лестницы.

Милодар понимал, что большего он от Ко не добьется.

Не сказав ни слова, он прошел в женский туалет и там имел возможность убедиться в правоте Ко: на подоконнике он обнаружил царапины и потертость от веревки. Не исклю-

чено, вынужден был признать Милодар, что этим путем воспитанники приюта пользовались неоднократно.

Милодар стоял в женском туалете, глядел наружу во двор и рассуждал: куда могли убежать влюбленные? Домой к Артему? Вряд ли. В Ереван уже были направлены запросы, там была поднята служба безопасности. Но Милодар отдавал себе отчет в том, что в том же Нагорном Карабахе, где у Артема были родственники и друзья, можно скрыть парочку так, что не отыщешь их с помощью всей галактической разведки. А если отыщешь, то пожалеешь, что ввязался в эту историю.

Но что-то надо делать...

Милодар тяжело вышел в коридор. Несколько девочек разного возраста, которые нетерпеливо маялись у входа в свой туалет, занятый страшным мужчиной, чуть не сшибив его с ног, кинулись внутрь.

Счастливо заурчала вода.

Неожиданно заговорил браслет связи:

«Девушка, отвечающая описанию Вероники, по показаниям носильщика № 26, замечена на полустанке Вырья Мурманской железной дороги».

– Проверить! – закричал Милодар. – Немедленно проверить. Одна ли она. Даю описание спутника... нет, не надо, высылаю флаер с сотрудником.

Что-то остановило Милодара от того, чтобы ринуться на полустанок самому. Что-то недоделанное, незавершенное здесь, в детском доме. Без этого нельзя улетать...

Ко стояла в коридоре неподалеку.

– Ты тоже сюда? – спросил комиссар, показывая на дверь туалета.

– Нет, спасибо.

– Веронику заметили на полустанке Вырья.

– Вы полетите туда?

– Ко, давай сходим к его укромному месту, – предложил Милодар. Без хитрости предложил, а как сотруднику. – Вдруг он там. Или послание для нас с тобой...

– Я только накину что-нибудь на себя, – ответила девушка. – А то на улице дождик.

Милодар подождал ее у выхода из замка. На Ко был длинный плащ. Выбежала директриса с большим черным зонтом и вручила его Милодару. Комиссар из вежливости взял зонтик, хотя голограмме он не нужен.

Директриса не посмела следовать за Милодаром. Она чувствовала себя виноватой, и вид комиссара был столь свиреп, что к нему лучше было не приближаться.

Ко его не боялась, и комиссару это было приятно. Она отличалась от других девушек. В ней была странная, почти профессиональная уверенность в себе. Такая появляется на генетическом уровне, раз в столетие. Милодару не хотелось потерять эту девушку. Она казалась ему куда более интересным приобретением последних дней, чем вся история с романом.

– Мы пойдем к его ухоронке? – спросила Ко.

– Ты знаешь, где это?

Они начали спускаться по тропинке, и Милодар все ждал, когда стволы деревьев прикроют их от внимательных и настороженных взглядов обитателей замка. Оглянувшись, Милодар увидел у ворот замка две одинаковые фигурки в белых халатах – это были прачки.

– Я несколько раз там бывала, – сказала Ко. – Я страшно любопытная. А особенно если учесть то, что я влюблена в Артема.

Она произнесла эти слова так просто, словно ей было далеко за двадцать и она уже научилась относиться к собственным увлечениям с некоторой долей юмора. А ей было всего семнадцать.

– Там он хранил лодку?

– Да, он убегал из замка через окно, спускался к озеру, на лодке переплывал к причалу и ждал ее в сторожке. Потом они катались на лодке по озеру.

– Что ты говоришь!

– В этом ничего дурного нет! – воскликнула Ко. – Они даже купались вместе и плавали, если вода была не очень холодной. Они и меня раза два брали.

– Именно катались и ныряли! – Милодар вложил в эти слова всю степень недоверия, но Ко не удивилась.

– Вы думаете, что мы уже совсем взрослые и думаем только о том, как забраться в кровать! – возмущенно ответила она. – А это не так. У нас много других увлечений и заня-

тий, которые куда интереснее, чем тереться своим телом об какого-нибудь волосатого мужика!

– Но ты же сама говоришь, что влюблена в физкультурника!

– Он – совсем другое дело. И он меня, слава богу, не трогал руками.

– А Веронику трогал? – спросил Милодар.

– Только на самых последних свиданиях. Он стал говорить, что ему уже мало купаний и гуляний, что его любовь требует действий...

– А Вероника?

– Вероника сомневалась. Ей хотелось еще покататься на лодке. Хотя она говорила мне, что целоваться ей нравится. Но вообще, честно говоря, комиссар, мы с Вероникой много спорили о том, что же главное в любви, но так и не нашли ответа.

– А какова твоя точка зрения?

– Я думаю, что главное – это духовная близость, – сообщила Ко.

– погоди, – Милодар остановился. Они уже углубились в лес и прошли полдороги к берегу.

Загорелся вызов на браслете Милодара:

– Есть подозрение, что подходящая под описание воспитанницы В. девушка в сопровождении молодого человека, соответствующего описанию подозреваемого А., совершили посадку на поезд Москва – Мурманск, который остановился

на разъезде Вырья.

– Как далеко Вырья от Ладожского озера?

– Вырья находится на берегу озера.

– Ну вот и все, – сказал Милодар.

Затем он осведомился у своего браслета:

– На поезде наблюдение за подозреваемыми установлено?

– Так точно, – отозвался тонкий далекий голосок.

Они стояли в темном беззвучном лесу. Было холодно.

Чуть-чуть сыпал холодный дождик.

– Ну что ж, – сказал Милодар. – Что ты предлагаешь? Вернуться?

– А что же еще? – удивилась девушка.

Милодар усмехнулся и показал слишком белые зубы.

– Тогда выслушай мой первый урок, девочка, – сказал Милодар. – Если на пути к цели, к подозреваемому, к камню с надписью тебя что-то отвлекает, даже что-то важное, ты выслушай это важное, но закончи путь к цели. В девяноста процентах игра стоит свеч.

– Мы дойдем до озера? – удивилась Ко. – Но там же никого нет!

– Вот именно. Мы потеряем еще десять минут, зато будем на всю жизнь спокойны и уверены в том, что не упустили чего-то важного из-за того, что мечемся от кормушки к кормушке.

Очевидно, комиссар имел в виду буриданова осла.

Милодар шел первым и предупреждал о ветках и камнях.

Впереди между стволов блеснула вода. Тучи, как бы ожидая этого момента, разбежались, и солнце тускло осветило лес.

Бухточка, над которой нависли толстые корни сосен, была тиха и безмолвна. Милодар склонился над тем местом, где была притоплена лодка. Она оставалась на старом месте. Значит, влюбленные уплыли на другой. Но когда Милодар уже намеревался возвращаться, его остановила Ко.

Она произнесла испуганным голосом:

– Господин комиссар... поглядите... под лодкой.

В ее голосе комиссар почувствовал тревогу.

Он наклонился ниже к прозрачной черной воде и увидел, что из-под притопленной лодки высовываются белые босые человеческие ноги...

Словно кто-то положил на неглубокое здесь дно раздетого человека, а потом придавил его затопленной голубой лодочкой, рассчитывая, что никто не сунется в такую глушь искать тело.

Ко стояла неподвижно. Ей было страшно убежать в темный лес, но и остаться – не менее страшно.

– Боишься, что пошлю тебя за помощью? – спросил Милодар, присаживаясь на корточки, чтобы лучше разглядеть тело.

Ко отрицательно покачала головой, но ничего не ответила. Голоса не было.

– Правильно, – сказал Милодар. – Сейчас тебя и танком

не оттянешь.

– Вы... вы вызовете кого-то... у вас же связь, – произнесла наконец девушка.

– Хорошая мысль, – ответил Милодар и ничего не принял.

– А кто это? – спросила Ко, чтобы нарушить тишину.

– Скоро узнаем. Хотя я уже подозреваю. Ты тоже.

– Нет!

– Да.

Милодар опустил в воду – ухнул в нее по пояс, но вода не покачнулась, не разбежалась кругами – голограмма не разрушила ее спокойствия, и от этого Ко охватило состояние кошмара, нереальности.

– А теперь, – сказал Милодар, возможности голограммы которого были неоднозначны и не всегда одинаковы. Порой он мог взять в руки бокал или кинуть камень, а иногда терял способность управлять реальными предметами, – теперь возьми дрыну, которая валяется в трех шагах выше по тропинке. И возвращайся.

Ко покорно сделала три шага вверх по берегу, подняла с земли трехметровый прямой сук.

– Иди сюда, – велел Милодар.

Ко спустилась к воде.

– Теперь осторожно толкни лодку в корму. Только осторожно, поняла? Я думаю, что она не касается или почти не касается тела.

Ко подчинилась. Ей было страшно холодно.

С первой же попытки она уперлась концом палки в корму, но лодка не сразу сдвинулась с места – она оказалась тяжелее, чем рассчитывала Ко.

Ко нажала чуть сильнее – палка скользнула по корме и ушла в сторону. Ко с трудом удержала ее в руках и была вынуждена выпрямиться и вырвать конец палки из воды. Вода взбурлила, но лодка уже поплыла в сторону, притом поднимаясь к поверхности.

Труп, лежавший под лодкой, покачнулся и медленно поплыл к берегу – он двигался, пока не дотронулся до торчащего с берега корня расставленными пальцами руки.

Артем лежал близко от поверхности воды лицом вверх, и теперь, когда лодка ушла в сторону, медленно-медленно поднимался. Ко поняла: какое счастье, что рядом комиссар Милодар. Иначе бы она наверняка сошла с ума. Нельзя остаться нормальным человеком, если веселый юноша, в которого ты была немного влюблена, поднимается к тебе из прозрачной холодной воды, глядя в небо полузакрытыми мертвыми глазами и чуть шевеля разведенными в стороны руками и ногами – словно отдыхает на воде после долгого заплыва.

Ко ахнула и откинула в сторону палку.

Она попыталась отвернуться, закрыть глаза, но не могла.

– Терпи, – сказал Милодар. – Теперь уж никуда не деться.

Придется тебе, девочка, терпеть.

– Он не мог утонуть, – прошептала Ко. – Он плавал как

рыба...

– Не в этом дело, – отозвался Милодар.

– И он не здесь! – Ко обрадовалась, схватила за ложь, как за тростинку. – Он же в поезде! Его же видели вместе с Вероникой!

– Вот это меня больше всего и смущает, – сказал комиссар.

Он включил свой браслет – загорелся зеленый огонек.

Ко не могла оторвать взгляда от лица Артема – совершенно спокойное и живое лицо, если не считать темного пятна на виске.

– Внимание, – сказал Милодар. – Сообщение чрезвычайной секретности и важности. Перехожу на шифр. Включить все микшеры звука в Солнечной системе, создать звуковые помехи на всех волнах вплоть до максимума килогерц.

Ко слышалось, как некто в браслете ахнул. Видно, приказание такого рода было настолько из ряда вон выходящим, что Земля на мгновение замерла на своей орбите.

Милодар же, выдержав короткую паузу, начал произносить бессмысленные сочетания цифр и присвистывать при этом – звуки эти, как бы детская игра, разлетались со скоростью света по Земле, по Галактике, заставляя корабли изменить свой курс, караваны пропустить водопой, подземные боевые машины замереть в жерлах вулканов.

А Ко смотрела на спокойное лицо, до которого она еще сегодня утром так мечтала дотронуться губами и мучилась

от ревности, понимая, что Артем стремится лишь к губам Вероники.

Где же сейчас Вероника? На каком полустанке? Кто ее видел, с кем? Это какая-то ужасная ошибка. Веронике грозит опасность!

– Веронике грозит опасность! – воскликнула Ко.

Милодар поморщился, потому что крик Ко сбил его с четки цифрового кода, который он выдавал подобно пулемету.

– Знаю, – откликнулся он.

Тем временем сверху, по незаметной среди деревьев тропинке, которой раньше пользовался только физкультурник, сбежали прачки – почти уволенные сотрудники ИнтерГпола. Они принесли с собой съемочную аппаратуру и, прежде чем вытащить Артема из воды, зафиксировали положение тела.

– Его не поздно оживить? – спросила Ко, когда Милодар отступил от берега, чтобы не мешать своим сотрудникам.

– Не говори глупостей, – ответил Милодар. – Ты же взрослая девочка. Ты отлично знаешь, что клетки мозга сохраняются лишь несколько минут. Потом наступают необратимые изменения. И если ты не успеешь пересадить мозг в другое тело или в морозильную камеру в течение шести минут, считай, что человек погиб.

– Но здесь такая холодная вода! – упрямо сказала Ко.

– Боюсь, что и это нам не поможет, – ответил Милодар. – Он лежит здесь давно, несколько часов!

– Откуда вы можете это знать!

– Послушай, девочка, – сказал комиссар. – Я знаю, что ты расстроена тем, что Артем погиб. Но поверь мне, я скорблю куда больше тебя, потому что мне нужно было его допросить, а теперь я этого не смогу сделать.

Ко удивленно посмотрела на Милодара. Он был совершенно серьезен. Тогда Ко еще мало знала комиссара и подумала, что он старается показать себя человеком долга. На самом же деле он ничего не показывал – для него важнее всего было дело. А сейчас этим делом оказалось задержание Вероники и того человека, который сопровождал ее и который, по версии Милодара, вместе с Вероникой убил физкультурника.

Зачем? Почему? – это будут вопросы завтрашнего дня. Сейчас же главной помехой в работе Милодара было то, что Артем умер и не мог ему помочь.

– Иди к себе в комнату, – сказал Милодар. – И отдыхай.

– Вы говорите серьезно? – озлилась Ко. – Вы хотите сказать, что в тот момент, когда убили моего друга, когда пропала моя подруга, я буду сидеть в спальне... может быть, посоветуете, что почитать?

– Я же не знаю, какие у вас книжки! – огрызнулся Милодар, который принял ее слова всерьез. – И вообще лучше посмотрите телевизор. Там сейчас какой-нибудь сериал показывают.

Прачки осторожно вытащили тело на берег. Сверху спу-

стился приютский доктор, который без особой уверенности в себе приблизился к телу.

– Артем, Артемчик, – позвала мертвеца Ко.

– А ну, давай отсюда! – прикрикнул на нее Милодар.

Ко не обратила внимания на крик, она присела на корточки рядом с телом Артема и дотронулась пальцами до ледяного лба.

– Простите, – сказал доктор, спешивший заняться своим делом.

– Определите мне быстро время смерти и состояние мозга! – приказал Милодар.

– Но у меня с собой нет приборов.

– С приборами каждый сможет! – Милодар был в бешенстве. Он воспринимал случившееся как личное поражение и оскорбление. – Вы мне определите без приборов. Даже если он уже безнадежен, я должен его допросить. Понимаете?

– Нет, – признался доктор.

– Тогда, – Милодар постарался взять себя в руки, – определите причину смерти.

– Вот, – сказал доктор, – видите, на виске – следы удара колющим орудием.

– И все?

К счастью для доктора, который не знал, что больше сказать, потому что обычно черновую работу за него делали автоматы, а он лишь осмысливал их показания, на воду у берега, ломая вершины сосен, грохнулся флаер с красным кре-

стом, из которого вылетели на реактивных аппаратах индивидуального пользования несколько медиков с чемоданчиками в руках.

– Вот видите, – сказал Милодар приютскому доктору, и тот, устыдившись, отошел в сторону.

Словно охраняя чувства присутствующих, медики покрыли тело Артема белой палаткой и забрались в нее. Оттуда доносилось жужжание приборов и пил, скрип и иные неразличимые звуки. Ко стало так плохо, что она стала задом наперед отступать вверх по склону, натолкнулась спиной на шершавый еловый ствол, замерла, и у нее не было сил двигаться дальше.

– Разъезд Вырья? – спросил Милодар, включив браслет. – Как проходят поиски нашей парочки?

– Они в поезде, – откликнулся голосок из браслета.

– Есть ли фотографии? – спросил комиссар.

– Принимайте, – ответил браслет.

Тут же из щели в браслете – Ко было отлично это видно – появилась тончайшая пленка, которая твердела и толстела на воздухе, распрямляясь и превращаясь в цветную объемную фотографию.

– Ко, ты где? – произнес Милодар, абсолютно убежденный в том, что девушка не подчинилась ему и не ушла в замок.

– Здесь.

– Погляди.

Ко взяла у него из рук фотографию Вероники.

Тем временем браслет выдал вторую фотографию.
Ко ахнула.

Камера уловила физкультурника в три четверти, отчего его лицо было особо живым и казалось подвижным.

– Это Артем, – сказала Ко.

– Сам вижу, что не Лев Толстой, – ответил комиссар. –
Очень похож.

– Разве у вас сомнения...

– Замечательно, – сказал Милодар. – А кого же мы с тобой
нашли?

– Не знаю.

В тот момент реальность Артема на фотографии казалась более очевидной. Найденный ими молодой человек был спрятан в палатке, и там, внутри, врачи что-то делали с ним, превращая его из человека... в объект.

– А я знаю, – сказал Милодар. – И потому сейчас же вылетаю в Мурманск.

– А что вы знаете? – спросила Ко.

Милодар словно не слышал ее вопроса. Он обратился к палатке:

– Ну, скоро вы?

Из палатки высунулся доктор. Он оперся ладонью в резиновой перчатке о траву. Перчатка была вся в крови.

– Мозг поврежден необратимо, – сказал врач. – Время смерти – три часа ночи. Убит он на берегу, а затем брошен в воду.

– Причина смерти?

– Удар... удар острым предметом. Возможно, клювом.

– Каким еще клювом! – раздраженно произнес Милодар. –

Вы еще скажите – укусом муравья.

Большая ворона снялась с ветки над Милодаром, заложила пологий вираж и, набирая скорость, помчалась к комиссару.

– Комиссар! – успела крикнуть Ко и кинулась к валявшейся на земле палке. Но пока она поднимала ее, ворона успела долететь до Милодара, который непроизвольно поднял руки, защищая голову от удара.

Удар!

Стремительное движение головы, оглушительный шум крыльев – ворона пролетела сквозь голову комиссара и по инерции врезалась в землю – ворона не знала, что имеет дело лишь с голограммой комиссара Милодара.

Но Ко знала об этом.

Ей бы испугаться и кинуться бежать: ведь мало ли чем может грозить девушке птица-убийца. Нетрудно было сделать вывод, что и смерть Артема связана с таким же нападением.

Но Ко была разозлена. И если эта гадкая птица прилетела сюда убивать, то и ей не будет пощады.

В руке Ко была здоровая палка, та самая, которой она подгоняла к берегу лодку, и девушка сообразила, что надо делать, быстрее, чем все агенты ИнтерГпола, которые сбежались на помощь.

В тот момент, когда потерявшая равновесие птица удари-
лась о землю и забилась, стараясь взлететь вновь, на нее об-
рушилась палка – Ко ударила по птице изо всех сил.

Раздался треск.

Голова вороны с большим крепким клювом не удержалась
на перешибленной суком шее и отлетела в траву.

Птица еще сильнее забила крыльями, побежала к воде и
сорвалась с берега, набирая высоту.

Ворона летела, улетала от острова – она была совсем как
настоящая птица, лишь безголовая. И Ко ждала, когда же она
упадет. Известно, что случается: отрубят голову петуху, но
он еще некоторое время носится по птичнику, пока не упа-
дет. Так, решила Ко, должно случиться с этой бешеной во-
роной – сейчас она рухнет в воду комочком черных перьев.

Все остальные, кто собрался на берегу, глядели вслед без-
головой птице. Но она все не падала и хоть медленно, неуве-
ренно, но набирала высоту.

Зрелище было, по крайней мере, необычным.

Но продолжалось оно недолго, потому что с вершины де-
рева сорвалась вторая ворона и, догнав свою товарку, поле-
тела рядом, чуть ниже, затем ловким движением подставила
безголовой вороне спину, и та опустилась на нее, позволяя
унести себя к облакам.

– Ну что ж, – первым заговорил Милодар, – по крайней
мере, мы с вами теперь увидели убийцу и даже узнали, как
он это сделал.

– Я за вас испугалась, – произнесла Ко.

– Я сам испугался, – ответил Милодар. – Я, конечно, знаю, что я голограмма. Но когда на тебя неожиданно кидается какое-то чудовище, то руки сами действуют.

Он засмеялся, и все в облегчении тоже стали смеяться.

– А ты, Ко, молодец, – сказал приютский доктор. – Я бы на твоём месте не сообразил. И не успел бы...

– Я тоже отметил быстроту реакции, – согласился Милодар. – Но в будущем такие удары надо наносить куда сильнее и быстрее. Если бы ворона не растерялась от того, что так оконфузилась со мной, она бы раза три успела тебя заклевать.

Ко не могла не обидеться. Она сделала все то, что должны были сделать многочисленные профессионалы, которые за это зарплату и лычки получают, но вместо благодарности ей начинают читать нотацию.

– Ваше счастье, – буркнула она, – что вы ненастоящий. А то бы лежали на сырой земле.

– Грубо, – откликнулся Милодар, – невежливо. Никто не просил тебя здесь размахивать палками. Может быть, именно это помешало нам поймать странное существо. Можно сказать, что вы, девушка, сорвали нам операцию.

Милодар увидел, что на глаза Ко накатываются слезы. И тут же переменил фронт атаки.

– А что касается сотрудников ИнтерГпола, которые находились здесь и не смогли обеспечить охрану своего комис-

сара, а также поимку опасных для человечества устройств, все они без исключения направляются под арест. Вопрос о суде над ними и последующей отставке без содержания решит трибунал. А ну, все под арест! Упустили Тер-Акопяна, проворонили воспитанницу, чуть меня не убили и еще смеются улыбаться!

Никто, разумеется, не улыбался. Просто челюсти прачек и других агентов ИнтерГПола дрожали от страха и унижения.

– Вон! – приказал комиссар.

Уволенные сотрудники покорно побрели под арест, и на берегу сразу стало свободнее.

– Медицина! – взревел комиссар. – Ну где вы, черт побери!

Медицине не надо было откликаться, потому что все врачи оставались рядом с комиссаром – некоторые в белой палатке, другие – снаружи.

– Да возьмите вы эту голову! – Милодар указал на воронью голову, которая лежала в траве, медленно открывая и закрывая клюв, будто просила напиться. – Возьмите голову и немедленно исследуйте ее!

Тут комиссар увидел, что к голове направился приютский доктор и готов уже взять ее в руки.

– Не рукой! – возмутился комиссар. – Откуда берутся такие неучи! Может быть, там вирус... яд, в конце концов!

Доктор отшатнулся от вороньей головы, и тут же, как бы в ответ на крик Милодара, голова начала медленно рас-

ползаться, превращаться в студенистую массу, в лужу киселя, в жидкость, которая быстро впиталась в землю и лишь несколько перышек да один черный глаз остались лежать снаружи.

– Этого и следовало ожидать, – сказал Милодар.

Неожиданно он обернулся к Ко, которая стояла, опираясь на сук, подобно Гераклу, опирающемуся о свою палицу и облаченному в шкуру льва.

– А вы уверяли, что от вас, сироток, не исходит опасность для человечества!

– При чем тут мы! – возмутилась Ко. – При чем тут мы? Вероника находится в плену у неизвестных злодеев, меня могли убить, и боюсь, что никто из вас не пришел бы мне на помощь. Но виноваты в этом, оказывается, только мы! Как мне все это надоело! И учтите, я вас предупреждаю: если кто-нибудь организует террористическую группу, чтобы взрывать полицейские участки и детские дома, я буду среди первых кандидатов в боевики.

Милодар натужно посмеялся. Потом выдавил из себя:

– Надеюсь, что до того времени мы вас перевоспитаем.

– Я не хочу перевоспитываться!

– Неужели вы не понимаете, – закричал в ответ Милодар, – что вы притягиваете к себе все злобные силы Галактики! Это что-нибудь значит?

– Вы убеждены, что мы их притягиваем? А может быть, Артем? А может быть, мы стали пешками в вашей игре? Я

же не верю вам, комиссар.

– Хорошее, правильное чувство недоверия. Из вас может получиться агент ИнтерГпола, – ответил Милодар.

Так впервые странное чувство, притягивающее и отталкивающее комиссара к Ко, было им сформулировано. И возникло на поверхности слово «агент». Отныне отношения комиссара и девушки по имени КО вступили в новый, еще не оформленный опытом, памятью и совместными переживаниями этап.

Но в тот момент Милодар был слишком занят текущими заботами, чтобы анализировать свои чувства к Ко. Он извлек определитель запахов, «карманную собаку», как именовали ее в Управлении, и постарался, пока совсем не затоптали место преступления, определить, как же произошло нападение.

Увидев, что комиссар стал подниматься по тропинке, направляя голубой лучик небольшого прибора на листву и на землю под кустами, Ко спросила его, чем он так занят. Комиссар пояснил, что пытается выделить остатки запахов, оставленных здесь убийцей.

– Как же так, – удивилась Ко наивности комиссара. – Мы же знаем, что Артема заклевали биороботы-вороны.

– Это все так, – согласился Милодар. – Но вороны не могли бы утащить Артема в воду и накрыть его перевернутой лодкой в надежде, что его тело не найдут еще несколько дней, потому что не будут искать. Значит, вороны были не одни.

– Их кто-то направлял, – сообщила Ко.

– Вот именно.

Комиссар медленно шел по тропинке, посматривая на миниатюрный экранчик прибора и прислушиваясь к разнообразному тонкому пisku, который тот издавал.

– Вот так, – произнес комиссар. – Это спускался Артем... его запах.

– Неужели он сохранился?

– Моей собаке достаточно нескольких молекул. А они всегда остаются: то ты коснулась ветки, то ты споткнулась о сук, то чихнула...

– А что дальше?

– А дальше я вижу и слышу наши с тобой запахи и ту вонь, которая осталась после нерадивых прачек и сиротского доктора, которые бегали по этой тропинке... Но мы это все отделим и отбросим... Вот! Вот запах незнакомый. Он принадлежит мужчине в возрасте от двадцати до двадцати пяти лет, высокого роста, темному шатену с родинкой на тыльной стороне левой руки...

– Вы все это видите?

– Кое о чем догадываюсь. Как скульптор, который воссоздает облик человека по его черепу.

Комиссар повернул обратно. Поглядим, остались ли следы незнакомца на берегу.

На берегу отыскать их оказалось куда труднее – слишком много народа там толклось. Но через несколько минут неуто-

мимый комиссар снова подхватил след. На этот раз запах возможного убийцы повел их вдоль берега, и если голограмме комиссара погружения в холодную воду или лазанье по скалам были нестрашны, то Ко страшно измучилась за полчаса, которые потребовались, чтобы достигнуть причала.

– А вот здесь он нахально остановился, – комментировал ночные события комиссар, – потому что был уверен в себе.

– В каком смысле? – не поняла Ко.

– А потому что, начиная с места убийства, запах его был нечист. Я всю дорогу ломал голову, что же произошло. И только сейчас я понял: убийца раздел физкультурника и переделся в его одежду.

– А куда дел свою?

– Не задавай пустых вопросов, – отмахнулся комиссар. – Нам с тобой его одежда ничего не скажет. Вернее всего, он утопил ее – привязал к камню и утопил посреди озера. А может быть, ее унесли ручные биороботы.

– Кто?

– Вороны, кто же еще! Как я мог их прошляпить! Сто раз видел их вчера на острове и не придал им значения! Какая наивность! А они ждали приказа, ждали своего часа.

Комиссар прошелся по скрипучим доскам причала. Подошел к развалинам сторожки. Прислушался, стоя, к попискиванию своей собаки. Потом подвел итоги поисков:

– Он пришел сюда и ждал здесь Веронику. Он был в одежде убитого физкультурника. Значит, это и есть тот, так похо-

жий на физкультурника молодой человек, фотографию которого мы с тобой получили. К счастью, во главе следствия стоит такой гений сыска, как комиссар Милодар, и потому мы знаем, что Вероника трагически заблуждается. Ей подсунули двойника. А настоящей ее возлюбленный погиб. Следующий шаг наш.

– И каким он будет? – спросила Ко, несколько удивленная высоким мнением комиссара о себе самом.

– Мы подсунем им нашего двойника, – уверенно ответил комиссар, окидывая взглядом Ко. Но девушка в тот момент не догадалась, какое страшное испытание уготовил ей комиссар Милодар. Она ждала, что он предложит.

– Не хотели бы вы составить мне компанию? – спросил комиссар.

– Как так составить компанию?

– Полететь со мной на Кольский полуостров. Мне нужен помощник, который знаком с Вероникой, которому Вероника доверяет, который знает всю эту историю. Мне некогда вводить в дело другого агента. Но предупреждаю: предприятие опасное. Единственное, что могу обещать, – в случае удачи мы с вами освободим несчастную Веронику и отомстим за смерть Артема.

– Я готова, – тут же ответила Ко, будто ждала такого приглашения.

Комиссар испугался, что переборщил, дав девушке некие перспективы равноправия и товарищества. И поспешил сни-

зить пафос своего предложения.

– Не обольщайтесь, – заявил он. – Я беру вас с собой не из-за благодарности за вашу попытку спасти меня. Хотя вы, в отличие от моих агентов, единственная вели себя достойно и по-мужски. И не потому, что вы умны или сообразительны. Это пока что ваше личное дело. Но я не хочу оставлять вас без присмотра, девушка. Черт знает, что еще может здесь произойти, – мне спокойнее, если вы будете на расстоянии вытянутой руки. Поняли?

– Поняла, – улыбнулась Ко. – Можно я переоденусь?

– Только мгновенно! Пока я вызываю мой флаер, беги к себе, одевайся. Но не на бал, а как бы в поход за грибами. Чтобы через десять минут была готова.

Ко отбросила в сторону палку и понеслась по тропинке двухметровыми шагами – она была легкой, тоненькой, костлявой и такой длинноногой, что страшно становилось думать: что же будет с ней к двадцати годам?

* * *

Они сошли с флаера на глухом полустанке неподалеку от Хибин. Дул жуткий ледяной ветер. К их прилету – по крайней мере, здесь Милодара слушались – в кабинете начальника станции ждал узел с одеждой – Милодар и его юная спутница должны были превратиться в парочку лыжных туристов, заблудившихся в снежной пустыне и теперь стремя-

щихся к комфорту мурманского «Хилтона» и горячим бассейнам Североморска.

Лыжный костюм для Ко оказался короток – руки торчали чуть ли не по локоть, к тому же в нем не работал обогрев. Милодар сказал, что никто не обратит внимания на такие мелочи. Ему-то было все равно – надо было только следить, чтобы голограмма не выскочила из одежды в неподходящий момент.

Несмотря на требования Милодара ждать поезд на платформе, Ко ушла в маленький зал ожидания, стандартный блок в стиле «Архипелаг ГУЛАГ» с уютным баром в углу. Свет над стойкой не горел, сама стойка и круглые табуреты вдоль нее были пыльными – в сочетании с барачными стенами это создавало ощущение театрального закулисья. Здесь, по крайней мере, было тепло.

Вскоре пришел и Милодар. Он изображал вусмерть замерзшего путника.

– Печку растопила, дочка? – спросил он, подпрыгивая и беззвучно хлопая в ладоши.

– Скоро поезд? – ответила вопросом Ко, которой было страшно: за годы заточения на Детском острове она потеряла способность уверенно чувствовать себя в открытом одиночестве. Общество же Милодара было фикцией. Да и непонятно, зачем она ему понадобилась. Отвратительно подозревать, что тебя используют как приманку и, если будет угрожать опасность, вернее всего, не пожалеют, а бросят, как

обкусанного дохлого червяка. Жалко было физкультурника Артема – а вдруг он теперь будет сниться – голубые руки и ноги, торчащие из-под опрокинутой лодки. Почему она такая эгоистка – почему она думает о себе, когда надо думать о бедном Артеме и несчастной Веронике...

– Комиссар! – Ко вскочила с вертящегося табурета. – Произошла жуткая ошибка!

– Спокойно, – Милодар подошел к окошку, забранному ржавой решеткой, – не люблю моду, тем более моду, паразитирующую на человеческом несчастье. Какой идиот придумал эти лагерные декорации?

– Вы не слышите, комиссар? Произошла ошибка!

– Сейчас ты скажешь мне, что если Артема убили на острове, значит, его не может оказаться в поезде. А если он все же едет в поезде, значит, его не убивали на острове. Неразрешимая загадка!

– Как вы догадались? – удивилась Ко. – И зачем молчали?

– Не догадаться мог только полный дурак. Удивительно, как ты умудрилась не задать мне этого вопроса за последние два часа?

Ко задумалась. Никому не хочется казаться дураком.

– Мы так спешили, – сказала она, – что мне некогда было думать.

Заглянул начальник станции, уютного вида располневший робот в синем форменном костюме и красной фуражке.

– Шестнадцатый туристический идет по расписанию, – со-

общил он, – через шесть минут будет.

– Поглядите, подоспела ли группа контроля, – приказал Милодар.

– Группа контроля, – повторил робот и пошел прочь.

– Второй твой вопрос – почему я молчал. Ответить на него сложнее. Причин тому несколько. – Милодар уселся на пыльные нары под портретом не известного Ко господина в военной форме. К рамке была прикреплена табличка:

И. БРОДСКИЙ

Портрет народного комиссара

И. Ягоды

– Первая причина, – продолжал Милодар, – недоверие к тебе. Ты для меня табула раса, то есть терра инкогнита, понимаешь?

– Это по-китайски? – спросила Ко. В приюте хорошо кормили, но учили умеренно.

– Не столь важно, на каком языке. Важен смысл.

– Значит, вы мне не доверяете... – произнесла Ко. – А зачем взяли с собой?

– Потому что ты мне понравилась, а интуиция подсказала: бери.

– Но теперь вы можете сказать, что все это значит?

– Нет, не могу. Сам не понимаю. – Комиссар слишком энергично развел руками, и правая рука пронзила ткань пиджака. Хоть это было лишь видимостью. – Но вижу во всем нечто зловещее. На поверхности все просто и трогательно:

романтически настроенная девица убегает с возлюбленным. Но мы-то с тобой знаем, что любимый в виде трупа лежит под водой. С кем же тогда убежала Вероника и, главное, знает ли она сама, с кем убежала?

– Какой ужас вы говорите!

– Это тебе лишь кажется. Когда задумаешься, поймешь, что я прав.

– Я уже поняла. Хотя мне хотелось бы, чтобы Артем остался жив. А тот, фальшивый, был бы убит.

– Все это пустые разговоры.

– Знаю.

Издалека донесся гудок паровоза.

– Собирайся, – сказал комиссар.

– Я готова, – ответила девушка.

– Наша с тобой задача, – объяснил Милодар, разглядывая себя в зеркале над ведром-парашей, стоявшим у входа в бар-барак, – отделить Веронику от этого чудовища. Но так, чтобы он тебя не увидел. У них есть твои фотографии. Действуем вдвоем.

Милодар остался доволен собой. Он достал из кармана лыжного костюма темные очки. Надел их. Вторую пару протянул девушке. В очках было плохо видно.

Милодар двинулся к выходу на платформу, Ко – за ним. Лыжи были длинные и застряли в дверях. Комиссар обошелся без лыж.

Поезд появился из-за пологой, поросшей редкими низко-

рослыми елями горы. Он гудел, приветствуя станцию. Ранние снежинки летели над рельсами.

– Почему вы не задержите этого человека, если думаете, что на самом деле он самозванец?

Милодар даже топнул ногой, так он разгневался.

– Ты тупая или притворяешься? – спросил он, глядя на приближающийся поезд.

– Ни то, ни другое! – смело ответила девушка.

– Тогда подумай: на Детском острове, где содержатся, возможно, самые загадочные и опасные существа на свете... не хмурься, ты же не виновата, что можешь стать чудовищем... происходит убийство. Кому-то понадобилось не только убить, но и подменить человека. Зачем?

Ко покачала головой. Она не догадывалась, кому и зачем это понадобилось.

– Затем, – продолжал Милодар, переступая с ноги на ногу, подпрыгивая и изображая смертельно замерзшего туриста. – Затем, что кому-то понадобилась твоя подруга Вероника. Настолько, что похитители не остановились перед гигантскими расходами – они изготовили копию Артема Тер-Акопяна, видимо, настолько похожую на убитый оригинал, что Вероника попалась на подделку. Конечно, если она не часть дьявольского заговора...

– О нет! – воскликнула Ко.

Робот в красной фуражке со свернутым красным флажком вышел на перрон. Он поднял флажок.

Красная звезда была прикреплена к коническому носу старинного паровоза, похожему, как показалось Ко, на детскую пороховую ракету, какие использовались на острове во время фейерверка. Сам паровоз был темно-зеленым, блестящим, колеса – красными, из трубы валил черный дым, машинист в ушанке выглянул в боковое окошко и помахал роботу. К паровозу был прицеплен тендер, за ним – три вагона. Первый с окнами узкими и частыми, затем два деревянных монстра с широкими дверями в центре и маленькими, забранными решетками окошками под крышей. Ко знала, что такие вагоны сто с лишним лет назад именовались теплушками и занимали значительное место в русской истории. Вагоны эти были грузовыми, но так уж повелось в России XX века, что возили в них людей, и большей частью не по доброй воле. В них грузили солдат и преступников, в них набивались беженцы и голодающие; а так как почти каждый житель страны в тот или иной час побывал солдатом, преступником или беженцем, то можно считать, что мало кто избежал путешествия в теплушке.

Уже к середине следующего века, хоть нравы далеко не везде и не всегда смягчались, теплушки, как и железные дороги, сгинули в погребях истории. Появились иные средства транспорта, внешне куда как более цивилизованные, быстрые и вместительные.

Но всеобщий интерес к истории и туризму возродил к жизни образы и некоторые способы путешествия, заимство-

ванные из глубокого прошлого, со значительными отступлениями порой от исторической правды. Стало особым шиком строить заново древние замки и виадуки, копать рвы и сооружать подъемные мосты, чтобы путешественники, прибывшие от ближайшего космического терминала верхом, могли стащить с себя смазанные потом латы и переодеться в шелка для ужина в готическом зале. Там они внимали трубадуру, пожирали бараньи ноги и кидали кости злобным псам, цапающим гостей за щиколотки. Затем, тяжело захмелев от первобытного пива и браги, туристы устраивались спать по двое и по трое на соломенных тюфяках, мучились от сквозняков и дрожали при виде голубых привидений, созданных голографистами за особую плату.

На Кольском полуострове и под Магаданом функционировали ретродороги, призванные напоминать любознательным путешественникам о злодеяниях коммунистов и их вождя Иосифа Сталина. Разумеется, все учили в школе о злодеях XX века, и Ко еще недавно завалила контрольную по Второй мировой войне, решив, что в ней принимал участие Наполеон, который на самом деле участвовал в Первой мировой войне или в какой-то еще, не менее пустяковой.

Будущее всегда снисходительно к прошлому и склонно преуменьшать его достижения и преступления. На значительном расстоянии избиение младенцев царем Иродом может быть оправдано исторической необходимостью или превращено в приключенческий роман, в котором читатель сле-

дит за судьбой лишь одного из младенцев – того самого, которому удалось выпутаться из этой истории.

Так что для Ко, которая оказалась на полустанке по необходимости, изобретательность Всемирного туристического агентства представлялась блажью, садизмом и просто глупостью, но путешественники из сытой Дании и благополучной Боливии с наслаждением отдавались мазохистскому началу в своих душах и, листая потрепанные страницы соответствующих русских романов и путеводителей, с душевным трепетом ждали, что же еще ужасное откроется за следующим поворотом.

На этот раз открылся барак – лагерный барак, он же полустанок, разъезд Лагерный. Датские туристы толпились у окошек теплушек, а гиды в шинелях из туристического бюро оттаскивали их от окошек и грозили побоями и даже смертью.

Мало кто из пассажиров обратил внимание на ожидавших поезда Милодара и Ко, хотя робот-начальник станции привлек внимание фотографов – в поезде было почему-то запрещено пользоваться современными камерами, и всем желающим выдавали советские аппараты «ФЭД» и «Смена», которые, как правило, снимать ничего не могли, пленка в них заела и была перекошена, а то ее и вообще не оказывалось. Но это было не столь существенно, потому что по окончании путешествия аппараты и пленка конфисковывались.

Милодар оглядел Ко. Она уже на самом деле окоченела, из-под очков торчал красный кончик носа, тонкое тело со-

трясала дрожь.

Сам комиссар также старался дрожать, и очки его были столь велики, что свободным оставался лишь подбородок.

Поезд на секунду притормозил.

Комиссар и Ко вошли в первый вагон, обыкновенный, хоть и старомодный, снабженный узкими окнами. Вдоль вагона тянулся узкий коридор, в который выходили деревянные двери купе. Вагон казался таким старым и запущенным, словно его и на самом деле нашли на свалке, а не соорудили на заводе года два назад.

Бравый усатый проводник, одетый в полувоенную синюю форму и черную фуражку, встретивший новых пассажиров на площадке, без слов провел их в первое купе и так уверенно закрыл за собой дверь, что Ко сразу поняла: он предупрежден, а может быть, служит в том же ведомстве, что и Милодар.

– Они в третьем купе, места пятое и шестое. После посадки не выходили, если не считать, что девушка дважды посещала туалет.

– Сколько времени вы в пути? – спросил Милодар. Видно, он был забывчив или проверял на забывчивость проводника.

– Два часа сорок минут, – ответил проводник.

– Билеты у них были в порядке?

– В порядке.

– Так я и думал, – сообщил Милодар. Он был чрезвычайно серьезен.

Нет, Ко понимала, что ситуация сложная и никто не играет в игрушки. Но в каждом, даже самом серьезном, деле нельзя перестараться. А то и похороны могут показаться комичными.

Проводник ждал приказаний, чуть приоткрыв рот. Зубы у него были вставные, модные, жемчужные.

Поезд пронзительно загудел. Через окно было видно, как начальник станции дергает за веревку начищенный колокол.

Из двери в буфет вышел Сталин в сопровождении нескольких неизвестных Ко военных. Он поднял руку, приветствуя поезд. Ко непроизвольно помахала в ответ.

– Кто там? – очнулся Милодар.

– Сталин, – ответила Ко. – Странно, что я его на разъезде не видела.

– Они с товарищами нас часто провожают, – заметил проводник.

Милодар кинулся к окну.

– Голограммы, – сказал он удовлетворенно, словно опасался, что Сталин был настоящим. – Их, видно, к поезду активизируют.

Он снова опустил на полку.

– Возвращайтесь к своим обязанностям. Я вас позову, – сказал он проводнику.

Когда проводник покинул купе, Милодар обратился к девушке:

– Мы не знаем, сколько у нас времени. Может быть, счи-

танные минуты. Я могу тебе сказать, что с этого момента основную роль в событиях будешь играть именно ты. Я, конечно, этого не хотел, я тебе не доверяю, черт знает, что сидит в твоём теле и твоей душе, но у меня нет выбора.

– Что вы придумали, комиссар?

– Сейчас ты пойдёшь в купе, где сидит Вероника...

– Зачем?

– Ты заменишь ее.

– Как так?

– Ты станешь Вероникой, а Веронику мы вернем на Детский остров.

– Но это невозможно!

– Для ИнтерГпола ничего невозможного нет, – возразил Милодар.

Он стоял спиной к окну, уперев кулачки в бедра, и казался сердитым петушком.

– Хорошо, – сказала Ко, которая, конечно, уже давно поняла, что комиссар возит ее за собой по Кольскому полуострову не потому, что в нее влюбился. – Тогда расскажите подробнее о моей роли.

– Сейчас проводник выманит из купе лжефизкультурника. Ты же пройдёшь в купе. У тебя будет минута, может быть, две. Ты должна будешь рассказать Веронике, что настоящий ее возлюбленный лежит в морге в Петрозаводске и при желании она может полюбоваться его телом...

– Комиссар! – сердито перебила его Ко. – Не старайтесь

показаться большим циником, чем вы есть на самом деле.

– Я постараюсь, – криво усмехнулся Милодар. – Главное заключается в том, что ты займешь место Вероники. Она сойдет с поезда со мной. А ты отправишься дальше с Лже-артемом.

– Да вы с ума сошли! Он меня раскусит.

– Замечательный ответ, – обрадовался Милодар. – Любая другая девочка на твоём месте закричала бы, что она умрет от страха, что она упадет в обморок, как только останется с этим монстром вдвоем. А тебя беспокоит лишь деловая сторона проблемы...

– Мне страшно, просто я не успела вам об этом сказать.

– Поздно! Ты уже согласилась.

– Нет!

– Подумай, в твоих руках сейчас находится все. И возможность отомстить за смерть Артема, в которого ты была влюблена. И спасти свою подругу, которая в отличие от тебя не приспособлена к подобным ситуациям и погибнет быстрее тебя.

– Это значит, что я тоже могу погибнуть? Но позже?

– А почему бы и нет? – удивился комиссар. – Разумеется, первое задание, которое ты будешь выполнять, страшно опасное. Я и сам бы трижды подумал и скорее всего не согласился бы на него.

– А я соглашусь?

– Я еще не выложил все аргументы, – сказал Милодар.

Он уселся на голую деревянную полку рядом с девушкой. — Помимо мести и спасения Вероники, ты будешь делать то, что тебе больше всего нравится в жизни. Ты авантюристка, Ко!

— Как вы смеее так говорить?

— Смею, потому что особая группа ИнтерГпола за последние часы успела изучить твое личное дело и твою медицинскую карту. Я знаю, что ты превосходишь всех сирот на острове по физическим данным, причем добилась ты этого не потому, что невероятно одарена от природы, а потому, что всегда и во всем хочешь быть первой. Когда остальные уходили спать, ты бегала вокруг острова или поднимала штангу. Было?

— Ну, это в прошлом.

— Если бы ты с таким же энтузиазмом и упорством учила литературу и историю, ты бы уже окончила университет.

— Я не выношу историю, потому что, возможно, ее не было.

— Удобная точка зрения. Слушай, кто в первом классе, в марте месяце, на спор с одной лыжей в руках пробежал до большой земли по тонкому льду, чтобы купить мороженого в сельском магазине? Кто, переодевшись привидением, забрался на башню замка без помощи крючьев и веревки и перепугал всех его обитателей страшным воем?

— Ой, это было так смешно! Вы бы видели, как госпожа Аалтонен в одной рубашке бегала по футбольному полю и

кричала, что привидений не бывает!

– Кто в разгар зимы...

– Давайте прекратим этот разговор, комиссар, – в голосе девушки неожиданно прозвучали стальные нотки. – Это произошло не со мной и не здесь.

– Достойный ответ, – согласился комиссар. – Теперь ты понимаешь, почему я взял тебя сюда?

– Нет, все еще не понимаю. Ведь вы все равно мне не доверяете.

– Я тебе доверяю больше, чем другим обитателям Детского острова, то есть почти доверяю. Но у меня нет выхода. Ты должна заменить Веронику, потому что ты похожа на нее, очень похожа, даже не надо менять цвет глаз. Кроме того, ты знаешь все об острове и Веронике – другого агента нам просто не найти.

– Ну, уж не настолько я похожа!

– Я уверен, что подставной физкультурник не различит вас.

– Ничего не получится. Я блондинка, а Вероника брюнетка.

Комиссар исподтишка усмехнулся. Ему нравилась эта девица: вместо того чтобы закатить истерику, она рассуждала о том, узнает ли в ней подмену неизвестный негодяй.

– Мы сделаем из тебя брюнетку, – быстро ответил комиссар, не давая ей опомниться. Он нажал на незаметную кнопку в грубо оструганной стенке купе, и тут же вновь появился

проводник, словно уже ждал под дверью.

– Действуй, – приказал ему Милодар.

Проводник раскрыл чемоданчик – в нем были медицинские инструменты, а также тубики, бутылочки и таблетки.

– Закройте глаза, – обратился проводник к девушке.

Та закрыла глаза, но, так как ей не запрещали разговаривать, спросила Милодара:

– Скажите, а почему бы вам просто не арестовать поддельного Артема? Он вам все расскажет.

– Ты уверена, что расскажет? Ты знаешь, что агенты других планет куда чаще кончают с собою, чем попадают к нам в лапы невредимыми? А если это не человек, а биоробот? Чего мы от него добьемся? А если он сам не знает, зачем он попал на Землю – ему внушено конкретное задание, но не более того? Слишком велик риск все провалить...

Проводник повязал салфетку под подбородком Ко, словно собирался вымыть ей голову и лицо. Он начал колдовать над ее кожей, потом вылил какую-то жидкость на волосы. Пальцы у проводника были длинными и чуткими – они двигались со скоростью ящериц.

– Кто-то пошел на большие усилия, чтобы утащить девочку с Детского острова. Зачем? Что ему нужно? Боюсь, сразу не узнаешь.

– Я должна узнать?

– Разумеется, ты должна помочь правосудию, справедливости, благородному делу Галактического центра и соб-

ственно Земли.

— А что, если я не земная девушка и даже враждебна Земле? Ведь вы меня в этом убеждаете.

— Мы дадим тебе земное гражданство, — сообщил комиссар.

— Если оно мне понадобится...

— Ну, что тебе нужно?

— Мне нужен пустяк. Вы должны узнать, как меня зовут, кто мои родители и почему я оказалась на Детском острове.

— Мы стараемся...

— Ни черта вы не стараетесь! Занимаетесь этим через пень колоду.

— Хорошо, я клянусь, что лично займусь этим вопросом.

— Нет, комиссар, не так. Не займетесь, а решите. Поклянитесь.

— Как?

— Клянусь всеми звездами Галактики и жизнью всех, кто мне близок и дорог...

— Клянусь всеми звездами Галактики и жизнью всех, кто мне близок и дорог...

— Что я узнаю настоящее имя и происхождение моего агента Ко.

— Что я узнаю настоящее имя и происхождение моего агента Ко. Теперь твоя душенька довольна?

— Где зеркало?

Проводник протянул Ко зеркало.

Из зеркала на нее смотрела Вероника.

– Черт побери! – удивилась девушка. – Вы свое дело знаете.

– Если останешься работать у меня, – сообщил комиссар, – то научишься этому и еще многому другому.

– Спасибо, я подумаю, – ответила Ко. – Что дальше у нас в программе?

– Дальше ты переоденешься. Держи. – Комиссар кинул на лавку пакет с одеждой. – Это твоя детдомовская одежда. Все предусмотрено.

Пока Ко переодевалась, Милодар отвернулся к окну и продолжал:

– Сейчас проводник вызовет Лжеартема в коридор. Как только он даст мне сигнал, ты выйдешь в коридор и проникнешь в купе к Веронике. Там ты убедишь ее, что Артем погиб, что ты заменишь ее... Дальше действуй по обстановке.

– А если она не согласится?

– Ты должна сделать так, чтобы она согласилась.

Ко открыла было рот, чтобы продолжить возражения, но Милодар лишь отмахнулся от нее.

– Иди, – приказал он. – Сейчас похитителя отвлекут. В твоём распоряжении три минуты, чтобы уговорить Веронику. И дальше ты полетишь туда, куда тебя увлечет твой соблазнитель...

– Он не мой соблазнитель!

– Будет твоим.

– Мне еще рано соблазняться!

– Кто тебе сказал? – удивился Милодар. – Самое приятное на свете – расцвести в обществе достойного мужчины.

– А там достойный мужчина? – спросила Ко.

– Не будь циничной, – воскликнул Милодар. – У нас нет времени препираться. На, проглоти.

– Что это? – Ко взглянула на металлического отлива ампулу.

– Детектор. Мы будем знать, где ты находишься.

– И придете мне на помощь?

– Если будет такая возможность. Но связь с тобой мы будем поддерживать. Считай себя полноправным агентом ИнтерГпола, выполняющим свое первое задание.

Но Ко было не так легко соблазнить красивыми словами.

– Я-то буду так считать. А вы, вы на самом деле считаете меня агентом?

– А что нам остается делать? – сердито произнес комиссар. – И помни, что спрашивать с тебя мы будем по всей строгости закона.

– Только учтите, что я несовершеннолетняя. И вы не имеете права делать мне опасные предложения.

– Ты вызвалась добровольно! – заявил комиссар.

– Разве?

Проводник заглянул внутрь и прошептал, что все готово.

– Сиди здесь. Молчи. Не дыши! – приказал Милодар.

– Вы помните о своем обещании? – спросила девушка.

– Я никогда ничего не забываю, – заверил ее комиссар.

– И не пытайтесь отделаться от меня пустыми словами. – Резким движением руки Ко отбросила назад вороные волосы.

Милодар усмехнулся. Девушка ему нравилась. Пожалуй, она будет работать у него. А если она будет работать у него, то в ее происхождении обязательно разберутся компетентные работники управления кадров – волки, не чета тем, кто курирует Детский остров.

Дверь в коридор была чуть приоткрыта. Ко наострила уши. К счастью, у нее был великолепный слух, не хуже, чем у записывающих приборов, которые включил Милодар.

В коридор из тамбура вошло три человека. Один за другим они прошли мимо приоткрытой двери в купе, и Ко смогла их рассмотреть.

Впереди шагал офицер в синей фуражке с красным околышем, на воротнике его поблескивали продолговатые эмалевые четырехугольники, на рукаве был пришит золотой овал, пронзенный вертикально мечом. Следом за офицером прошли два солдата в таких же фуражках, но в шинелях и с винтовками в руках.

– Проверка документов! – громко кричал офицер. – Проверка документов органами НКВД.

Один из солдат заглянул в купе к Ко, Милодар махнул рукой – давай, мол, дальше.

Слышно было, как патруль остановился у нужного купе.

Офицер произнес строго:

– Ваши документы, граждане!

– Какие могут быть документы! – сердито произнес хриплый мужской голос. Голос был совсем не похож на голос физкультурника. Тут похитители промахнулись. Неужели ослепленная любовью Вероника этого не замечает?

– Ваш поезд проезжает сейчас закрытую зону, – сообщил офицер. – Еще вчера нам удалось поймать около тридцати финских и немецких шпионов, и все они были расстреляны. Надеюсь, что вам не придется идти по их стопам.

– Да вы с ума сошли! – воскликнул физкультурник.

– Встреча с сотрудниками НКВД и проверка документов входит в стоимость билетов, – мягко пояснил проводник. – Если вы согласились справить ваш медовый месяц в условиях развивающегося социализма, вы должны примириться с некоторыми неудобствами, которые и создают ощущение аутентичности путешествия. Должен сообщить вам официально, что во время проверки документов, которая займет всего десять минут, вам будет предложен неочищенный спирт, соленый огурец и кусок настоящего ржаного черного хлеба. Стоимость допроса входит в стоимость вашей путевки. Так что прошу пожаловать!

– Вы обещаете, что этот бред не займет больше десяти минут? – недоверчиво спросил молодой человек.

– Все зависит от вас. Вы можете вернуться раньше, а можете и задержаться в НКВД.

Офицер засмеялся. Рядовые чины также засмеялись.

Физкультурник хмыкнул, выдавливая из себя смех. Ему было совсем не смешно.

– Я скоро вернусь, – сказал он, обращаясь, видимо, к Веронике. Ко не услышала ее ответа.

Через полминуты вся процессия во главе с офицером последовала прочь из вагона.

– Пора! – приказал Милодар. – Увидимся, если повезет, в Галактическом центре.

– Значит, вы думаете, что это неземная операция?

– А ты сомневалась? Ну пошла, пошла, моя девочка.

Голос комиссара дрогнул, будто ему и на самом деле было неловко посылать на верную смерть такую молоденькую девушку.

Милодар подтолкнул Ко к выходу.

Там уже ждал проводник.

Он подтолкнул Ко к двери в третье купе.

Открыл дверь. И, загнав Ко вовнутрь, захлопнул.

Ко стояла посреди купе и смотрела на Веронику. Вероника не замечала ее, она сидела на деревянной полке, глядя в забранное вертикальными прутьями решетки окно. За окном начинался длинный полярный вечер. Впрочем, здесь он начинался с утра.

– Вероника, – окликнула Ко подругу. – Это я, Ко.

Вероника вскочила, ударилась головой о верхнюю полку, но не обратила внимания на боль. Она кинулась навстречу

Ко, буквально упала в ее объятия с криком:

– Ты пришла! Ты спасешь меня, да? Какое счастье, какое счастье...

– Мы с комиссаром в поезде. Мы тебя нашли.

– Ко, я тебе должна сказать страшную вещь! – воскликнула Вероника. – Этот Артем – вовсе не Артем. Это кто-то другой. Это маскарад. Я так боялась, я боялась, что он меня убьет, что они убили Артема... мне так страшно, возьми меня отсюда!

Ко не смогла сдержать вздоха облегчения. Как ей повезло, если, конечно, тут можно говорить о везении! Вероника сама догадалась о подмене. Ее не надо убеждать, уговаривать, умолять.

– А как ты догадалась?

– Он жестокий, он другой... он фактически меня не знает... он страшный... Куда нам бежать?

– Скажи точнее, мне надо знать.

– Ничего тебе не надо знать! – воскликнула Вероника. – Мы должны бежать вместе, прежде чем он вернется.

– Но почему ты согласилась бежать с ним с острова?

– Я договорилась бежать с Артемом! И ночью не сообразила, что это другой. А потом уже было поздно.

Ко хотела все объяснить Веронике, но комиссар, который, вернее всего, подслушивал под дверью, рассудил иначе.

Он приоткрыл дверь и сказал:

– Ко, Веронике пора уходить. Помни, ты остаешься за нее.

– О нет! Он узнает и тебя убьет! – испугалась Вероника. – Нельзя оставлять ему Ко. Он маньяк!

– Вероника, – сказал Милодар, стоя в дверях и нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. – Погляди на свою подругу внимательно. Тебя ничего в ней не удивляет?

– Ко... Ко, что с тобой? Почему ты стала брюнеткой? Почему у тебя широкие ноздри...

– Почему у тебя такие большие зубы, бабушка? – передразнил Веронику Милодар. – Чтобы съесть тебя, Красная Шапочка. Итак, Вероника, скорее переходи ко мне в купе. Госпожа Аалтонен заждалась тебя.

– А Артем? Где Артем?

– Идем, я тебе все расскажу.

– Но Ко нельзя здесь оставлять! Это очень опасно. Я чувствую, какой он опасный.

– Это наше с Ко дело, – сухо ответил Милодар.

Вероника потянулась взять свою сумочку. Она легко смирилась с действительностью, если было кому подчиняться.

– Ты с ума сошла. Ты ничего не возьмешь. Неужели ты хочешь погубить Ко? Он же не должен заметить подмены, – объяснил комиссар.

И тогда Вероника окончательно поняла, что ее скромная подружка сознательно ступает на тропу галактической войны.

Она поцеловала Ко и быстро сказала:

– Береги мою сумочку. Помаду не очень трать...

Вероника была бережливой девушкой. Даже в такой момент она подумала о помаде.

Но больше ничего сказать она не успела.

Комиссар потянул ее за руку. Хлопнула кое-как сбитая из досок дверь.

Ко осталась одна в пустом холодном купе.

Все произошло так быстро, что она даже не успела испугаться или подумать – а зачем, собственно говоря, ей все это нужно?

Она взяла сумочку Вероники... Открыла ее – нужно знать, что у тебя в сумочке. По крайней мере, не просить у спутника расческу или зубную щетку, если есть своя.

В сумочке были самые обычные вещи, как и положено быть в сумочке сиротки с Детского острова. Те же, что были в сумочке Ко, которую она вынуждена была оставить в приюте. По крайней мере, можно притвориться, что это все твои вещи, даже зубная щетка твоя. И пачка надушенных салфеточек, и нужный тампон, и записная книжка. В нее вложена записка. «Жду сегодня как стемнеет на старом месте. А.». Почерк был наклонный, сильная буква А возвышалась над остальными...

В этот момент поддельный Артем вошел в купе, не глядя на Веронику, тяжело рухнул на полку и откинул назад голову.

– Черт знает какой гадостью поят, – сообщил он, прикрыв глаза. Он был очень похож на Артема, но, конечно же, не был Артемом – не надо быть Вероникой, чтобы различить моло-

дых людей. Но так как теперь Вероника не была Вероникой, то создавалась редкая в любви ситуация четырехугольника, в котором теперь все были самозванцами. Ромео был вовсе не Ромео, а Джульетта была лишь отдаленно схожа с Джульеттой. И если этот Артем в самом деле подослан для того, чтобы выманить Веронику к черту на кулички, значит, он может и не заметить разницы в девушках. А если заметит, следовательно, эти убийцы неплохо выучили домашнее задание.

— Где ты был? — спросила Ко, представив себе, что Милослав сидит в первом купе и слушает, как идет запись — каждое слово, каждый вздох Ко и Псевдоартема фиксируются и анализируются компьютерами.

— Это игра для идиотов, — сказал физкультурник, не раскрывая глаз. — Меня притащили в соседний вагон, совершенно пустой, деревянный, на полу солома, посреди бочка, на дне бочки стоит бутылка, рядом соленые... эти самые... огурцы. И стаканы на всех. Они сказали, что допрос заменяется этой пыткой... Да, это была ужасная пытка!

— Почему ты не отказался? — Ко тянуло продолжить разговор — проверить, не сомневается ли он, что перед ним Вероника.

— Я не знал — обычай это или в самом деле проверка документов.

— Разве у тебя есть документы? — спросила Ко. Документы на Земле не требовались: центральный компьютер знал в лицо все пять миллиардов ее обитателей, и достаточно было

приложить палец к браслету, который носил каждый полицейский, как подозрительная личность становилась личностью выше подозрений либо ее приглашали на полицейскую станцию.

– Мне приходилось бывать на дальних планетах, – сказал молодой человек. – Там нужны документы. Я выправил их себе.

Лжец, подумала Ко. Даже говорить точно его не научили. Кто теперь говорит «выправить документы»?

Ко рассматривала своего спутника, уже не так трепеща перед ним, как в момент его возвращения. То ли потому, что он ничем не выказал своих сомнений, то ли потому, что она была на Земле, на Кольском полуострове, – осенний арктический пейзаж тускло и неспешно разворачивался за замутненным окошком, мерно стучали колеса, и из черного круглого репродуктора под потолком купе хрипло выливались незнакомые бодрые песни. Как раз сейчас репродуктор надрывно выкрикивал: «Нам нет преград ни в море, ни на суше, нам не страшны ни льды, ни облака, знамя страны своей, пламя души своей мы пронесем через миры и века!»

Артем (не называть же его всегда Псевдоартемом или Лжеартемом?) тоже услышал бодрую песню и пробурчал:

– Планета неврастеников. И как ты здесь живешь?

– Я не знаю, где должна жить, – откликнулась Ко. – Вернее всего, моя планета лучше этой.

– И ты хотела бы отыскать свой настоящий дом?

– Кто не хотел бы?

– Тогда у меня к тебе есть предложение, – сказал Артем. Щеки у него еще были красными, язык не совсем слушался, но взгляд, упершийся в лицо Ко, был трезвым и холодным. – Как ты смотришь на то, моя дорогая, чтобы как можно скорее покинуть эту планету?

– Как это можно сделать? – удивилась Ко.

– Вот это тебя не касается. Я обещал тебя укрыть от преследования, я обещал тебя любить и опекать, я обещаю отвезти тебя домой к несчастным родственникам, в твой родной замок, к твоим рабам и слугам.

– Артем, что ты говоришь? Какие могут быть рабы и слуги?

– Я никогда не бросаю своих слов на сквозняк. – Артем делал ошибки в идиомах. Видно, учили его наспех. – Если у меня есть информация, я ею делюсь.

– Чего же ты раньше молчал?

– Раньше было нельзя. Раньше ты могла проговориться.

– А теперь?

– А теперь они нас уже не смогут догнать.

– Почему?

– Здесь и стены имеют уши. Мы не знаем, сколько здесь ряженных агентов, а сколько настоящих. Но если ты веришь в мою любовь, крошка, то должна меня слушаться. Иначе сама погибнешь и меня привлечешь. Ты меня любишь?

– Разумеется...

– Я не слышу уверенности в твоём голосе. Ты совсем иная, чем пребывала на острове. Ты даже изменилась за последние минуты – что тебя тревожит? Ты потеряла доверие в меня?

Он положил тяжёлую тёплую ладонь на колени Ко. Она внутренне сжалась, но ничем не выдала своего страха.

– Будь готова к тому, что скоро мы покинем этот поезд, – сказал он.

Его рука спокойно, по-хозяйски поползла вверх по бедру Ко. Тут уж она не выдержала, вскочила, ударилась затылком о край полки и охнула от боли.

– Ты что? Ты меня разлюбила? – Артем рассердился.

– Больно! – ответила Ко. – Я стукнулась. Больно... Пожалей меня лучше.

– С удовольствием, – произнес молодой человек, и Ко раскаялась, что сама предложила себя пожалеть. Её поклонник тут же схватил её сильными руками и прижал к себе.

– Ой, не надо, мне больно! – воскликнула в ужасе Ко, тем более что от поклонника сильно пахло чесноком.

Но Артема не остановили её слова, он страстно целовал её в щеки, в висок, подбираясь к губам, и Ко в отчаянии вертела головой, избегая поцелуев. Она уже понимала, что бессильна, и готова была укунить Артема, как поезд резко затормозил. Настолько резко, что Артем и Ко упали на полку, но Ко удалось вырваться и отпрыгнуть к двери.

Теперь пришла очередь Артема жаловаться, он потирал затылок и сквозь зубы ругался. Песня в репродукторе обо-

рвалась, послышалось шипение, и бесстрастный голос произнес:

– Уважаемые товарищи пассажиры и туристы, наш поезд переехал убежавших из лагеря заключенных. Туда им и дорога. Простите за временные неудобства. Через час двадцать минут мы останавливаемся в Кировске, где на станции есть столовая. Там вас угостят калорийной лагерной пищей. На первое – протертый суп из хвостов северных оленей, на второе – семга, запеченная в тесте из отрубей. Спасибо за внимание.

Теперь Ко надежно устроилась у двери, так что Артему пришлось оставить надежду прижать девушку к широкой груди.

– Ты начал говорить, что мы будем делать дальше, – громко произнесла Ко, надеясь, что так Милодару лучше будет слышен их разговор.

– Да не кричи ты! – зашипел на нее физкультурник. – Весь вагон слышит. Здесь стенки фанерные.

– Но вагон так стучит и дребезжит, что даже я тебя плохо слышу, – ответила Ко.

– Вот и подойди поближе, – сказал Артем, нехорошо улыбаясь.

– Давай не будем отвлекаться, – сказала Ко. – Мне надоело ехать в этом уродском поезде. У нас из всего умеют сделать развлечение. Весь мир – сплошное удовольствие. Лагерь в тундре – развлечение для туристов, концлагерь Освен-

цизм – приключение для путешественников с Альдебарана.
Будь моя воля, я бы запретила этот цинизм.

– Ну, ты у меня сообразительная, – сказал физкультурник. – А я об этом не подумал.

– Ты вообще редко думаешь, мой любимый, – заметила осмелевшая Ко.

– погоди, выйдешь за меня замуж, тогда заговоришь иначе.

– А почему я должна выходить за тебя замуж?

– Потому что ты меня любишь, сама говорила!

– Но это я увлеклась... на свидании... в лесу.

– Хочешь я записки твои покажу?

– Не надо, – остановила его Ко. – Я помню все мои записки. У меня отличное чувство юмора.

И тут Ко буквально всей кожей ощутила гнев и возмущение комиссара Милодара. Она готова была сорвать всю операцию! Молодой человек смотрел на нее удивленно, приоткрыв рот.

– Ты совсем другая, – сообщил он. – Я тебя не узнаю! Может, тебя подменили злодеи?

– Глупая шутка, – ответила Ко. – Я не думала, что услышу от тебя такие грубые слова.

– Мои слова грубые? Чем ты это докажешь?

– Мне не надо ничего доказывать, – сказала Ко. – Я не люблю, когда человек объясняется мне в любви, даже крадет меня из детского дома, а потом начинает грубить. Не забудь,

что я несовершеннолетняя, я еще ребенок. И если я подниму крик, тебя тут же арестуют.

– Меня нельзя арестовать, я теперь личный друг и собутыльник майора НКВД Петькина, – ответил Артем.

– Ах, какой ты все же тоскливый, – вздохнула Ко. – И за чем только я согласилась с тобой убежать?

– Потому что тебе нравится со мной целоваться, – искренне ответил Артем, – и ты спешишь выйти за меня замуж.

– Ну, ладно, я согласна, – сказала Ко, чтобы не обострять отношений. – Но куда ты меня везешь?

– В одно место, оно далеко отсюда. Там нас ждут. Там нам будут рады.

– И как мы туда доберемся?

– Потерпи немного, моя дорогая невеста, – сказал Артем. Ко стояла спиной к двери. Ей было слышно, как кто-то прошел по коридору, перекрывая пьяными возгласами шум колес и скрип вагона.

– В этом поезде, – сообщил физкультурник, – есть вагон, который так и называется: «вагон-ресторан». Представляешь себе? Все равно что сортир-оранжерея или бластер-ароматизер.

Физкультурник заглянул на верхнюю полку и достал оттуда небольшой прибор. Включил его – и провел вырвавшимся из него голубым лучом по потолку купе. В потолке образовалась тонкая округлая щель.

– Что ты делаешь? – спросила Ко, чтобы привлечь внима-

ние комиссара.

– Тише!

– Мы выберемся через крышу?

Физкультурник лягнул Ко ногой так, что она села на полку.

– Ну этого я тебе никогда не прощу! – воскликнула она.

– Я заглажу вину поцелуями! – откликнулся физкультурник.

Он подставил руку, и выпиленный круг тяжело упал вниз. Физкультурник прошептал Ко:

– Помоги мне, не стой как дура!

Ко придержала круг, чтобы не скатился на пол.

Круг, вырезанный из крыши вагона, был тяжелым и еще горячим по краям.

Он вырвался из рук Ко – впрочем, она и не старалась удерживать его – и гулко ударился об пол.

– Идиотка! – в сердцах выругался Артем. – И это есть моя невеста, присланная небом?

– Я не знаю, кем я прислана, но боюсь, что получилась накладка с адресатом. Ты – не мой герой, не моего романа.

– Это цитата из литературного произведения?

– Это жизнь. Это суровая правда жизни.

– Тебе уже поздно разлюбить меня, – сообщил Артем.

– Разлюбить никогда не поздно. Особенно если человек оказался не тем, кого ты ждала.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Понимай как знаешь, – сказала Ко.

– Ты отказываешься бежать со мной?

– Просто я боюсь. Мы выберемся на крышу, и нас подстрелят охранники НКВД.

– Это я беру на себя, – сказал Артем. – Через три минуты операция начнется. И нет силы на Земле, которая могла бы нас остановить.

Вот и врешь, голубчик, подумала Ко. Вопрос лишь в том, захочет ли эта сила тебя остановить. Лучше бы она не остановила! ...И тут Ко почувствовала, что она вовсе не уверена в том, что желает скорого конца этого приключения.

Пока что в ее смирной и скучной сиротской жизни ничего подобного не происходило. И если это приключение не принесет серьезных перемен, то ее жизнь так и продолжится... И еще неизвестно, выберет ли она путь, предложенный комиссаром. Конечно, Артем как жених ее не устраивает, но она надеялась, что физкультурник поможет ей вырваться на свободу, подальше от комиссара и детского дома. И она не смогла бы сказать, хочет ли она отомстить неизвестно кому за смерть настоящего Артема, в которого была немного влюблена, может, только потому, что его сердце принадлежало подруге, или предпочтет остаться на другой планете и сама будет искать свои корни, своих родных, свою планету и свое счастье!

Так что для нее круглое отверстие в потолке вагона было настоящим выходом. И она намерена была последовать за

двойником погибшего физкультурника, даже зная, какой он мерзавец.

Но если они вылезут на крышу вагона, то их увидят...

– Положись на меня, – прошептал физкультурник. – У меня есть сильные и влиятельные друзья. Они не дадут нас в обиду.

И в этот момент в вагоне стало полутемно – густой дым заволок окна.

– Пора! – воскликнул физкультурник. Сильным движением он подтянулся и выскочил на крышу – оттуда в вагон втягивалась полоса удушливого дыма.

Ко увидела руку физкультурника – он протягивал ее вниз, чтобы помочь девушке последовать его примеру.

Ко крепко обхватила его кисть. Физкультурник крикнул: – Держись!

И рванул ее наверх так, как поднимает акробат одним движением свою партнершу, чтобы она сделала стойку на одной руке.

Ко даже не сообразила, как она пролетела сквозь отверстие в потолке вагона и оказалась на крыше рядом с физкультурником.

Она закашлялась. Поезд несея, гудя и тормозя, сквозь непроницаемое облако дыма.

– Это лесной пожар? – спросила Ко.

– Помолчи.

И тут между ними возник конец веревочной лестницы,

который покачивался, приглашая подниматься.

– Иди первой! – приказал физкультурник. – Я подержу конец лестницы.

Ко послушалась.

Несмотря на то что вагон раскачивался и поезд продолжал двигаться, отчаянно гудя и свистя, будто боялся заблудиться, физкультурник так твердо и умело держал веревочную лестницу, что Ко смогла быстро подняться в дымную мглу, считая ступеньки – десять, двенадцать... тринадцать... На пятнадцатой ступеньке кто-то схватил ее за кисти рук и потянул наверх. У Ко хватило сообразительности не сопротивляться – она понимала, что, если ей удастся вырваться, это будет ее последнее достижение в жизни.

Раз-два! – и Ко оказалась в чреве вертолета, в котором также было дымно.

Она видела силуэты людей, которые склонились над светлым кругом нижнего люка, подтягивая веревочную лестницу. Несмотря на шум двигателя, Ко услышала снизу крики и даже хлопки выстрелов. Но тут вертолет резко пошел наверх.

Люди в нем помогли физкультурнику взобраться в люк.

Люк закрылся.

Физкультурник озираясь, разыскивая Ко. Увидев ее, вздохнул с облегчением и спросил:

– У тебя все в порядке?

– Спасибо. А где мы находимся?

Ко уже могла разглядеть, что остальные пассажиры вер-

толета были облачены в оранжевые комбинезоны.

— Мы с тобой находимся в гостях у славных лесных пожарников, — ответил Артем. — Они увидели очередной лесной пожар и помогли нам выбраться из него живыми.

— Ловко придумано, — призналась Ко. — Но они скоро вычислят, что случилось, и поймают нас.

— Посмотрим, — ответил один из людей в оранжевом комбинезоне. — Мы же настоящие пожарники!

* * *

Вырвавшись из громадных клубов дыма, окутавших редкий невысокий лес в широкой впадине между горами и скрывших проходившую там железную дорогу и поезд на ней, пожарный вертолет взял курс на базу. Ко видела, как один из пожарников склонился к экрану связи.

— Восемнадцатый на связи, — говорил он уверенно, ничуть не сомневаясь в том, что его считают своим, одним из настоящих пожарников. — Через три минуты опустимся в пункте три для заправки пеной.

— Помощь требуется? — послышался голос. На экране появилось лицо пожилой женщины в синей с красными шнурами на плечах форме пожарников. — Я подниму шестую и семнадцатую бригады.

— Там остался третий, — сообщил пожарник, сидевший за пультом управления. — Нам потребуется еще один вылет.

– Отлично. Потом спуститесь вниз и оцените ущерб. Я вылечу к вам через тридцать минут, – сказала женщина в мундире, – как только мы закончим совещание о подготовке части к зиме. До связи.

– До связи, Дарья Павловна, – откликнулся командир вертолета.

Он развернулся вместе с пилотским креслом.

– Вроде обошлось, – произнес он. – Рассказывайте: как у вас, ребята?

– Мой господин, – произнес физкультурник, чуть склонив голову перед главным пожарником. – Разрешите представить вам мою любящую невесту по имени Вероника. Я до конца дней буду благодарен вам за то, что вы выручили нас и помогли бежать из этого страшного приюта.

– Мой долг и честь, – ответил пожарник, – требуют от меня всегда приходить на помощь влюбленным. А также несчастным, голодным и обиженным, где бы они ни находились.

– Поблагодари капитана Брасса, – обратился Артем к Ко, – это благородный человек.

– И настоящий авантюрист, в лучшем смысле этого слова, – откликнулся капитан Брасс. – В духе Робин Гуда и Квентина Дорварда. Вы слышали о Робин Гуде?

– Капитан Брасс – англофил, – произнес Артем.

– Бороться и искать, найти и не сдаваться, – подтвердил свою англофилию капитан Брасс на плохом английском язы-

ке словами капитана Скотта. – Куда теперь, влюбленные? – спросил капитан Брасс.

– Как можно дальше отсюда, – ответил с улыбкой Артем, обнимая Ко за плечи. Та невольно отстранилась.

– Ваш цветок полон смущения, – сообщил Артему капитан Брасс с нехорошей улыбкой.

– Глаза прочь, капитан! – приказал Артем. В голосе его звучала сталь.

– Отлично! – бодро откликнулся капитан. – Продолжаем движение.

– Главное – стряхните с нашего следа капитана Милодара. Я его ненавижу. Он сорвал уже несколько наших операций, – произнес Артем.

Ко вздрогнула. Оказывается, они знали, кто их преследует. Может, они уже догадались, что Ко – подсадная утка? И теперь ждут момента, чтобы с ней расправиться?

– Я думаю, что они уже потеряли наш след, – ответил капитан Брасс. – Мой главный принцип – как можно меньше скрываться и таиться. Мне лучше скрыться на виду у всех под видом обыкновенного пожарника. Сейчас же мы станем обыкновенным рыболовецким ботом. Как почтальона-убийцу в классическом английском романе, все должны видеть, но никто нас не должен замечать.

– Действуйте, капитан, – сказал Артем.

Он сел на жесткое сиденье, прикрепленное к борту флаера, между свернутых бухтами шлангов.

– Славные ребята, – сказал он. – Не представляю, что бы мы с тобой без них делали.

– Наверное, ты нашел бы других славных ребят, – ответила Ко.

– Это ирония? Я не люблю иронии. У меня нет чувства юмора.

– Это не ирония, а вера в тебя, мой дорогой, – сказала Ко. – А куда делись настоящие пожарники?

– Лишний вопрос. И если ты задашь его капитану Брассу, он не сможет или не захочет тебе отвечать.

– Чепуха! – Оказывается, капитан слышал этот разговор. – Я не садист и не убийца. Я два месяца проработал добровольцем в лесной пожарной охране. И вся моя бригада вместе со мной. И должен тебе сказать, мы лучшая пожарная бригада на всем Кольском полуострове. Кто не верит, может связаться с Мурманском.

– Я верю, – криво усмехнулся Артем. – Хотя проще было бы уничтожить какую-нибудь из бригад, и дело с концом. Вертолет вам был нужен всего на час.

– Я не люблю проваливать операции только из-за того, что спешу и ленюсь продумать лучший путь. Лучший путь, мой друг, не всегда бывает самым коротким. И уж наверняка не бывает самым кровавым. Но ты еще молод...

– Не так молод, как кажусь, – ответил Артем. И Ко поверила ему. Этот человек носил маску убитого, а что за лицо скрывалось под ней – одному дьяволу известно.

Не прерывая беседы, капитан Брасс разогнал вертолет, кинув его между двух гор, очевидно, в надежде обмануть следящие устройства комиссара Милодара. Впереди серым одеялом раскинулось море.

– Белое море? – спросила Ко.

– Нет. Баренцево, – ответил Брасс.

Вертолет уверенно шел над самыми волнами, низкими и пологими. Впереди показался серый рыболовный бот.

Можно было различить надпись на борту: «Амур».

Ко так и не догадалась, назвали ли так корабль в честь бога любви или реки на Дальнем Востоке. Спрашивать было некого, палуба бота была пуста.

Веревочная лестница развернулась и упала на корму судна.

– Быстро! – приказал капитан Брасс. – Сейчас нас легко засечь.

Пожарники один за другим – Ко насчитала пятерых – предпочли обойтись без лестницы. Они ловко прыгали прямо на палубу с пятиметровой высоты. Последним в люке показался капитан Брасс.

– Посторонись! – крикнул он и оказался среди своих товарищей. Пожарный вертолет пошел в сторону, кренясь и теряя высоту. Еще несколько секунд – и он врезался в волны, подняв высокий фонтан брызг.

– Черт побери! – воскликнул капитан Брасс. – Быстро, пока они не засекли фонтан!

И он первым побежал к двери, открытой в надстройке.
Артем подтолкнул Ко.

Она обернулась и поняла причину спешки: на фоне серых облаков образовалась черная точка. К боту спешил флаер.

Грохотали сапоги – один за другим пожарники спускались по трапу в машинное отделение старомодного бота.

– Неужели ты думаешь, что они нас не найдут? Они, наверное, видели, как упал в воду вертолет, – спросила Ко.

– Все было рассчитано, мисс, – откликнулся капитан Брасс, – сейчас они кинутся вытаскивать из воды пожарный вертолет и спасать пожарников.

– И никого там не найдут.

– Еще одна неразгаданная тайна истории.

Лжепожарники захохотали.

Механик бота встретил их в трюме корабля, перед раскрытым стальным люком.

– Все в порядке? – спросил капитан Брасс.

– Так точно.

– Останетесь на борту. Как и уговорено, дайте себя спасти и расскажите, как ваш бот затонул по неизвестной причине.

– Слушаюсь, – ответил человек из трюма. Он был очень бледен и худ. Руки его чуть заметно тряслись.

– Перестаньте дрожать, – прикрикнул на него Брасс. – Я не могу заменить вас моим человеком – у вас настоящие документы. Недаром вы прожили двадцать лет в Мурманске.

– Слушаюсь, – повторил убитым голосом человек.

– Я бы его утопил, – предложил Артем, не обращая внимания на присутствие механика. – Как только комиссар Милодар на него немного нажмет, он тут же расколется.

– Мы уже будем далеко, – ответил гуманный Брасс. – А ну, открывайте люк!

С помощью пожарников худой человек отвинтил люк – впереди открылось темное пространство.

– Тише, – сказал Брасс.

Все замолчали. И стало слышно, как на пустую палубу бота опускается флаер. Еще секунда – раздался удар – кто-то спрыгнул на палубу.

– Вперед! – сказал Брасс. – А ты, механик, открывай кингстоны.

Тот послушно метнулся назад.

Ко шла в середине – позади Артем, он подталкивал ее в спину.

Ко услышала, как зашумела, заурчала вода, врываясь в трюм.

– Он не утонет? – спросила Ко.

– Должен уцелеть, – в голосе Артема прозвучала безжалостная усмешка. Он не жалел своего сообщника. Он никого не жалел.

Когда последний – капитан Брасс – миновал люк, он тут же закрыл его и с помощью одного из своих людей мгновенно завинтил.

– Лодка готова к погружению! – неожиданно раздался над

головой незнакомый голос.

Брасс подхватил висевший на стене микрофон.

– Начать погружение! Чем скорее мы уйдем от этого бота, тем больше шансов, что нас не смогут засечь.

Подводная лодка, которая, оказывается, была присоединена к днищу рыболовецкого бота, бесшумно пошла ко дну. Ко представила себе, как пытается выбраться из кипящей воды механик, которого оставили в трюме бота.

– Девушка, – приказал капитан Брасс, – следуйте за мной.

Глаза еще не привыкли к полутьме – Ко пошла на голос капитана, дотрагиваясь до стены. Стена чуть дрожала – ей передавалась вибрация двигателя. Видно, подводную лодку раздобыли в каком-то музее.

Ко вошла в маленькую кают-компанию лодки – там умещались диван, стол, на стене висела репродукция с картины «Иван Грозный убивает своего сына», принадлежавшей кисти художника Репина.

– Садитесь здесь и ждите, когда все благополучно кончится, мисс, – вежливо предложил капитан. И так как Ко вдруг почувствовала, что смертельно устала, она с благодарностью подчинилась приказанию капитана Брасса. Подводная лодка, урча двигателями, мчалась вперед, куда-то к Шпицбергену. В ней было тепло и царили запахи железа и масла.

Подогнув под себя ноги, Ко прилегла на диван.

И тут же задремала.

Во сне Ко привиделась собственная свадьба. Она была в белом платье, жених шел рядом, и она знала, что это – ее жених, хотя никогда раньше не видела этого человека. Ее не столько беспокоил этот странный факт, как то, что подвенечное платье сшито неудачно, вот-вот пойдет по шву, и тогда все увидят, что у Ко кривые волосатые ноги, чего раньше у нее не было. Значит, ей без ее согласия подсунули чужое тело, к тому же некрасивое.

Священнослужитель, перед которым они остановились, был одет в белое, за плечами у него поднимались большие черно-белые крылья, как у сороки. Он спросил Ко, согласна ли она выйти замуж за это чудовище, Ко поглядела на жениха – и на самом деле увидела чудовище.

– Нет, – сказала она.

– А он согласен, – ответил священнослужитель и замахал крыльями, поднимая страшный ветер.

– Я согласен! – прорычало чудовище.

– А знаешь ли ты, что он с тобой сделает, как только вы окажетесь вдвоем? – спросил священнослужитель.

– Нет, не знаю, – сказала Ко. – Я болела свинкой, когда мы это проходили.

– Он тебя съест! – сообщил священнослужитель и захохотал.

Тогда чудовище схватило Ко в объятия и принялось сдавливать.

Ко сопротивлялась и кричала.

Так, крича, и проснулась. Она была уже не в подводной лодке, а в каюте космического корабля. Ей никто не говорил, что это именно так. Наверное, в раннем детстве ей уже приходилось летать на космическом корабле.

Некоторое время Ко лежала с закрытыми глазами. Если за ней следят, пускай подумают, что она спит.

Космический корабль. Значит, они смогли улететь с Земли. А что, если они проделали это так ловко, что комиссар не успел послать погоню или запеленговать корабль?

Ведь оказалось, что они знают о его существовании. И даже, скрываясь от него на Земле, посмеивались над способностями Милодара.

Она должна дать о себе знать – но как? Ведь существует реальная опасность, что если КО не освободится из этой ловушки, то она и в самом деле окажется невестой, а то и супругой поддельного физкультурника. Так и не сообразив, зачем похитителям пришлось пойти на убийство настоящего Артема.

Из-под потолка каюты донесся мягкий и даже вкрадчивый голос:

– Дорогая Вероника. Надеюсь, что ты отдохнула после всех земных приключений. Твое платье и обувь, а также предметы украшения находятся в стенном шкафу, в шкатул-

ке под зеркалом. Мы ожидаем тебя к завтраку через полчаса. Душ расположен за зеркалом. Для того чтобы оно отошло в сторону, тебе потребуется нажать на зеленую кнопку, расположенную на раме зеркала.

Ко открыла глаза.

Каюта, в которой она лежала на самой настоящей кровати с золотыми шарами на спинке и в изголовье, под розовым балдахином, была роскошной – таких на кораблях не бывает.

Ко поднялась, опустила босые ноги на пол. Ступни утонули в мягчайшем ковре.

«Кто меня раздевал?»

Ко даже покраснела от смущения.

...Туалет в самом деле скрывался за большим, в человеческий рост, зеркалом. Ванная была покрыта бирюзовой плиткой, за ней была дверь в зал, вмещавший круглый бассейн, наполненный голубой водой, от которой остро пахло благоуханиями.

Ко охватило такое страстное желание окунуться, что она забыла о своей наготе и о том, что за ней могут наблюдать. Вода расступилась, разлетелась голубыми и алмазными брызгами. Вода пахла морем, солнцем, будто Ко очутилась не в чреве космического корабля, а на берегу Индийского океана. Она перевернулась на спину – потолок изображал собой голубое небо, по которому не спеша ползли кучевые облака. Солнце сияло так ярко, что Ко непроизвольно зажмурилась.

– Доброе утро, моя красавица! – раздался уже знакомый голос Псевдоартема.

Он стоял на бортике бассейна, и белые плавки лишь подчеркивали гармонию его могучей фигуры, загорелой так, словно он и не покидал пляжа.

– Когда ты успел так загореть? – крикнула Ко. – На Ладожском озере не загорись.

– Ты видела меня лишь одетым, – откликнулся ее жених. – Или ночью...

Он громко засмеялся и нырнул. Сквозь чистую голубую воду ей было видно, как к ней несется под водой стремительный пловец. Ко засуетилась, забила руками, чтобы не оказаться на его пути. Странно, подумала она, стремясь к бортику, потому что купание потеряло всю прелесть, ведь если бы это был настоящий Артем, она вряд ли смогла бы играть роль холодного агента, засланного во вражеский лагерь, – она бы предпочла, чтобы Артем ее догнал. А сейчас – вот он, такой же, как прежде, только выше ростом, шире в плечах, сильнее и красивей – совершенное человеческое существо, идеальный жених... для кого? Ко не могла преодолеть ужаса перед зрелищем, навсегда запечатленным в сознании: тело настоящего Артема под опрокинутой лодкой...

Когда физкультурник вынырнул в центре бассейна, отфыркиваясь и моргая, Ко уже доплыла до бортика.

– Чего же ты не подождала меня? – спросил жених с легким укором.

– Я тебя побаиваюсь, – сказала Ко. – Ты очень настойчивый.

– А разве это плохо? Я же согласен жениться на тебе.

– Тогда подожди, чтобы мне исполнилось восемнадцать лет, – сказала Ко.

– Ты в самом деле этого хочешь? Раньше ты вела себя иначе.

– А ты помнишь?

Ко подтянулась и вылезла из бассейна. Она сидела на бортике и болтала ногами в воде. Жалко было уходить отсюда. К тому же выдался, как ей показалось, удобный момент, чтобы побольше разузнать о том, что происходит.

– Почему я должен забыть наши страстные свидания? – удивился Артем.

– И что ты помнишь?

– Все.

– Конкретнее!

– Ты меня удивляешь, девушка! – ответил жених, подплывая поближе. – Мне в жизни приходилось покорять многих женщин, но ни одна не требовала от меня отчета о прошлых поступках.

– Я у тебя не первая невеста?

– Понимаешь... как тебе сказать. В общем, так далеко я зашел впервые. Раньше я получал от любви удовольствие, но не брал на себя обязательств.

– Что же тебя заставило изменить своим принципам?

– Ах, какие там у меня принципы! Я люблю женщин, еду, быстрые флаеры, теплое море...

– И не любишь сирот?

Ко поняла, что те, кто готовил замену Артему, недостаточно серьезно подошли к своей задаче. Не серьезнее, чем комиссар Милодар. Видно, они были уверены в том, что любовь закроет глаза Веронике на все мелочи, на несуразности, что буквально бросались в глаза. И это легкомыслие к деталям уже стоило противнику очков в этой игре: Вероника раскусила подмену и согласилась уступить место Ко. Чем все это закончится, Ко, конечно, не знала, потому что не была уверена, что комиссар Милодар поможет ей.

– Каких сирот я не люблю? – спросил жених.

– На острове Кууси.

– А... этих самых! – Жениху было нелегко. Он никак не мог сообразить, о чем идет речь.

Гул колокола разнесся по залу.

– Ну, вот и завтрак! – с явным облегчением произнес жених. – Побежали переодеваться, моя дорогая!

Он выбрался из бассейна, дружески похлопал Ко по плечу и подтолкнул к двери, ведущей в ее каюту.

Он шел сзади нее, и Ко чувствовала всей спиной его жадный хищный взгляд.

Даже мурашки по спине бегали.

Во второй раз загудел колокол.

– Спеши, – сказал жених. – Князь не любит, когда опаз-

дывают к завтраку.

– Князь?

Но Артем уже ушел дальше по коридору.

Ко переоделась. Длинное платье было сшито словно по ней, туфли – точно по ноге.

Третий удар колокола.

Ко провела руками по бокам – в линиях платья чувствовалось Средневековье, и в то же время линии его были современны и смелы. Что-то помешало пальцам скользнуть по бедрам: маленький комочек бумаги был вставлен в чуть надорванный шов. Записка была написана по-французски, мелко, в спешке, махонькими неровными буквами:

«Я не переживу этой ночи... Они открыли меня. Простите, скажите обо всем маме... Кларенс».

Это было чужое платье...

* * *

Через минуту в дверь постучали.

За дверью стоял капитан Брасс в черном, облегающем фигуру мундире, с золотыми звездами на рукавах и высоким стоячим красным воротником.

– Разрешите проводить вас, Вероника.

Он подставил согнутую руку, и Ко положила пальцы на локоть капитана.

Они вошли в обширный белый зал. С потолка его свиса-

ла хрустальная люстра. Она сияла столь ярко и переливчато, что приковала к себе внимание Ко и та не сразу разглядела тех, кто собрался за овальным столом в этом зале.

Брасс провел Ко к ее месту рядом с женихом, который успел переодеться в легкий элегантный костюм и повязать на шею яркой расцветки шарф.

Ко остановилась у стула, держась за резную черную спинку и обернувшись к человеку, восседавшему во главе стола – благородного вида мужчине, еще не старому, с завитыми кудрями, выкрашенными в серебряный цвет, чтобы подчеркнуть фарфоровую нежность розовых щек и сверкание невинных и добрых голубых глаз.

Ко сразу узнала этого человека.

В него были влюблены все девочки приюта, госпожа Аалтонен произнесла, по крайней мере, три речи, разоблачая его негативную роль в Галактике. Но чем больше она старалась, тем больше влюблялись в него девочки и завидовали ему мальчики.

Князь Вольфганг дю Вольф родился в цирке, между двумя представлениями, в клетке с тиграми, куда его мать, дрессировщица ворон, спряталась, потому что в вагончике, где жила их семья, бушевала пьянка. Через год его отец умер под забором.

Когда мальчик, которого звали тогда просто Карлом, подрос и стал плохим иллюзионистом и посредственным акробатом, он поклялся изжить пьянство во всем государстве.

Для этого ему следовало обзавестись государством. У Карла был свой цирк, с которым он ездил по горным и болотным княжествам Сребуса, пока ему не удалось поразить воображение одного из диких царьков настолько, что тот отдал ему в жены свою дочь, наградил именем Вольфганг, поклялся больше никогда не пить и не курить, иначе Вольфганг получит право его убить. По поводу подписания брачного контракта имел место шумный пир, в ходе которого тесть напился, и, держа слово, Вольфганг был вынужден его застрелить. После этого вожди кланов разделились во мнении, правильно ли он поступил. На той планете не принято убивать близких родственников, значит, Вольфганг был не прав, утверждали одни. Но другие утверждали, что настоящий вождь обязан держать слово. Даже если ему этого не хочется.

Первым делом Карл-Вольфганг присвоил себе княжеский титул и отныне именовался князем Вольфгангом дю Вольфом, так как быть князем культурнее, чем просто вождем. Затем, чтобы как-то оправдать смерть своего тестя, которого князь искренне и горько оплакивал, он казнил всех пьяниц в своем княжестве, чем вызвал ненависть родственников казненных. Для того чтобы спастись от покушений и всеобщей ненависти, ему пришлось убить и родственников. Однако у родственников казненных были свои родственники, так что процедура наведения порядка в болотистом Сребусе привела к его оскудению и опустошению. Население уменьшилось настолько, что князю Вольфгангу никак не удавалось

набрать достойную армию, чтобы показать соседям, кто прав в вековых конфликтах, а также покорить Вселенную. В конце концов за пределами болот скопилось куда больше жителей Сребуса, чем внутри его границ, и тогда князь счел за лучшее изменить тактику.

Собрав драгоценности короны и полностью ограбив последних поселян и торговцев, князь купил по случаю одряхлевший прогулочный лайнер «Сан-Суси», построенный в свое время для богатых туристов, которые предпочитали путешествовать с таким же комфортом, к какому привыкли дома.

Погрузив на корабль своих девочек, фаворитов, запасы варенья, до которого князь был большой охотник, и дрессированных животных из ограбленного им цирка, Вольфганг дю Вольф отправился в бесконечное путешествие по цивилизованным планетам Галактики, во-первых, чтобы себя показать, во-вторых, чтобы на людей посмотреть, но главное – для того, чтобы получить посильную экономическую помощь для развития производительных сил никому не ведомой страны Сребус и для помощи ее трудолюбивому и свободолюбивому народу.

К сожалению для князя и, возможно, к счастью для Сребуса, куда он так и не возвратился, путешествие «Сан-Суси» превратилось в бесконечное странствие по Вселенной. Ведь все, что бы ни удалось добыть на благо страны, тут же уходило в уплату за продукты, топливо и прочие нужные

вещи для корабля и его многочисленного экипажа, не говоря уже о прожорливых и избалованных пассажирах.

Порой князем овладевал гражданский долг и он приказывал взять курс домой, в княжество, оставшееся без правителя и, возможно, уже обзаведшееся новым. Но, как назло, всегда находилась причина, которая не позволяла ему осуществить свою мечту и долг. То в пути встречались тяжелые навигационные условия, то кончалось топливо или сахар, то возникал заговор на борту, который требовалось разоблачить, то, наконец, следовало неожиданное приглашение на какую-то планету, где выковывался новый оборонительно-наступательный пакт... причина всегда найдется.

Постепенно князь Вольфганг дю Вольф стал популярной фигурой в Галактике и любимцем прессы, о нем всегда можно было написать, если писать было не о ком. Зная, что лишь известность, притом скандальная, позволяет ему оставаться в памяти современников как государственному деятелю, он подогревал интерес к себе сумасбродными поступками. Он предпочитал быть «тем самым дю Вольфом», чем фигурой добропорядочной, но никому не известной. В своем стремлении к известности и, следовательно, к деньгам, которых всегда катастрофически не хватало, князь с утра похищал в театре имени Маяковского ведущую актрису, вечером на ней женился, ночью изменял ей с фотомodelью Юлией Ким, утром принимал вызов на дуэль чемпиона мира по эспад-рону, который оказывался женихом Юлии Ким, днем дока-

зывал следователю, что не смог попасть на место дуэли из-за внезапно заболевшего зуба, чему есть шесть свидетелей, так что к нежданному убийству из-за угла вышеупомянутого чемпиона не имеет отношения. Все знали, что бывший Карл, а ныне князь Вольфганг – большой мерзавец, человек без чести и совести, но притом его считали веселым малым, душой компании, и почти никто не отказывался от его приглашений отобедать на борту «Сан-Суси». Хотя не для всех эти обеды оканчивались благополучно.

Порой князю закрывали въезд в ту или иную страну, но потом обычно снимали запрет, потому что он проходил по всем документам как глава суверенного государства, а демократически настроенная Галактическая Федерация строго осуждает нарушения прав человека, но охраняет притом и права нарушителей этих прав.

Ко попала на «Сан-Суси» без приглашения и не могла сказать, что рада этому собранию. Там, где прошел князь Вольфганг, оставались лишь выжженная земля и вытоптаные посевы. И если он как-то связан с историей гибели Артема, то надо признать, что Ко заработала себе опасного врага.

Пока что этот враг не казался врагом.

Князь Вольфганг восседал в золотом кресле во главе стола. Он наливал себе сок из высокого хрустального графина. На плече его дремала большая ворона. Ко показалось, что она видела ее на острове. Не эта ли ворона заклевала Артема?

– Садись, девочка, – крикнул князь через весь стол. – Будь гостьей. Мы еще погуляем на твоей свадьбе. Я рад, что мне удалось тебя спасти.

Ко удержалась от вопроса, в чем заключалось спасение, и вежливо поклонилась хозяину корабля.

– Ты меня, надеюсь, узнала? – спросил князь Вольфганг.

– Вас все знают, ваше высочество, – ответила Ко. – Достаточно включить новости.

– Достойный ответ. Тогда садись и завтракай. Потом я дам тебе аудиенцию.

Жених вел себя за завтраком безукоризненно. Он был вежлив, предупредителен, корректен. Правда, к сожалению, время от времени он хватал Ко за коленку. Ко хотелось спросить, кто такая Кларенс и что с ней стало, но она понимала, что в правилах игры новая жена Синей Бороды не должна спрашивать о судьбе предыдущих жен. Если уж так захотелось, иди открывай маленькую дверцу. Но без лишних вопросов.

Ко с интересом разглядывала сидевших за столом.

Вернее всего, это были придворные и советники князя Вольфганга, но помимо этих людей, разодетых в шитые золотом и серебром мундиры, украшенные многочисленными орденами, за столом находилось несколько красивых женщин, которые кидали друг на друга злобные взгляды, видно, рассчитывая на дружбу и любовь князя, двое здоровенных силачей, наверное, из цирковых борцов, и шумная семья ли-

липутов. Но больше всего Ко удивила горилла, которая завтракала, как и люди, умело орудуя вилкой и ножом, – так великолепно она была выдрессирована.

К концу завтрака в зал вошли два льва, которые бродили за спинками стульев и обнюхивали ноги сидевших за столом, будто были не совсем сыты. Ко хотелось подтянуть ноги, но она понимала, что вряд ли таким образом спасется от зубов хищников. Львы подошли к князю, и тот кинул им по куску торта с блюда, стоявшего перед ним. Торт, конечно, не завтрак для толстяка, но князь сожрал кусков десять, почти не жуя.

* * *

В уютной кают-компании, где все – и пол, и стены, и диваны – было закрыто шкурами диких животных, князь Вольфганг дю Вольф принял Артема и КО сразу после завтрака.

Вблизи было видно, что он не так уж розов и гладок, каким казался на экранах телевизора и в кино. Мелкие частые морщинки избороздили его лицо, под глазами образовались замаскированные гримом мешки, волосы были кое-где подкрашены, а кое-где имплантированы.

– Заходите, заходите, – пригласил он молодых людей. – Ты, Артемка, уже был у меня, а вот Вероника – в первый раз. Правда, Вероника?

– Да, – согласилась Ко.

– Хотя ты бывала здесь совсем маленьким ребеночком – не помнишь? – Глаза князя лгали.

– Вы знаете меня с детства? – удивилась Ко.

– Да, Вероника, и я намерен тебе помочь. Я хочу, чтобы ты нашла в стенах моего летучего убежища не только счастье супружеской жизни, но и счастье дочернее – я уже принял все меры, чтобы подружиться с твоим папой.

– Кто он? Где он? – Ко искренне взволновалась, совершенно забыв в тот момент, что появление отца Вероники еще не приближает Ко к разгадке собственного сиротства.

– Всему свое время, – отмахнулся князь. – Да ты садись, садись. Все эти шкуры – мои трофеи. И вот что я скажу тебе, девочка: каждый настоящий человек должен иметь специальность. Я вот умею снимать шкуры и даже делать чучела. Я лучший таксидермист в Галактике.

– Кто?

– Таксидермист. Это некрасивое слово обозначает чучельника. Я гуманист. Я продлеваю жизнь животных. Потом я проведу тебя поглядеть на мои чучела. Но сначала несколько слов о делах. Итак, мне удалось вывезти вас с Земли. Поверьте мне, это оказалось нелегким делом и стоило мне таких денег, что вам, мои дорогие молодожены, и ввек со мной не расплатиться.

Все это было сказано с такой сладкой улыбкой, так лучились добром глаза князя, что и без объяснения было ясно, что он шутит.

– Ничего, – Артем постарался уловить тон Вольфганга и соответствовать ему. – Женимся, подружимся с папочкой, разбогатеем, заплатим тебе, князь, в пять раз больше, чем ты потратил, правда, Вероника?

Вероника посмотрела на жениха с удивлением.

– Прости, – спросила она, – а разве мой папа богат?

– Еще как! – радостно сообщил Артем, но тут вмешался князь:

– Богатство – это вещь относительная. То, что может показаться большим состоянием для сиротки, такой, как ты, – для меня лишь песчинка в море моих сокровищ.

– Это правда, – поспешил согласиться Артем. – Князь Вольфганг – один из богатейших людей в Галактике. Многие правители планет склоняются перед ним.

Князь смотрел на Ко. И взгляд у него был нехороший, недобрый.

– А она не верит! – сказал он капризно. – Не успев воспользоваться моим гостеприимством, она уже издевается надо мной. И зачем только я согласился помогать этой неблагодарной твари!

Ко была растеряна. Она обернулась к Артему. Тот отступил на шаг и пожал плечами, как бы показывая, что он не имеет к этому никакого отношения.

– Я не позволю над собой издеваться! – крикнул князь, все более заходясь. – Я ночей не сплю, думаю, как сделать лучше для несчастной девушки, но в ее шкуре скрывается

монстр.

– Простите, господин князь, – сказала Ко, отступая к двери. Не очень приятно себя чувствуешь, если на тебя насккивает, толкая тугим животом, пожилой вельможа. Может, и в самом деле она вела себя неправильно?

– Я разволновался, – заявил князь и быстрыми шагами пошел из комнаты. – Мне надо поесть!

Артем и Ко остались одни.

– Что с ним? – спросила Ко.

– Ну как ты смела так грубо разговаривать с князем! – возмущенно ответил Артем. – Он для нас с тобой все: родной отец, опекун, начальник, наконец!

– У меня нет начальников.

– Не говори глупостей. Не бывает людей без начальников.

– А куда он убежал?

– У князя нарушен обмен веществ, – сообщил Артем. – Это нервное. Как только его выведут из себя...

– Я не выводила его из себя!

– А кто поставил под сомнение его богатство?

– Я не могла поставить под сомнение его богатство, потому что понятия о нем не имею.

Тут Артем снизил голос и заговорил, склонившись к уху невесты:

– У князя не очень хорошие финансовые дела. Справедливые войны, которые он ведет, необходимость поддерживать статус руководителя государства, заботы о культуре и

искусствах, женщины, наконец! – все это требует расходов. Даже наш корабль «Сан-Суси» заложен и перезаложен. Если нам не дадут льготных кредитов, придется худо – хоть уходи в пираты!

Артем был совершенно серьезен. Он настолько углубился в финансовые заботы своего князя, что не заметил, как безнадежно проговорился: «если нам не дадут»... нам... конечно же, Артем принадлежит к команде князя. И это главное, о чем надо помнить. А князь, конечно, не филантроп. Сумасброд, жулик и, возможно, тиран.

– И зачем только я ему понадобилась? – произнесла Ко, надеясь, что в порыве откровенности жених проговорится и об этом.

– А ты не догадалась? – спросил Артем с издевкой в голосе.

– Нет, ума не приложу.

– Тогда и не прикладывай, – усмехнулся Артем.

Оба замолчали. Разговаривать больше не хотелось. К тому же Ко почувствовала, что не только она не выносит своего жениха, он тоже не испытывает к ней теплых чувств. Возможно, как любовница она его устраивает... но о влюбленности или любви речи быть не может.

– А как моя настоящая фамилия?

– Дю Куврие, – ответил Артем, думая о чем-то далеком.

– А имя?

– Имя – Вероника. Наверное, Вероника. Мне никогда не

говорили другого.

Интересно, а почему Веронику называли именно так? Кажется, это было связано с медальоном, в котором лежала старая почтовая марка. Вероника всегда его носила, она надеялась, как и все приютские сироты, что в один прекрасный день в детский дом войдет ее мама или папа и по медальону тут же узнает пропавшую дочку. И окажутся как минимум королем и королевой отдаленной планеты.

– Мне надо извиниться перед князем? – спросила Ко.

– Только не сейчас! Князь должен остыть. После вспышки у него обязательно должна пройти полоса плохого настроения. Тогда он особенно опасен. Может натравить на тебя бойцовых дрессированных ворон, которых унаследовал от мамы. Или еще кого почище.

– Я вижу, что ты не очень любишь своего хозяина?

Но на этот раз поймать Артема не удалось.

– Что ты несешь, крошка? – произнес он. – Я обыкновенный физкультурник с Детского острова – откуда бы мне раздобыть такого хозяина? И рад бы в ад, да грехи не пускают.

– В рай, – поправила жениха Ко, но тот не обратил внимания на поправку.

– Можно я тогда погуляю по кораблю? – спросила Ко.

– Гуляй, – с облегчением сказал Артем, у которого, видно, были свои дела. – Только не суйся в запретные двери и не открывай секретных замков.

– Слушаюсь, господин Синяя Борода, – откликнулась Ко.

Но, видно, этот Артем сказок в детстве не читал. Он лишь удивленно приподнял брови.

В коридоре они расстались.

* * *

Корабль был велик и пустынен.

Возможно, в другое время суток он казался гуще населенным, но не утром, сразу после завтрака.

Когда-то он был богато украшен, в стиле мадам Помпадур или какого-то Людовика. Даже в потолках коридоров размещались некогда белые изогнутые картуши, в которых на небесном фоне среди облаков резвились амуры и нимфы. Пол был покрыт пластиком, изображавшим наборный паркет, об этом можно было догадаться ближе к стенам, где его не так вытоптали, как посередине. Позолоченные бра горели вполне накала, а некоторые и вовсе перегорели – видно, электрик на корабле был ленив и нелюбопытен. Вскоре Ко вышла к обширному залу, в котором размещался овальный бассейн. Вокруг него тянулись клумбы, покрытые сухой травой. Из клумб поднимались стволы высоких пальм. Воды в бассейне давно не было, в него кидали обертки от конфет, пустые банки из-под пива, там валялась туфля с рваным носом и бластер с погнутым стволом. Среди сора бродила ворона, которая не обратила на Ко внимания.

Ко стало жалко бассейн, да и весь корабль «Сан-Суси»,

который и на самом деле попал в руки очень бедного князя, не имевшего возможности следить за ним. Тут уж поневоле начнешь подозревать окружающих в насмешках.

Полная сочувствия к Вольфгангу дю Вольфу, Ко миновала зал бассейна, толкнула дверь и оказалась в следующем помещении – видно, здесь когда-то был парк корабля – место, где среди цветников и кустов сирени разгуливали богатые пассажиры.

Теперь из-за небрежения все кусты и деревья высохли, но ветки их кое-где сплетались так тесно, что конца зала не было видно.

Впереди послышался легкий шорох, но Ко не встревожилась. Мало ли кто, подобно ей, может гулять по кораблю? Ко решила пересечь зал в надежде отыскать библиотеку. На таком старом и некогда роскошном корабле наверняка должна сохраниться сказочная библиотека.

Ко спокойно направилась по тропинке между сухими стволами и, когда удалилась от двери метров на двадцать, вновь услышала впереди шорох. На этот раз куда более громкий. И чем-то испугавший ее.

Может, это любимые вороны князя?

– Кто здесь? – спросила Ко.

В ответ послышалось почти беззвучное рычание, низкое и злое.

Ко остановилась, прислушиваясь. Надо было, наверное, бежать обратно, но вдруг кто-то увидит, как она в ужасе но-

сится по кораблю князя Вольфганга, и она станет предметом шуток и издевательств – достаточно вспомнить, какая компания собиралась за завтраком, чтобы понять, что пощады ждать не приходится.

Ко оглянулась. Куда ни кинь взор – всюду переплетение ветвей и веточек, закрывающих даже потолок зала. На мгновение девушке даже показалось, что она потеряла ориентировку и не знает, где дверь. Нет, дверь сзади... туда и надо отступать.

Ко медленно отходила назад, стараясь производить как можно меньше шума.

И через несколько шагов вынуждена была застыть снова: сзади тоже послышался шорох. Там ее поджидали.

Ну что за глупость! Она же гостья на правительственном корабле! Ее специально выкрадывали с Земли, чтобы устроить ей свадьбу и найти отца. Тщетно успокаивая себя, Ко напугалась настолько, что готова была согласиться на свадьбу с Артемом – только уберите ее из этого страшного сухого леса!

Ко сделала шаг в сторону.

И тут спереди раздался треск, и нечто громадное, желтое, рычащее кинулось на нее.

Ко отпрянула назад, но всей кожей чувствовала, что и сзади на нее несется такой же убийца.

В отчаянии Ко кинулась к ближайшему дереву и полезла на него. Ноги соскальзывали по стволу – еще мгновение... и она погибнет.

Но тут черная волосатая рука, протянувшись сверху, схватила Ко за руку и рванула вверх.

Ко буквально взлетела на развилку дерева.

Гигантская горилла, которая так умело орудовала за завтраком вилкой и ложкой, обняла ее, прижимая к горячему животу. Ко от неожиданности рванулась было бежать – но куда побежишь, если ты находишься в объятиях гигантской обезьяны.

Горилла успокаивающе ворчала – без злобы, как мать, выговаривающая неосторожному детенышу. Она показала рукой вниз, и Ко с ужасом увидела, что под деревом кружатся два льва, которых она уже видела за завтраком. Подобно кошкам, стерегущим умирающего кролика, они мягкими шагами носились вокруг дерева, ожидая, когда их добыча наконец свалится им в пасть.

Горилла, показывая множество гигантских зубов, стала гладить Ко по голове и потом принялась шершавым языком зализывать глубокие царапины на ее плечах и бедрах.

Ко была благодарна обезьяне. Она понимала, что та не сделает ей ничего плохого, но сможет ли она защитить ее, если кому-то из львов вздумается прыгнуть и достать добычу? Ведь дерево было невысоким, ветки на вершине нетолстыми, и сук, на котором расположилась горилла, мог треснуть и сломаться в любой момент.

Так что Ко старалась не двигаться и даже шепотом попросила гориллу:

– Пожалуйста, не прыгай. Давай подождем.

Наверное, глупо обращаться с такой просьбой к животному. Но что поделаешь, если ты испугана?

Не двигаясь и лишь медленно поворачивая голову, Ко постаралась отыскать выход.

Но тут лев встал на задние лапы и принялся яростно драть когтями кору дерева. Он испустил такой рев, что, наверное, было слышно на Луне.

Ко зажмурилась. Она понимала, что горилла не справится с этими хищниками. И как бы в ответ на мысли Ко, горилла жалобно завывала, потом вдруг отпустила Ко, оттолкнула ее и прыгнула на соседнее дерево.

Ко чуть не свалилась вниз, в пасть льву, но успела подтянуться и поджать ноги – а лев, подняв лапу, старался дотянуться до ее пятки.

Она карабкалась выше, но ветки гнулись...

– Помогите! – закричала Ко, забыв о гордости и возможных насмешках.

Руки отказывались держать ее, треснула ветка, подломилась другая, львы радостно урчали, предвкушая добычу...

И когда Ко уже отчаялась спастись и готовилась лишь отбиваться от львов, сколько могла, из-под потолка зала раздался громовой голос:

– Рустак, Лелька, долой!

Яркий свет, загоревшийся сбоку, осветил оказавшуюся совсем рядом, нависавшую над лесом трибуну или ложу, в

которой, окруженный красивыми и некрасивыми девицами, сидел князь Вольфганг и пожирал кусок торта.

Это зрелище, эта наглая, лукавая, розовая рожа, обрамленная серебряными кудрями, была столь близко, что Ко чуть не вырвало от гнева и отвращения – и тут руки отказались держать ее, и она грохнулась на жесткую, покрытую ветками и колючками землю. Львы от неожиданности отпрянули и готовы были кинуться вновь на обессиленную жертву, но тут рядом с Ко оказался гигантского роста силач – из цирковых борцов. В руке он держал длинный кнут. Он щелкнул им, еще раз... львы подобрали хвосты и, подогнув лапы, побрели прочь, не переставая угрожающе рычать.

Ко сидела на земле, все в ней дрожало от боли и обиды. Она не могла двинуться.

– А ну! – крикнул князь Вольфганг. – Медицина! Где ты, медицина? Помоги девчонке, которая без спросу суется, куда ее не просили.

Князь поднялся и медленно покинул ложу.

Девицы за ним.

Силач с кнутом подхватил Ко на руки и понес по коридору.

– Ничего, – сказал он обыкновенным голосом. Ему было жалко Ко. – Ничего не поломано. Скоро пройдет. Гарантирую. Меня самого столько раз били и ломали, даже запомнить забыл.

Ко не отвечала. Она была как в забыты.

Силач остановился перед дверью, на которой был изображен красный крест.

Постучав, он вошел и положил Ко на покрытую пластиком койку.

– Займитесь, – сказал он вскочившей из-за рабочего стола женщине с большими, выпуклыми, как у стрекозы, глазами.

– Ах! – воскликнула женщина при виде Ко. – Что с тобой, крошка?

Она выскочила из-за стола и подбежала к Ко.

В голосе этой худышки было столько тепла и заботы, легкий белый халатик был таким чистым и выглаженным, волосы лежали на голове такими аккуратными колечками и так изящно обрамляли смуглое, почти черное лицо, что Ко поняла: все ее приключения закончились. И, сделав шаг к докторше, которая была на две головы ниже ее, Ко беспомощно протянула к ней руки и горько разревелась.

– Кто ее обидел? – строго спросила докторша у силача.

– Она в мертвый парк забрела, – сказал силач, смущаясь в этой комнате своих размеров и неуклюжих движений. – А князь, знаете, когда злой, пошутить любит. Он велел львов спустить...

– Ой! Неужели он опять посмел?

– Еще как посмел, – печально сказал силач. – Свет в ложе выключили, туда запрятались со сладкими девочками... хорошо еще, Черная Бомбаса на дереве дремала. Она вот эту... и подхватила.

– Ой, я не переживу! – воскликнула докторша. – Ведь девочка могла пострадать.

– Я так думаю, что она пострадала, – поддержал ее силач. – И еще напугалась до полусмерти.

– Хорошо, Поддубный, иди, – сказала тогда докторша. – Я ею займусь. Спасибо тебе, иди.

Силач ушел, нечаянно разбив стоявший на столике у двери графин.

– Простите, доктор Ванесса, – сказал он смущенно.

– Иди, иди, – докторша быстро наклонилась и стала собирать с пола осколки.

И тут Ко заметила, что на спине халат докторши разошелся, обнаружив большие, чуть не до земли, прозрачные стрекозинового вида крылья.

Ко не сдержала возгласа удивления. Докторша тоже ахнула.

– Я так виновата! Я вас напугала! Вы никогда не видели таких уродцев, как я?

– Нет, это вы меня простите, – также смутилась Ко. – У каждого своя судьба.

Она не придумала лучшего утешения для женщины-мухи.

– Но я практически не летаю, – сообщила докторша. – Во многих отношениях я не отличаюсь от вас. Надеюсь, вам не противно, что я буду вас лечить?

– Ни в коем случае! Даже наоборот! Мне было так приятно с вами познакомиться...

Докторша улыбнулась.

– Не старайтесь быть вежливой. Некоторые люди к мухам равнодушны, другие их не выносят, так что я терплю. Тем более что я темнокожая муха.

– А я даже не заметила, что вы темнокожая... то есть муха...

– Но не навозная, – улыбка пучеглазой докторши была грустной – видно, ей пришлось немало вытерпеть в жизни от недобрых людей.

Ко в смущении молчала, пока докторша обрабатывала ранки и царапины.

Докторша тоже не проронила ни слова.

– Ну вот и все, – сказала она через две минуты. – Никто не догадается, что вы жертва диких нравов нашего княжества. Будьте, пожалуйста, осторожны с нашим князем.

– Простите, – сказала Ко, увидев, что докторша собирает инструменты, – но как вы оказались здесь?

– Каждому приходится зарабатывать на жизнь, – вздохнула муха.

– И этот... князь, его не смущает ваш вид?

– Он – любитель экзотики, – печально ответила муха. – Когда я была еще подростком, он украл меня у родителей, преступно соблазнил и сделал своей наложницей. Правда, потом обошелся со мной лучше, чем с другими. Он помог мне получить образование и потом предоставил место на своем корабле.

– Вы любите его? – прошептала Ко.

– Я отдаю ему должное, – сухо ответила муха, – однако не одобряю его вкусов. Вы не представляете, какими ничтожествами он себя окружил. В компанию сладких девочек он берет всех без разбора!

– Ой, если вы думаете, что я из его компании, то это неправда. Я попала сюда случайно. Я считаю себя невестой... Артема.

– Не надо оправданий. Я знаю куда больше, чем вы думаете. До свидания. Номер моей каюты – 68. Все разговоры на корабле прослушиваются и потом доносятся до сведения господина Вольфганга дю Вольфа. Вы свободны.

Выйдя от докторши, Ко поглядела вдоль коридора. Было трудно оторваться от двери и сделать первый шаг.

В коридоре было чисто, но тишина была зловещей...

Ко побежала к своей каюте.

Захлопнула за собой дверь и кинулась на койку. Она готова была отдать все – только бы вернуться на Детский остров.

Но долго ей отдыхать не пришлось.

К сожалению, двери на «Сан-Суси» не запирались. Ей пришлось убедиться в этом минут через пять, когда дверь отъехала в сторону и в ее проеме обнаружился совершенно ни в чем не виноватый, рот до ушей, жених Артем. В шортах и гавайской рубашке навывпуск.

– Не прыгай в угол, – сказал он, заходя и закрывая дверь за собой. – Я тебя не трону. Не люблю искусанных женщин.

– Так ты все знаешь?

– Разумеется, знаю.

– И ты не пришел мне на помощь?

– Клянусь тебе, Вероника, клянусь тебе именем моей мамы, я не подозревал, что он придумает такие идиотские шутки.

– Ты это называешь шуткой? Да я чудом осталась жива! Я требую, чтобы меня немедленно выпустили с корабля!

– Без скафандра? – усмехнулся жених.

– Да хоть бы и без скафандра – только бы избавиться от вашей компании!

– Как ты странно заговорила!

– А что мне остается? Я не могу узнать моего жениха! Меня травят львами, я вообще не уверена, что меня оставят в живых. Почему? За что?

– Вероника, – вздохнул жених, присаживаясь на краешек койки. – Я должен сказать, что ты совершенно права. Мы все ужасно виноваты перед тобой. Хотя начала все ты сама. Это ты травила нашего князя...

Жених вздохнул и замолчал.

– Что ты хочешь этим сказать? – грозно спросила Ко.

– Ты упрекнула его бедностью, а для него это – самый больной вопрос.

Жених замолчал, будто прислушивался, и КО услышала, как с потолка над самой головой жениха раздался шепот:

– Скажи о народе... о народе.

– Да, – спохватился жених. – Больше всего наш князь печется о благе своего народа. Народ, мы должны тебе сказать, частично бедствует. И в некоторых случаях получает гуманитарную помощь, которую разворовывают корыстные чиновники. А князь нервничает, черт побери! Теряет над собой контроль.

Артем прислушался к пisku, доносившемуся из вентиляционной решетки, и завершил свою мысль:

– И он порой срывает свой гнев и ненормальности своей патологически гениальной натуры на совершенно неповинных девушках. Вот такие дела...

Ко поглядывала наверх, затем на жениха и спросила:

– Должна я понимать твои слова как формальные извинения князя Вольфганга?

Жених подумал, но никаких звуков сверху не доносилось.

– Не знаю, – честно признался он. И печально вздохнул.

– Чего вздыхаешь? – спросила Ко.

Хотя Артем был мерзавцем, она уже к нему немного привыкла и понимала, что, сложись обстоятельства иначе, был бы он самым обыкновенным парнем, может, даже неплохим спортсменом. На него Ко не сердилась. Может, ему самому не нравилось...

– Скажи, – спросила она жениха, – а тебе нравится, когда девушек травят львами?

– Да ты с ума сошла! – воскликнул жених. – Да я бы такого мерзавца, да я бы... – и тут его голос сошел на нет, а с

потолка совершенно явственно прозвучало:

– И что же ты сделал бы с таким мерзавцем?

Артем помолчал, борясь с собой, а потом все же произнес, запинаясь:

– Это не метод... мой князь.

– Понимаю, что не метод! – завопил голос с потолка. – Сам понимаю, что надо лучше разбираться в людях. Но так хотелось позабавиться...

– Я пойду к себе... – сказал Артем.

– Нет, – возразил голос. – Сначала проведите любовную сцену. Вы жених и невеста, в конце концов, а не чужие люди.

– Не вмешивайтесь, князь! – строго сказала Ко.

– А я и не вмешиваюсь, – захихикал князь. – Я вообще отсутствую.

– Уходи, Артем, – сказала Ко.

Но тут, видно, Артем, совсем запутавшись в указаниях и советах, сам принял решение.

– Навозная муха Ванесса тебя подлечила? – спросил он.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, раны не болят, трогать тебя можно?

– А зачем тебе меня трогать? – насторожилась Ко.

– От избытка чувств.

– Ах, оставь, Артем, – возразила Ко. – Нет у тебя ко мне никаких чувств.

– Есть, – ответил голос с потолка.

– И вы отстаньте, в конце концов! Никуда от вас не де-

нешься! Лучше выкиньте меня в космос, чем так обращаться! Но предупреждаю, что перед смертью я буду сопротивляться так, что комиссар Милодар примчится ко мне на помощь...

– Так... – послышалось с потолка. И после паузы: – Значит, вы с ним знакомы?

– Еще бы не знакомы! Он меня любит, – сообщила Ко. – Он же курирует наш приют. Он нам всем как родной отец.

– Отец! – в голосе прозвучало презрение. – Таких надо уничтожать в колыбели.

– Он вам сильно насолил, князь? – спросила осмелевшая Ко.

– Помолчи!

– Значит, насолил, – обрадовалась Ко и чуть не погубила себя, увлекшись воспоминаниями о комиссаре Милодаре. Потому что, воспользовавшись моментом, жених подвинулся к ней вплотную и попытался обнять.

Ко отпрыгнула в угол и рубанула ладонью по кистям его рук. Артему не было больно, он засмеялся, но свои притязания временно оставил.

– Ну, балуйтесь, шалите, а я пойду, поем сладенького, – сообщил голос сверху.

Ко подумала, как коротка дорожка от любви к ненависти. Ведь этот человек, ее жених, был очень похож на Артема. Артема обожала Вероника, Артем нравился Ко. Этот же жених в обеих девушках вызывал лишь неприязнь и даже нена-

ВИСТЬ.

Жених потянулся, играя мышцами.

– Порой, – сказал он, – у меня создается впечатление, что ты меня разлюбила и не собираешься выполнять обещания.

– Я давала тебе обещания?

– Разумеется, ты обещала мне свое тело и душу, ты обещала выйти за меня замуж.

– Я не отказываюсь и сейчас, – ответила Ко, которая обещала комиссару вести эту игру до конца. Да и самой приятно, щекотно ходить по лезвию бритвы.

– Нам надо назначить день свадьбы, – сказал жених. – Как ты думаешь – может, завтра поженимся?

– Лучше поженимся через десять месяцев, когда мне исполнится восемнадцать лет.

– Как ты мне надоела со своими глупостями! Неужели ты еще не поняла, что как только ты покинула Землю и оказалась на корабле князя Вольфганга, который является территорией суверенного государства, на тебя не распространяются галактические законы? Если князь захочет тебя убить, он может это сделать по законам своего болота.

– Он пойдет под суд!

– Один из его силачей тут же сознается в этом преступлении и отправится в тюрьму вместо своего господина. Поверь, князь легко отыщет добровольца.

– Но почему такая спешка, любимый! – взмолилась Ко, изменившая тактику. – У меня даже нет подвенечного пла-

т্যা. Я всегда думала, что этот день станет для меня самым главным днем в моей жизни! О нет, дорогой, не позволю тебе погубить то святое, что живет в нас!

– Черт побери, мне приятно слышать то, что ты говоришь. Может, я в самом деле тебе нравлюсь?

– Я без ума от тебя! Но надеюсь, это не означает, что ты должен спешить... спешить... убери руки, я буду кричать! Ты еще не знаешь, как я буду кричать!

Так как угрозы не помогали, а жених облапил Ко всерьез и не намеревался отпускать, пока не состоится свадьба, то Ко пришлось завизжать.

Ее жених не знал, что в детском доме на острове Кууси проходили соревнования по визгу среди воспитанниц. Эти соревнования жестоко преследовались строгой госпожой Аалтонен, но, разумеется, она ничего не могла поделать, когда соревнования проходили на берегу острова среди скал. Ко держала в этих соревнованиях твердое второе место, сразу после Вероники. Но и она умела визжать достаточно громко и пронзительно. Говорят, что как-то в Петрозаводске была объявлена пожарная тревога, потому что там спутали визг Вероники с сиреной пожарной команды.

Еще не успели жадные пальцы Артема расстегнуть корсет старинного утреннего платья, еще не успели они коснуться бедер прекрасной черноволосой девушки, как ее визг, пронзивший переборки корабля, донесся до капитанского мостика и до совершенно звуконепроницаемых апартаментов кня-

зя Вольфганга, который как раз в этот момент обмазывал медом свою возлюбленную киноактрису Клавдию Мартинеску, чтобы потом в порыве страсти слизать с нее всю сладость.

Увлеченный любовным занятием, князь решил, что визжит его возлюбленная Клавдия Мартинеску, и чуть ее не задушил в порыве гнева. Актрису спасло то, что она была уже покрыта толстым слоем меда и потому смогла выскользнуть из жестоких пальцев тирана.

Тиран погнался по коридору за обнаженной и измазанной медом любовницей, а навстречу ему неся оглушенный и обезумевший жених Вероники.

К сожалению, этим не исчерпывались беды, вызванные визгом пленницы. Испуганный невероятной пронзительностью звука, капитан Брасс сбился с курса и протаранил небольшой метеорит, занесенный в Красную книгу Галактики, потому что на нем обитала уникальная раса глистов, могущих обходиться без воды, пищи, воздуха до четырехсот лет. Глисты разлетелись по всей Вселенной, и теперь их находят в слонах и китах многих планет. В камбузе корабля, услышав визг, кок от неожиданности уронил на пол соусницу с приправой к гавайским омарам, заказанным князем на обед. А доктор-муха от испуга взлетела, чего никогда себе не позволяла, и в ужасе стала кружиться над пустым бассейном, а потом даже поползла по потолку. В таком виде ее обнаружил склонявшийся к тому, чтобы жениться на ней и иметь в доме лечащего врача, толстый обер-камергер двора его вы-

сочества и мгновенно разлюбил, потому что не выносил, когда кто-то при дворе старался над ним возвыситься.

Здесь не время и не место описывать все неожиданные неприятности, которые произошли на корабле из-за того, что Ко так громко завизжала. Главное – она отделалась от приставучего жениха. Князь Вольфганг ворвался к ней в каюту, волоча за собой медовую актрису, и начал грозить Ко всевозможными карами, но та спокойно объяснила ему, что не намерена выходить замуж без подвенечного платья и раньше, чем через год. А если ее хотят выдать замуж раньше, то она согласится на это только после того, как повидается с папой и получит его благословение.

Князь выслушал девушку до конца. При этом он домазывал медом перепуганную любовницу. Выслушав, он сказал так:

– Моя любезная Вероника. Все человечество делится на тех, кто управляет, и на тех, кто подчиняется всем глупостям тех, кто управляет. Я по специальности – правитель. Ты, как я понимаю, раба. Несмотря на то, что умеешь очень противно кричать. У меня есть свои планы. Как всегда, они грандиозны. Ты же не умеешь заглянуть дальше своего носа. Тебе нужно подвенечное платье? Завтра мы делаем посадку на Марсе и там купим тебе платье по росту. Конечно, я мог бы предложить тебе платье Кларенс, но, к сожалению, оно сильно замарано кровью, а у нас на корабле нет химчистки.

– Это что за намек? – удивилась Ко, вспомнив о записке,

которую Кларенс оставила ей. – Что с ней случилось?

– Ах, пустяки, – отмахнулся князь. – Мы ее достойно похоронили в космосе. И будем надеяться, что ее судьба тебя минует.

– Что случилось с девушкой? Вы должны мне сказать!

– К счастью, я ничего тебе не должен. Клава, повернись на спинку, я помажу тебе медом живот.

Князь принялся мазать медом живот покорной актрисы. При том он рассуждал, не обращая внимания на Ко, хотя вся его речь имела к ней прямое отношение.

– Моя дорогая девочка. Прошу тебя потерпеть, не визжать и не шуметь – выслушай почти старого и почти мудрого человека. Всю жизнь я стремился делать людям добро, и чем больше я делал его, тем меньше люди меня любили. Сначала я удивлялся, возмущался этим, теперь смирился. Дайте мне кусочек этого мира для удовольствия и возьмите все остальное себе. Жрите. Размножайтесь! Живите – я буду хорошим, я буду благородным... таков мой жизненный принцип. Но я должен сказать тебе, что еще русские коммунисты в середине двадцатого века придумали гениальный принцип, которому я следую: «ДОБРО ДОЛЖНО БЫТЬ С КУЛАКАМИ». И второе: «ЕСЛИ ВРАГ НЕ СДАЕТСЯ, ЕГО УНИЧТОЖАЮТ». Ты чувствуешь, какие славные ребята жили в России? Как жаль, что мировой заговор евреев и капиталистов лишил их силы, подорвал их могущество и остановил в одном шаге от цели, – ведь они уже были готовы завоевать весь мир...

Клава, повернись на бочок, я помажу тебе за ушами. Ах, как сладко...

– Вы противоречите себе, ваше высочество, – сказала Ко. – Сначала вы заявили, что вам не нужна благодарность, что добро для вас важно само по себе. А теперь стали говорить о кулаках.

– А как тогда люди догадаются, что ты им сделал добро? – удивился князь. – Лишь те, кто опасается тебя, могут оценить благодеяния...

– А при чем тут я? – спросила Ко, которая уже поняла, что наступила ее очередь. Не зря же князь, вместо того чтобы слизывать мед с актрисы, о чем он искренне мечтал, тратит время на разговоры с визгливой девицей с Земли.

– Ты должна оказать мне услугу. Ведь не зря же я тебя спас и воссоединил с твоим прекрасным женихом, который, кстати, оказался моим племянником.

– Вы хотите сказать, что держали своего племянника физкультурником на Детском острове?

– Мой племянник отличался в детстве плохим здоровьем, врачи прописали ему свежий воздух. А разве есть где-нибудь воздух свежее, чем на Ладожском озере?

Ангельская улыбка играла на алых губах князя Вольфганга дю Вольфа. Розовые щечки блестели, словно намазанные кремом. Голубая шевелюра была тщательно завита. Князь задумчиво гладил актрису по попке, размазывая мед. Все в комнате пропахло хорошим цветочным медом. Князь дю

Вольф был лжецом, равного которому еще не рождала Галактика. С ним надо было быть настороже.

– Я спас тебя. Я устрою вашу свадьбу.

– Господин Вольфганг, – спросила Ко. – Что случилось с Кларенс? Кто она такая?

– Она – твоя прямая предшественница. Она плохо кончила. Но я надеюсь, что ты хорошо кончишь. Если будешь меня слушаться. Во-первых, давай договоримся, что ты выходишь замуж завтра и даже без подвенечного платья.

– Но я уже разлюбила моего жениха!

– Ты его боишься, крошка?

– Я к нему не привыкла.

– Я понимаю, – согласился дю Вольф. – На острове была романтика, шумели сосны и можно было целоваться на закате, глядя, как садится солнце, правильно?

– Правильно.

– А здесь от тебя требуют немедленной свадьбы, да еще без подвенечного платья. Но я не могу ничего поделать. Ты сама добровольно убежала вместе с моим племянником. Если ты не выйдешь за него замуж, это ляжет несмываемым пятном на наше семейство. Выходи, он тебя не тронет.

– А где гарантии? – спросила Ко.

– Вот это серьезный разговор. Гарантия – мое слово. Обычно ему не следует верить – я великий обманщик. Но на этот раз я заинтересован в том, чтобы ты была довольна. Потому что сразу после свадьбы мы едем на свидание к тво-

ему папочке.

– Но почему не раньше? Почему не пригласить его на свадьбу?

– Потому что я люблю сюрпризы. А твоего папу ждет большой сюрприз.

– Милый, – взмолилась актриса, – я высыхаю. Вся кожа стянулась. Облизывай меня скорее.

– Сейчас, сейчас, я и сам не дожусь этого момента! Ты можешь идти, Вероника. Но учти, что сегодня вечером твоя свадьба, а завтра утром мы прилетим на Марс, где тебе предстоит встреча с твоим папой.

Так как князь Вольфганг более не смотрел на нее, а набросился на обнаженную актрису и принялся ее облизывать, Ко ничего не оставалось, как покинуть каюту.

* * *

Ко была в растерянности. Разумеется, ей не хотелось по-настоящему выходить замуж за этого бандита, лучше смерть, чем такая судьба. Но с другой стороны, она почему-то надеялась, что розовощекому Вольфгангу она нужна для другого, для более важной цели. И ее вытаскивали с Земли вовсе не для того, чтобы погулять на свадьбе.

И все равно было страшно. Вокруг корабля раскинулись миллионы километров пустого пространства. Ее крики услышать некому, а князю Вольфгангу достаточно приказать

своим придворным заткнуть уши ватой – и Ко погибла, в объятиях Артема или когтях льва.

За обедом сытый, измазанный медом Вольфганг сообщил Ко, что свадьба состоится в шесть часов тридцать минут, церемонию будет проводить он сам, как князь суверенного государства, на что имеет законные права.

– Надеюсь, крошка, ты не будешь вести себя так же плохо, как Кларенс, – сказал он, показывая пятьдесят сверкающих белых зубов. – Нам ты нужна живая и здоровая.

Так как все за столом начали услужливо хохотать, Ко положила себе салата и сделала вид, что занята едой, хотя, конечно же, аппетита не было. Она жалела Кларенс и понимала, что каким-то образом судьба этой девушки связана с ее судьбой. Но как узнать об этом?

После ужина князь Вольфганг дю Вольф сообщил, что намерен показать госте свой таксидермический музей. И все придворные стали проситься на экскурсию. Князь отобрал лишь самых приближенных: обер-камергера, облизанную актрису Клаву и жениха Артема.

Ко видела, что экскурсию устраивают для нее, поэтому старалась вести себя вежливо и непринужденно, ничем не показывая, какие печальные и тревожные мысли ее одолевают.

Когда они поднялись из-за стола, жених по-хозяйски обнял Ко за плечи и прижал к себе. Ко подчинилась и терпела. Скорей бы все кончилось... Докторши за столом не было.

Видно, она обедала в другом месте.

Перед тем как перейти в музей, произошла задержка. Поднимаясь из-за стола и окидывая его взглядом, князь Вольфганг грозно спросил:

– Кто взял серебряную ложку?

Началась суматоха. Ложки пересчитывали, перекладывали с места на место, а князь все более распалялся, крича, что из-за таких вот воров он не может до сих пор покорить собственную планету, что он уничтожит вора собственными руками. Все испугались, особенно когда по приказу князя в столовую вбежали силачи дю Вольфа и, поставив всех гостей лицом к стене, обыскали.

Ко еще никогда не обыскивали, и ей было скорее любопытно, чем страшно, – словно она попала в идиотский театр и смотрит представление.

Силачи, играя мускулами, рычали, выворачивая карманы и содержимое сумок, женщинам расстегивали платья, а когда силач совсем уж обнаглел, Ко обернулась к жениху.

– Артем, – сказала она, – хоть бы ты меня защитил!

– Тише! – испуганно откликнулся Артем. – Ты же видишь, я сам без штанов!

Тогда Ко решила позаботиться о себе сама. И когда силач запустил лапу ей под платье, Ко припомнила один из недурных приемов самообороны – она была отличницей в кружке по китайской и тайской борьбе. Вспомнив, Ко применила прием на практике, а силач, видно, этого приема еще не вы-

учил. Так что он с воплем отлетел в другую сторону комнаты и с ревом вытащил из-за пояса бластер. Ко нырнула под стол и услышала гневный вопль Вольфганга дю Вольфа:

– Ты с ума сошел, стрелять в моем доме, моей столовой?

– Мне бо-о-ольно! – вопил в ответ силач.

Раздался выстрел, и, высунувшись из-под стола, Ко увидела, как медленно падает на пол убитый охранник, который хотел ее застрелить.

Глядя из-под скатерти, Ко громко сказала:

– Если вы ищете ложку, то она лежит под столом у ваших ног, господин князь.

Князь поморщился, спрятал бластер за пояс и заглянул под стол. Он выпрямился, держа ложку в руке.

– Черт знает что, – сказал он. – Никому нельзя доверять. Простой ложки найти не могут. А ну, быстро все отсюда! И труп уберите. Понакидали трупов.

Силачи молча подняли труп своего товарища и понесли прочь из столовой.

Князь извинился перед гостями и сразу забыл об инциденте. Лишь сказал, обращаясь к Ко:

– Как-нибудь покажешь мне этот прием. Очень эффективен.

С этими словами он пошел к выходу. Камергер и актриса – за ним. Ворона опустилась ему на плечо и косила глазом на Ко. Жених подтолкнул Ко под локоть, чтобы она шла вперед.

Он стал куда менее нахален. Может быть, на него подей-

ствовала смерть силача?

Они прошли длинным коридором, спустились на нижний уровень, и там, вытащив из кармана небольшой золотой ключик, князь отпер дверь с табличкой:

«Таксидермический музей имени князя
ВОЛЬФГАНГА ДЮ ВОЛЬФА»

Скромностью розовый князь не страдал.

Вольфганг сам зажег свет, и КО следом за ним вошла в низкий обширный зал, который и в самом деле дал бы сто очков вперед любому музею космических курьезов.

На подставках, под колпаками, свисая с потолка, возвышаясь на постаментах, в музее разместилось более сотни различных чучел, сделанных великолепно, тщательно и профессионально. Были звери и птицы, известные Ко по книжкам и фильмам, некоторые были неизвестны совсем или она лишь могла догадываться, что вот это волосатое чудовище, похожее на крупного кентавра, на самом деле кинтобрас обыкновенный, исчезнувший на Кулопетре примерно десять лет назад. Князь Вольфганг гордо вел гостей от стенда к стенду, и все делали вид, что попали в музей впервые.

– Я всех убиваю сам, – сообщил он, надуваясь от собственной значимости. – Любого зверя я встречаю лицом к лицу...

– И эту бабочку? – спросила Ко, показывая на чудо с метровыми крыльями.

– Эту бабочку я поймал в Бесконечном лесу, но для того, чтобы выследить и накрыть ее сачком, я прошел пешком

около четырехсот миль, я болел тремя смертельными лихорадками, в двух стычках с туземцами потерял шестьдесят человек и, кроме того, возвращаясь домой, вынужден был убежать от двух патрульных крейсеров Экологического управления, потому что эта бабочка, как назло, оказалась последней во Вселенной.

Вокруг подобострастно засмеялись.

– Мне стыдно за вас, – сказала Ко.

Князь Вольфганг добродушно развел руками.

– Откуда я знал, что она последняя? Мне всегда казалось, что их осталось еще три или четыре. А теперь я покажу тебе, девочка, змею, яд которой убивает стадо слонов, а объятия могут задушить медведя...

Змея и на самом деле была внушительной.

Ко смотрела на нее и думала, зачем же на самом деле ее привел сюда князь дю Вольф. Ведь не для того, чтобы похвастаться бабочкой или змеей, – не такая Ко в его глазах фигура, чтобы устраивать ради нее представление. Ко, готовься к худшему – тебя сейчас снова будут пугать...

Приближение этой минуты она почувствовала по поведению окружающих. Вдруг все притихли. А сам князь тихо засмеялся горлом, как воркующий голубь.

– Я должен сказать, – заявил он, прервав смех, – что в мой таксидермический музей я допускаю только избранных. Например, твоему другу Милодару вход сюда категорически запрещен. И не потому, что я чувствую себя в чем-то вино-

ватым. Ничего подобного – ведь я лояльный глава суверенного государства и по моим законам я могу казнить и милловать. Вот, например...

Князь Вольфганг сделал шаг в сторону – шаг был рассчитан и вымерен, – и перед глазами КО предстала обнаженная фигура юной девушки, черноволосой, кудрявой, улыбающейся. Приподняв руку, девушка придерживала кончиками пальцев непослушные локоны, словно налетел порыв ветра и растрепал их.

– Что это? – ахнула Ко.

– Чучело, – сказал князь и от удовольствия зажмурил голубые глазки. – Самое обыкновенное чучело из нередкой и не охраняемой Красной книгой породы хомо сапиенс. Так что я могу спать спокойно. В отличие от бабочки, которой вы меня, юная леди, упрекнули, эта девица ничем не нарушит баланса живых сил в земной природе.

– Вы убили ее? – Ко стало страшно и так жалко девушку, что она еле сдерживала слезы.

– Мы были вынуждены ее наказать! Она сама виновата – не смогла помочь нам в том же деле, в котором вы нам так успешно помогаете.

– Как так наказать! – ужаснулась Ко. – Убить?

Ко не хотела, не могла смотреть на эту фигуру, но была не в силах оторвать от нее глаза. Толстый обер-камергер, выбиравший позицию, чтобы получше разглядеть Кларенс, оттолкнул Ко, и она неожиданно встретилась с девуш-

кой взглядом. Глаза у Кларенс были совсем живые, они были широко открыты и чуть затенены длинными ресницами. Во взгляде замер немой допрос: «Почему я здесь? Что случилось?»

– Ах, как я ее помню, – прогудел толстый камергер. – Мы с ней в шашки играли. Когда я выигрывал, она всегда обижалась. Ну, как маленькая!

– Она и была маленькая, – откликнулась Клавдия. – Вы не поверите. Как-то за обедом много шутили, анекдоты рассказывали, а она слушала, слушала, а потом меня спрашивает: скажи, Клава, откуда получают дети? Ей шестнадцать лет было, не больше.

– Вранье, – Артем ухмыльнулся так нагло и противно, что Ко готова была его убить – сейчас скажет какую-то гадость! – Вранье. Я спал с ней. Сначала она верещала, а потом привыкла.

– Помолчи, – вдруг оборвал его розовощекий князь, который задумчиво откусывал от большого пряника и сыпал крошками на пол. – Ты врешь, чтобы мне угодить. А мне твоя ложь не нужна. Девушка она была наивная и чистая. Клава права, она так до конца жизни и не поняла, что происходит. И я ее любил. По-своему, грубо, непостоянно, но любил. Так что попрошу без пошлостей.

– Пошутил я, – сразу признался Артем. – С кем не бывает.

– Со мной не бывает, – заметил Вольфганг. – С культурными людьми не бывает.

Взгляд Ко упал на пальцы ног девушки. Такие маленькие пальчики, такие аккуратные ноготки, а на большом пальце небольшой белый шрам – когда-то порезала ногу, и теперь навсегда... навечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.